

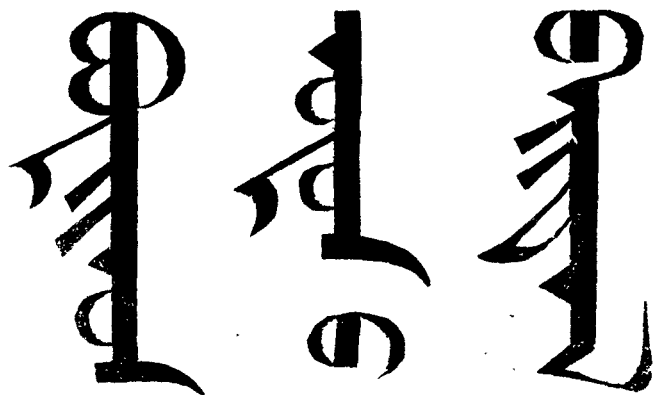
ЖИЗНЬ БУРЯТИИ

ЖИЗНЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ᠵᠢᠰᠢᠨᠪᠦᠷᠦᠳᠢᠨᠢ

ЖИЗНЬ БУРЯТИИ

Двухмесячный орган БурЦИК'а и СНК Б.-М. А. С. С. Р.

6-й год издания

Март—апрель

№ 2

Верхнеудинск
Типография Бургосизд.
Зак. № 2519--750—29 г.
Бурлит № 784

СОДЕРЖАНИЕ № 2.

СТРАН.

I.

1. В. ПЕТРОВ. Итоги II-го пленума ОК ВКП (б) 1
2. П. КОПЫЛОВ. Итоги перевыборов в советы 6
3. Г. АНОСОВ. Организационно-массовая работа советов 12
4. И. А. РУКАВИШНИКОВ. К вопросу обоседления кочевого и полукочевого населения Бурятии 16

II.

Промышленность.

1. Г. ПЛУЖНИКОВ. Промфинпланы местной промышленности Нарком-промторга на 1928—29 г. 21
2. С. Д-ов. Кедровый промысел и его будущее 31

III

Сельское хозяйство.

1. Проф. В. Н. ДУНИН-БАРКОВСКИЙ. Проблема промышленного земледелия Бурятии 41
2. П. Ф. БЕССОЛИЦИН. Путевые заметки агронома 47
3. * * * Задачи динамической переписи 54

IV.

Культурно-социальный.

1. Г. Р. РИНЧИНЭ. К проблеме латинизации монгольской письменности. 57
2. Д. М-Н. Итоги одного диспута 64
3. МУНКЭ-САРЬДАК. Мэлжелгэ 68
4. Ф. КУДРЯВЦЕВ. О развитии просвещения среди трудящихся женщин Бурятии 74
5. Проф. М. П. МИХАЙЛОВ. Кумыс и кумысолечение 80
6. Врач ГРИНБЕРГ Ф } Профессиональные и социальные болезни на сте-
Врач КОПЫЛОВА К. } кольном заводе 89

V.

Краеведение.

1. П. Г. ПОЛТОРАДНЕВ Тувкинские сойоты 94
2. ВЛ. ГИРЧЕНКО. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVI—XIX в-ках 100

VI.

По Бурятии.

1. П. БАРАННИКОВ Первые побеги 109

VII.

Х р о н и к а 113

VIII.

Библиография.

- К. ЗАБЕЛИН, П. БУТЫРИН, М. П-С. 117

Итоги II-го пленума ОК ВКП (б) *).

I.

Пленум первым вопросом заслушал доклад о работах четвертой Сибпартконференции, подведшей итоги двухгодичной работы. Несмотря на то, что сибирской парторганизации приходилось работать в трудных условиях, при отсутствии достаточных пролетарских кадров и при преобладании крестьянской стихии, все же имеются огромнейшие сдвиги и крупнейшие успехи. Налицо рост активности как парторганизации, так и беспартийных масс. Решения партии, лозунг самокритики—все это способствовало росту сознания масс, правильного усвоения ими генеральных линий социалистического строительства.

Хозяйство Сибири неуклонно идет по пути к социализму. Валовая продукция полеводства в 1928 году составляла 384 мил. рублей, в 1926-27 году—391 мил. рублей в 27-28 году—437 мил. рублей, а в 1928-29 году ожидается прирост до 600 мил. руб. Животноводство также дало огромный рост в сравнении с прошлыми годами (в 1923 г. валовая продукция 170 мил. руб., а в 1927-28 г.—414 мил. руб.) Неуклонно растет товарность продукции сельхозяйства, в частности по хлебозаготовкам в текущем году заготовлено больше прошлых лет на 23 мил. пудов хлеба. Сибирь играет огромную роль в сырьевой и продовольственной базе СССР и, понятно, какое значение для хозяйства страны играет рост хозяйства Сибири.

Сибирь не всегда будет только сельско-хозяйственным районом, уже сейчас она вступила на путь индустриализации. Намечена постройка ряда больших заводов, в частности в текущем году начнется постройка Тельбесского металлургического завода. Разрешается вопрос о постройке сибирской сверхмагистрали, имеющей огромное значение в деле хозяйственного развития Сибири. Сейчас разрешена проблема увязки в развитии сибирской угольной промышленности с Уральской индустрией.

Сибирская промышленность имеет и ряд больных сторон: слаба производственная дисциплина, нет должной работы по снижению себестоимости и ряд других недочетов. Кроме того, вопрос хозяйственного под'ема упирается в недостаток руководящих кадров, выдвигание из рабочих проходит недопустимо медленно.

На все эти моменты конференцией уделено соответствующее внимание, дан ряд директив, которые лягут в основу дальнейшей работы парторганизации.

Вопрос социалистического строительства в деревне, конечно, теснейшим образом связан с задачами индустриализации; крестьянство, без сомнения, должно принимать участие в индустриализации страны, ибо «индустриализация есть также дело крестьянства, как и рабочего класса. Без индустриализации крестьянство не выберется из своих хозяйственных затруднений, без индустриализации распыленные крестьянские хозяйства не смогут подняться на высоту крестьянского общественного хозяйства» (Сырцов).

*) Пленум ОК состоялся 15-20 марта; на нем были обсуждены вопросы: решения IV-й Сибирской обл. парт. конференции, доклад о Бурят-монг. организации ВЛКСМ и колхозное строительство в Бурятии,

Перестройка деревни, рост социалистических элементов—несомненны. Если на 1-е января—1927 года по Сибкраю колхозов было 697, то на 1 января—1929 года их стало 2465. Удельный вес товарной продукции колхозов составляет 6,3 проц. общей крестьянской продукции края,—в коллективных хозяйствах выше доходность, выше общая культурность населения. По пятилетнему плану предположен охват коллективами до 25 проц. всех хозяйств.

Несомненный рост посевной площади (128 проц. к довоенной) со всей категоричностью отзергает разговоры о так называемой деградации сельского хозяйства.

Дело индустриализации требует подведения культурной базы, поэтому вопросы ликвидации неграмотности, поднятия общего культурного уровня масс, подготовки специалистов и научных работников сейчас играют колоссальнейшую роль. При чем, разрешение культурных задач протекает в условиях обострения классовой борьбы, когда классово-враждебные прослойки на идеологическом фронте пытаются дать растущему социализму бой.

В условиях развернутого социалистического строительства выросла роль профсоюзов, как активных участников этого строительства. Конечно, в этой обстановке нет ничего опаснее, как ослабление партийного руководства профсоюзами, тенденции противопоставить профсоюзы партии. Укрепление партруководства, поднятие активности профмасс через развертывание самокритики, борьба с мелкобуржуазными настроениями в профсоюзах,—таковы основные директивы партии на сегодня в части профсоюзной работы.

Развернутому социалистическому наступлению противостоят классово-враждебные нам группировки. Классовая борьба обострилась, враг с ожесточением отстаивает свои позиции, из которых его выбивает рабочий класс. Надо понять, что укрепление социалистического строительства, наступление социалистических элементов в городе и деревне неизбежно связано с усилением классовой борьбы, с возрастанием противодействия со стороны вытесняемых элементов. Этого нельзя забывать. Опираясь на бедноту, в союзе с средняком решительно наступать на капиталистические элементы.

Сибирская партийная конференция показала, что в борьбе за генеральную линию, за индустриализацию, за социалистическое переустройство Сибирская парторганизация идет за ленинским ЦК вместе со всей партией и что капитулянтам, правым уклонистам и примиренцам, пытающимся стащить партию с большевистского пути, она даст соответствующий отпор. Направляя основной огонь против правого уклона, парторганизация должна не прекращать борьбы и с остатками троцкизма, который сейчас открыто перешел на сторону контрреволюции.

Второй пленум ОК ВКП (б) целиком и полностью одобрил решения IV-й Сибпартконференции и единогласно подтвердил правильность решения конференции, направленного против правого уклона и примиренчества к нему и что «внимание партийной организации в данный момент должно быть сосредоточено на борьбе с правыми уклонистами и примиренчеством к ним, решительно разоблачая попытки правых демагогов прикрывать свои выступления разговорами о, якобы, зажиме внутрипартийной демократии, так как по существу эти выступления содержат в себе элементы фракционности и грубого нарушения элементарных требований партийной дисциплины». Пленум предложил парторганизации направить основной огонь против правого уклона и примиренчества к нему не ослабляя при этом дальнейшую большевистскую непримиримую борьбу с остатками троцкизма, открыто перешедшего на путь контрреволюционной деятельности, подрывающей диктатуру пролетариата».

II.

Вопрос о комсомоле, обсужденный пленумом ОК ВКП (б), имеет сейчас огромное значение. В условиях развернутого социалистического строительства, в обстановке обострения классовой борьбы, для партии не безразлично за кем пойдет молодежь, как она будет воспитываться и работать. Если классовый враг пытается завоевать молодежь, использовать ее в своих интересах, то от партии требуется целая система мер,

направленных к тому, чтобы сохранить руководство молодежью за собой. На практике у нас кое-где получилось наоборот; мы имеем определенное ослабление партийного руководства, особенно в низовых ячейках. Наша Бурят-монгольская организация КСМ не так давно была обследована ЦК комсомола, состояние организации было признано неудовлетворительным, особенно в части социального состава ее. Потребовалось проведение специальной чистки организации, чтоб очистить ее от чуждых элементов. В результате этой работы исключено из комсомола 600 человек, или 8,4 проц. организации. Эта чистка не только удалила из организации элементы тормозившие комсомольскую работу, но чистка усилила приток в организацию рабочих и батрацко-бедняцких кадров, кроме того, в результате чистки получилась встряска всей организации, что содействовало общему улучшению работы.

Слабость работы комсомола еще объясняется тем, что новые формы работы (легкая кавалерия, культтурм, инициативные группы и т. д.) внедряются слабо. Надо решительно взяться за то, чтоб через эти формы направлять активность молодежи и чтоб те колоссальные запасы энергии и инициативы, которые имеются у ней были использованы на пользу социалистического строительства.

Надо также отметить, что лозунг самокритики в комсомоле реализуется плохо, многие недостатки могли бы быть выявлены раньше, если бы самокритика была соответствующим образом развернута.

В прошлом участие комсомола в хозяйственном и культурном строительстве было слабо. Сейчас вопрос об этой работе должен быть разрешен таким образом, чтоб комсомол был первым, постоянным помощником партии в проведении тех хозяйственных задач, которые стоят перед ней. Борьба за снижение себестоимости, за поднятие производительности труда, весенняя сельхоз. кампания, коллективизация сельского хозяйства, — все это должно проводиться при активном участии комсомола.

В культурной работе основной своей задачей комсомол должен поставить перед собой ликвидацию неграмотности и культурные походы против грязи в быту.

Необходимо сосредоточить внимание комсомольской организации на борьбе с правым уклоном и примиренчеством к нему, разъясняя широкой союзной массе сущность и опасность этого уклона в данный момент, в тоже время не ослабляя борьбы с остатками контр-революционной троцкистской подпольной группы.

Решительно бороться со всякими анти-пролетарскими настроениями и идеологиями, в особенности с великодержавным шовинизмом и национализмом, памятуя, что: „борьба с этими, по существу кулацко-капиталистическими уклонами, а в особенности с великодержавным шовинизмом, должна быть усилена» (из резолюции шестой облпартконференции).

В условиях Бурятии особое внимание комсомола должно быть обращено на антирелигиозную работу. В первую очередь усилить антирелигиозное воспитание и широко вовлекать молодежь в союз безбожников.

Отмечая слабое состояние комсомольского политобразования, пленум отметил необходимость решительного усиления его, ведя при этом борьбу с комчванством и всезнайством комсомольцев и широко вовлекая их в политучебу.

Значительное обновление ячейкового и аймачного актива новым батрацко-средняцким кадром, выдвигает неотложную задачу его воспитания и подготовки.

Уроки чистки комсомсла должны заставить с большим вниманием относиться к вопросам роста комсомола. Нельзя относиться безразлично к тому, как проходит пополнение комсомольских рядов. Продолжая очистку рядов комсомола от социально чуждых элементов, надо неуклонно вести работу по вербовке рабочей и батрацко-бедняцкой молодежи.

Вся система комсомольской работы может отвечать тем требованиям, которые предъявляет современность, лишь при условии постоянного партийного руководства, особенно в низовых ячейках. Сейчас нужно бороться за качество партийного руководства. Касаясь практических мероприятий по усилению партруководства, пленум нашел нужным отказаться от практики выделения партийных прикрепленных в низовых ячейках с тем, чтобы вся

ответственность руководства комсомолом лежала на бюро парт'ячейки, практиковать серьезное и систематическое изучение вопросов жизни и работы комсомола, оказывать комсомолу помощь силами и средствами, при выполнении важнейших мероприятий и отдельных заданий; партийным комитетам заслушивать доклады комсомола по отдельным вопросам, давая практические указания по ним и систематически проверять выполнение своих решений по работе комсомола.

III.

После XV съезда партии мы имеем бурный рост колхозов, свидетельствующий о том, что директивы партии достаточно правильно усвоены местами.

По Буреспублике цифры говорят о следующем: если в 1923 году коммун было всего 3 и в 1927 году 20, то в 1928 году коммун уже 80; сельско-хозяйственных артелей в 1924 году было 7, в 1927 году 37, а в 1928 году их стало 80; товарищества по общественной обработке земли было в 1924 году 3, в 1927 году 8 и в 1928 году их стало 20.

Эти цифры говорят не только вообще о росте, но они говорят, что этот рост идет преимущественно за счет создания сложных объединений коммун, и что последние завоевали внимание населения больше, чем простейшие формы колхозного строительства. При том с.-х. коммуны, преимущественно развивались в западных аймаках, где для них имеются наиболее благоприятные условия. Надо сказать, что и внимание партийных, советских и кооперативных органов было больше уделено коммунам, чем простейшим массовым формам объединения.

Подобное положение нельзя считать нормальным. Отставание в развитии простейших форм колхозного строительства, ни в коем случае не должно иметь место. Прямая дорога массового производственного кооперирования населения — только через простейшие формы колхозов, ибо проходя через них население постепенно сбрасывает свою старую собственническую психологию и усваивает навыки новой коллективной жизни. В дальнейшем наша задача, при построении социалистического хозяйства, делать наибольший упор на простейшие формы коллективизации.

Членский состав колхозов представляет на 1-е октября 28 года следующую картину.

РОД КОЛХОЗОВ	Рабочих	Служащих	Батраков	Крестьян бедн.	Средняков	Зажиточных
Коммуны	1,6%	0,6%	9,4%	59,6%	27,7%	1,2%
Артели	0,4%	0,4%	4,6%	61,7%	31,8%	1,0%
Товарищества	—	—	6,5%	57,4%	35,2%	0,3%

Эти цифры, если их сравнить с 1927 годом, имеют ряд отрицательных моментов такого порядка: снижение рабочей прослойки, падение удельного веса батраков в коммунах, рост зажиточных во всех формах колхозов.

Рост колхозов встречает определенное сопротивление кулачества. Кулак активно выступает против колхозов, ведет агитацию, запугивая население тем, что «хозяйство пропадет», «с голоду подохните», есть случаи явного вредительства, направленного на то, чтоб подорвать хозяйство колхоза (отравление скота, порча с. х. инвентаря, избивание колхозников и т. д.). С другой стороны кулак стремится пролезть в коммуны, чтоб избежать налогового обложения или сохранить избирательные права. Эта политика приспособляемости и пролазничества кулаков и дала повышение процента зажиточного элемента наших колхозов. В некоторых случаях имеются перегибы в другую сторону,

ограничивается доступ в коллективные объединения средняку и колхоз строится исключительно бедняцко-батрацкий. Оба эти положения ненормальны и в дальнейшем надо ставить работу так, чтобы избежать перегибов как в ту, так и в другую сторону.

Партийная прослойка в коммунах 12,4%, в артелях 0,4%, а товариществах по общественной обработке земли 0,48%.

Основная масса колхозов, в силу молодости по организации и методам ведения хозяйства, мало отличается от индивидуальных хозяйств. Что же касается наиболее старых колхозов, то в них применяются сложные и полусложные машины; имеется племенной скот, племенные рассадники и случайные пункты, улучшена местная порода скота; поля засеваются чистосортными семенами. Эти хозяйства уже являются ведущими—показательными хозяйствами. Но все же нужно отметить как в старых, так и в новых колхозах повышение урожайности против индивидуальных хозяйств и постановка животноводства на более рациональных основах.

Рост колхозов идет по линии создания карликовых объединений, поэтому перед нами стоит задача укрупнения колхозов путем вовлечения новых членов, создания отдельных колхозов и кустования групп колхозов.

Организация крупного коллективного хозяйства требует соответствующего кадра опытных работников. Наличный состав колхозных работников недостаточно подготовлен к этой работе, сейчас задача дать колхозам опытных работников, перебросив таковых из других организаций, а также и за счет подготовки новых кадров.

В перспективе мы должны иметь перед собой задачу укрепления существующих колхозов, уделение большего внимания простейшим колхозам, дабы через них постепенно подводить крестьянские массы к сложным формам коллективизации. Суметь сохранить темп коллективизации, сохранить уже создавшиеся колхозы задача не малая и она требует повседневного постоянного руководства как со стороны партии, так и со стороны соответствующих кооперативных объединений. Необходима подготовка кадров колхозных работников, могущих обеспечить правильность развития колхозов, следует обеспечить колхозы соответствующими агрономическими силами.

Надо уберечь наши колхозы от классового врага. Засорение колхозов социально чуждым элементом может привести к печальным результатам, ибо кулак пролезший в колхоз, постарается использовать это в своих личных интересах или же будет стремиться развалить колхоз, дискредитируя этим идею коллективизации.

Для районных партийных организаций коллективизация—основная задача по социалистическому переустройству деревни.

Итоги перевыборов в советы.

Избирательная кампания в советы в связи с обострением классовых противоречий в городе и деревне, в связи с наступлением на капиталистические элементы, приобрела исключительное внимание партийных, советских и общественных организаций.

Подводя итоги перевыборной кампании следует особо выделить ряд основных политических моментов, отметив как ее достижения, так и недостатки.

В период подготовительной работы к перевыборам (начало в августе месяце) со стороны центральных руководящих органов были даны директивы о конструировании избирательных комиссий и проведении этой работы. Большинство аймаков эту директиву своевременно не восприняли, хотя и во время приступили к организации избиркомов. Но дальше работа пошла вяло; в большинстве случаев избиркомы работали слабо. Имели место засорения избиркомов чуждым кулацким элементом. Места часто нарушали положение об избиркомах, вводили представительство, не предусмотренное положением и т. п.; к составлению списков избирателей и лиц лишенных избирательных прав относились формально, переписывая старые списки, благодаря чему по многим избиркомам не были полностью учтены избиратели. Были и «мертвые души», которые по разным причинам (замужество, военная служба, переселение, смерть) выбыли из состава избирателей. Имели место такие моменты, когда в составе избирательных комиссий были лица, подпадающие под действие ст. 69 Конституции РСФСР и Инструкции о лишении избирательных прав, которых впоследствии выводили из состава избиркомов и лишали избирательных прав.

Партийные, советские и общественные организации подготовительный период для развертывания агитационно-разъяснительной работы по перевыборам среди рабочих и крестьян не использовали и массу вокруг перевыборной кампании не организовали. Ячейки партии также мало сделали в части подготовки и организации бедноты и батрачества, в то время как в этот период должна была проводиться основная работа по организации батрацко-бедняцких масс, должна быть подготовлена вся работа связанная с избирательной кампанией.

Существенной причиной обуславливающей слабость развертывания работы по перевыборам в Советы в подготовительный период является то обстоятельство, что этот период совпал с проведением еще целого ряда кампаний, как-то: сельхозналоговая,—по развертыванию хлебозаготовок и подготовка к ней; перевыборы бюро партийных ячеек и ячеек комсомола; аймачные, партийные конференции; проведение 6-й Областной конференции; кризис руководства внутри партийной организации перед ней; проведение проверки социального состава комсомольской организации—все это и, особенно, внутрипартийное состояние, не могло не отразиться на ходе подготовительной работы к перевыборам.

Внимание партийной, советских и общественных организаций было сосредоточено на этих кампаниях и отвлечено от избирательной. Это положение, конечно, не может оправдывать слабость развертывания избирательной кампании, в дальнейшем оно должно быть учтено и недостатки изжиты. Имели место и такие явления, когда аймачные организации просто не учли во время всей важности перевыборной кампании и отнеслись к ней недостаточно серьезно, не учтя в должной степени действительной политической обстановки.

Со стороны руководящих центральных организаций также не было во время уделено должного внимания избирательной кампании, не было обеспечено своевременно живое руководство. Сроки выборов в советы в аймачных скотоводческих районах в прошедшую избирательную кампанию были установлены особо от других районов. В целях наибольшего вовлечения скотоводческих масс в избирательную кампанию, учитывая территориальную разбросанность и слабую обеспеченность помещениями для собраний, срок перевыборов в восточных районах был установлен с 5 по 20 октября.

Подготовительно—отчетная кампания в этих районах прошла чрезвычайно слабо. Со стороны аймачных организаций мало уделено внимания перевыборам в Советы. Слабо обеспечено живое руководство аймачных центров местами. Недостаточно четко и твердо выдерживалась классовая линия в перевыборной кампании. Со стороны центральных организаций совершенно отсутствовало живое руководство над аймаками, о чем свидетельствует тот факт, что от Центральной избирательной комиссии и Бур. ЦИК'а, не было выслано ни одного уполномоченного в эти районы, не говоря уже об общественных организациях.

Благодаря слабой подготовленности к перевыборной кампании, отсутствия достаточного руководства и классовой четкости в ней по восточным районам, мы имели в некоторых случаях отрицательные результаты такого порядка, — когда во вновь избранные советы проникал кулацко-зажиточный элемент, когда в советы совсем не избраны или недостаточно представлены середняки. Для ясности приведу ряд примеров: в Погомиинский с.-совет Еравнинского аймака избрано 6 бедняков, 10 середняков и 5 зажиточных, Цакирский с.-совет Закаменского аймака избрал—3 бедняков, 13 середняков и 3 зажиточных, как в первом, так и во втором совете нет ни одного батрака. Турчинский совет Агинского аймака—12 бедняков, 11 середняков и 5 зажиточных.

Из перегибов в обратную сторону в части игнорирования середняка характерны такие примеры: по Агинскому аймаку в Ильино-Дульдургинский с.-совет избрано два батрака 19 бедняков 3 служащих и не одного середняка; Верхне-Ангарский совет Северо-Байкальского района из 15 членов совета—все бедняки.

По Селенгинскому аймаку из 893 членов с.-советов избранных по списку середняков всего 187 человек. В Хамнейском совете, Закаменского из 46 членов батраков нет, бедняков 40 человек, середняков—3 и служащих—3 человека.

Вывод из всего вышесказанного может быть один: не смотря на то, что подготовительная кампания к перевыборам в советы началась своевременно и срок до начала отчетной кампании был достаточный, подготовительная работа к перевыборам в советы за этот период была проведена слабо. Руководство в этот период было слабое, живое руководство отсутствовало. В восточных районах выборы прошли самотеком, благодаря чему имеются перегибы в ту и другую сторону.

Отчетный период начался в начале декабря месяца. На места были командированы уполномоченные Центризбиркома, стали посылаться представители союзов и рабочие бригады. С этих пор кампания приняла другой оборот. Пробелы и недостатки подготовительного периода начали живо исправляться, работа наладилась, кампания получила политическую окраску. Места также раскачались, аймаки и районы выделили своих уполномоченных для работы в сельсоветах и улусах, ячейки мобилизовали свой актив на избирательную кампанию. Было приступлено к проверке списков лишенных избирательных прав, выявлению лиц подлежащих лишению, а также проверялись списки избирателей. Развернулась работа среди бедноты. Беднота быстро организовалась вокруг избирательной кампании. Проведен смотр групп бедноты в связи с перевыборной кампанией в советы, который оказал значительную помощь как в деле выявления недостатков, так и в деле организации самой бедноты. Аймачные конференции групп подытожив работу смотра, наметили дальнейшие задачи. Смотр групп бедноты и аймачные конференции групп всколыхнули массу бедняцкого населения и оживили работу местных организаций, а также сделали значительный сдвиг в сторону классового содержания работы вообще и перевыборной кампании в частности.

(молч, безусловно, имел не только большое практическое значение и влияние на ход избирательной кампании, но и важное политическое значение в смысле организации бедноты.

Хотя отчетная кампания несколько затянулась но зато в основном недостатки и ошибки предыдущего периода были исправлены. Отчетные собрания проводились уж тогда, когда масса бедноты и середняков была подготовлена и усвоила важность избирательной кампании.

Отчетные собрания против прошлых лет проведены более организованно. В прошлом отчеты делались на общем собрании избирателей всего села или сомона и посещаемость их достигала едва 20 процентов В последние выборы отчеты проходили по избирательным участкам, тем самым дана большая возможность посещения их избирателями, благодаря чему процент посещаемости их по сравнению с прошлым поднялся до 32%. Активность избирателей также имеет значительное повышение. Если в прошлой кампании выступление по отчетам было незначительно, то в эту кампанию число выступающих избирателей достигало 12% по отношению к присутствующим.

Характер выступлений также далеко изменился, раньше говорили больше о своих, зачастую личных нуждах, а теперь абсолютное большинство выступлений носит широкий обще-политический государственный характер. При чем подавляющее большинство выступлений пропитано классовым содержанием и отвечает общим политическим и экономическим задачам поставленным коммунистической партией. Работа советов критиковалась с точки зрения классового анализа ее.

Наказы, принятые избирателями, также пропитаны классовым содержанием и в них достаточно отражены задачи переустройства с.-хозяйства и коллективизации его.

К недостаткам отчетной кампании следует отнести то, что сосельсоветы с отчетами выступали недостаточно подготовленными, отчеты были написаны трафаретно, своевременно не проверены, не проработаны. В отчетах больше всего говорилось о площадях обслуживания с.-совета, о расстоянии до аймачных центров от резиденции сельсовета и т. п. и меньше всего о классовом содержании работы совета и других важнейших вопросах. Докладчики зачастую не были подготовлены к докладам, что естественно не могло в достаточной степени заинтересовать массу.

Деятельность правительственных органов, отчитывающихся перед избирателями была взята под огонь самокритики и проверялась во всех направлениях.

В качестве недостатков в отчетности центральных органов республики перед избирателями необходимо констатировать то, что эта отчетность не получила широкого размаха. АНК'и и РИК'и не сумели отчитаться на всех отчетных собраниях перед своими избирателями, тогда как возможности были гораздо шире, чем они использованы. Центральные республиканские органы ЦИК'а и его комиссариаты не смогли развернуть отчетности перед массами, с отчетными докладами выезжали только Наркомзем, Наркомат РКИ, Наркомздрав и те не смогли полностью выполнить заданий ЦИК'а и часто отчетные собрания срывались за невыездом докладчиков.

В общем отчетная кампания, благодаря принятым энергичным мерам по исправлению недостатков подготовительной кампании, прошла достаточно организованно, активно и получила правильное классовое выражение, вместе с тем свобода критики действий отчитывающихся организаций всколыхнула массы и подняла их активность.

К самим выборам мы пришли достаточно с'организованными, решающее значение в этому времени было за беднотой, которая шла в союзе со средняком на протяжении всей избирательной кампании. Этот союз не только сохранился, но по мере развития избирательной кампании усилился и закрепился.

Следует особо остановиться на избирательной кампании в городах нашей республики. Всего городов, которые имеют самостоятельные городские советы—три: В.-Удинск, Троицкосавск и Мысовск. Условия для проведения всякой работы в городах, несомненно, лучше, чем в сельских местностях и улусах. Обеспеченность силами, помещениями, комплектность и большая организованность городского населения чем крестьянства, являются несомненным залогом успешного проведения всякой работы и, казалось бы, в городах

избирательная кампания должна была пройти с большим успехом, чем в сельских местностях, но на деле в большинстве случаев мы имели обратные результаты.

Подготовительная работа по городам к перевыборам в советы прошла слабо (за исключением Троицкосавска) учет избирателей и лишение избирательных прав прошло с большим недостатком, так например—в г. Верхнеудинске перед самими выборами было недоучтено больше 3000 избирателей из неорганизованного населения. В вопросах лишения избирательных прав были большие перегибы (около 33% из лишенных городской избирательной комиссией, центризбирком восстановил, как неправильно лишенных). Слабо охвачено отчетной и выборной кампанией неорганизованное население.

Отчетные собрания благодаря неяви докладчиков от Горсовета иногда срывались, были случаи неподготовленности докладчиков к выступлениям, доклады делались слабо, часто докладчики не могли дать исчерпывающих ответов на заданные вопросы. Имели место нарушения основных положений инструкции ВЦИК о перевыборах в советы, благодаря чего центризбирком отменила выборы по Мысовскому Горсовету и произвела перевыборы. Все это свидетельствует о том, что в будущих выборах недостатки эти нужно своевременно учесть и принять соответствующие меры к их устранению.

Отчетно-предвыборный период закончился почти повсеместно к 1-му января 1929 г., только в отдельных сомсельсоветах отчетные собрания затянулись за 1-е января вследствие того, что были отменены отчетные собрания и проводились новые.

С 1-го января было приступлено к перевыборам в советы.

Всего явилось на выборы 110721 человек или 45,5% всех избирателей, из них мужчины—71,6%, женщины 28,4%. Повышение по сравнению с прошлыми выборами мужчин на 5,1%, женщин на 5,9%, а всего на 5,8 проц.

По отдельным аймакам самый высокий процент посещаемости имеется по Аларскому—50,5%, по Эхирит-Булагатскому—50,6%. Отстающими аймаками являются: Селенгинский—давший только 39,4% и Агинский—39,3%, т. е. те восточные районы, где была слабо проведена подготовительная работа.

Итоги перевыборов характеризуются следующими цифровыми показателями: всего избрано в советы 8241 человек; по национальности бурят—4074, русских—4010, евреев—24, поляков—10, татар—47, украинцев—21, тунгусов—31 и проч.—24; по полу—мужчины—6514, женщины—1727, повышение последних по сравнению с прошлым на 4,9%; партийный состав был 18,3%, стал—20,7%. Имеется увеличение партийного состава, если же взять качество его, то эти улучшения будут значительно ценнее, так как в эту избирательную кампанию вливаются партийцы вполне авторитетные, показавшие себя на деле. Рабочих и батраков было 4,1%, стало 6,3% Крестьян бедняков, освобожденных от налога было 18,9%, стало 26,9; крестьян середняков было 29,7% стало 36,7%. зажиточных было 8,8%, теперь 1,2%. Таким образом, задачи, поставленные перед нами в настоящую избирательную кампанию о создании бедняцко-средняцких советов с большим вовлечением батрачества, в основном выполнены. Советы в улусе и деревне являются действительными органами диктатуры пролетариата. Анти-советский, кулацкий элемент от органов советского управления окончательно отстранен.

Имея в основном довольно положительные результаты по перевыборам в советы, в отдельных советах мы имеем не совсем удовлетворительные результаты, заключающиеся в том, что в некоторых советах оказался избранным кулацко-зажиточный элемент. Есть такие советы, где преобладающее количество избрано середняков с малым количеством бедноты и батрачества и, наконец, имеет место игнорирование середняка, благодаря чего в некоторых советах их не оказалось ни одного. Проверая социальный состав избранных сомсельсоветов находим, что всего советов с недостаточным количеством бедняков, с преобладающим количеством в них середняков, по республике—19, с преобладающим количеством бедноты,—37 и со значительным количеством зажиточного элемента—7 советов.

В целях исправления недостатков и устранения из советов зажиточно-кулацкого элемента, ВурЦИК'ом дано распоряжение о пересмотре состава советов и назначении

перевыборов там, где имеются эти недостатки и надо полагать, что допущенные ошибки во время перевыборов, мы с'умеem исправить.

В основном же выборы прошли более удовлетворительно, чем в предыдущие годы. Эти результаты не могли быть достигнуты без горячих боев бедноты, батрачества и лучшей части середняков, руководимых нашей партийной организацией—с одной стороны, и кулачеством со всей анти-советской частью населения—с другой.

Кулачество, на протяжении всей избирательной кампании, оказывало сильное сопротивление, стараясь сохранить свое влияние в советах. Изолированное само от избрания в совет и от участия в выборах посредством лишения избирательных прав, кулачество старалось протащить „своих людей“, „подкулачников“, антисоветски настроенных середняков и т. п. Для этого оно пользовалось различными методами, начиная с того что под видом „сочувствия“ отводили бедняцких кандидатов, открыто выступали против коммунистических кандидатов с целью их дискредитации и кончая организацией подпольных „избиркомов“, группирующих вокруг себя все антисоветское в селе и улусе, доходя в отдельных случаях до запугивания бедноты и даже применения террора—избиения и покушений на представителей бедноты, членов избиркомов из батраков, партийцев и комсомольцев.

В общем и целом, классовая борьба вокруг избирательной кампании развернулась во всю ширь, но сопротивление кулачества было сломлено—победа осталась за нами.

Следует немного остановиться на вопросах лишения избирательных прав. В вопросах лишения избирательных прав в отдельных районах имеют место перегибы в сторону ущемления середняка в деревне и лишения избирательных прав трудового элемента в городе, имеющего свои домики и получающего за них квартирную плату. Местами эти перегибы имеют распространенный характер. В практике работы центральной избирательной комиссии приходилось восстанавливать в избирательных правах лиц неправильно лишенных и больше всего относится это восстановление за счет середняка в деревне и улусе и трудящихся города. Всякий неосторожный подход к середняку в улусе и деревне, к трудящемуся в городе отражается отрицательно на политическом настроении трудящихся.

В целях исправления ошибок, БурЦИК'ом на основании телеграммы ВЦИК РСФСР дано распоряжение о немедленном пересмотре списков лишенных избирательных прав и немедленном восстановлении неправильно лишенных. В этом деле советам должна помочь советская общественность.

Подводя итоги прошедшей избирательной кампании, Областной комитет ВКП (б), БурЦИК и центральная избирательная комиссия сделали такие выводы.

В общем и целом, выборы в советы прошли удовлетворительно. Задачи, поставленные в минувшую избирательную кампанию—в основном выполнены. Вновь избранные советы в подавляющем большинстве действительно являются органами диктатуры пролетариата и связующим звеном между пролетариатом города с деревенской и улусной беднотой, с сохранением и укреплением союза со средняком.

В минувшую избирательную кампанию активность рабоче-крестьянских масс значительно выросла. Вместе с тем, в процессе избирательной кампании были отдельные недостатки, которые в основном изложены в настоящей статье.

Подводя итоги избирательной кампании, ОК ВКП (б) и БурЦИК наметили пути исправления имеющихся недостатков. В части лишения избирательных прав предложили пересмотреть списки лишенцев и восстановить неправильно лишенных. Дана директива проверки социального состава вновь избранных советов и предложено приступить к перевыборам там, где в советы попал кулацкий элемент, где имеется явно недостаточное количество бедноты, батрачества, где определено недостаточное количество середняцкого представительства. За исправление этих недостатков должна браться не откладывая, вся советская общественность и вовлечена беднота, батрачество и середняки. Исправляя недостатки, нужно принять меры к укреплению пролетарского классового влияния в советах, углублять и закреплять союз со средняком.

Вместе с тем, одной из серьезнейших задач наших советов и ячеек должно быть создание деловой товарищеской обстановки и дружной практической помощи членам и председателям сомсельсоветов, особенно женщинам, так как в большинстве своем наши советы и исполкомы в прошедшей избирательной кампании обновлены, избранные члены и председатели советов с работой мало знакомы. Деловая товарищеская обстановка, дружеские отношения и практическая помощь нужны теперь больше, чем когда либо и создание этой обстановки для новых работников будет залогом оживления деятельности советов.

Дальнейшей работой советских органов и партийной организации должно являться: укрепление работы советов, направление их деятельности на осуществление задач социалистического строительства, на поднятие культурного уровня трудящихся и вовлечения в работу советов рабочего и бедняцко-средняцкого населения.

Организационно-массовая работа советов.

«Осуществление индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства есть наступление пролетариата, направленное на выкорчевывание самых жорней капитализма, держащегося на мелком товарном производстве и вырастающего из него. Это наступление вызывает усиление активного сопротивления со стороны выросших за эти годы капиталистических элементов города и деревни. В данный период социалистического строительства, ведущего в конечном счете к уничтожению классов, происходит неизбежное обострение классовой борьбы. С одной стороны, вокруг политики социалистического строительства все более сплачивается весь рабочий класс и широкие слои бедняков и середняков, а с другой стороны, новая буржуазия и кулачество стремятся вовлечь отсталые, пропитанные вековыми предрассудками капитализма и частной собственности слои крестьянства и мелкой буржуазии города в борьбу против диктатуры пролетариата, против дела социализма». (Из резолюции XVII Моск губпартконференции о работе ЦК ВКП (б). Эта выдержка из решения Московской конференции как нельзя лучше определяет существующее в данное время положение вещей, характеризует состояние классовых взаимоотношений и выдвигает в порядок дня важнейшие моменты и основное направление организационно-массовой работы советов в городе и деревне. Последовательное и упорное проведение советской властью классовой линии в области хозяйственно-экономической и культурно-социальных мероприятий, вызывает обострение классовой борьбы в городе и деревне, вызывает оживление антисоветских элементов, усиливает их агитацию и их воздействие на отсталые слои нашей деревни и улуса.

Методы социалистического переустройства сельского хозяйства, пути по которым развертывает эту работу советская власть, для отсталой консервативной деревни и улуса представляют новшество. К этому новшеству крестьянин и улусник, как ко всему неизвестному и неиспытанному, относится с недоверием, с опаской, с осторожностью. Подобное отношение порождает большие трудности, на преодоление которых приходится тратить огромные усилия и много времени.

Классовый враг, противник переустройства деревни и улуса на новых началах, находится в более благоприятных условиях для развертывания своей антисоветской работы в целях противодействия социалистическому строительству. Наш классовый враг в своей агитации опирается на отсталость и на темноту деревенской массы, на ее воспитанные веками, предрассудки капитализма и частной собственности. Он оперирует знакомыми для крестьянина и улусника вещами, он использует малейшие ошибки и промахи нашей работы, он легко извращает в глазах трудовой массы проводимые советской властью мероприятия, придает им другой смысл, истолковывает их в свою пользу.

Этой темной работе напмапов, кулаков, лам, попов и прочего антисоветского элемента должна быть противопоставлена большая и серьезная работа. Эта работа должна в корне парализовать их влияние и привлечь трудовую массу к поддержке и проведению в жизнь всех мероприятий советской власти. Это значит, что наши советы и исполкомы, помимо своих исполнительных функций, своей работы по выполнению обычных текущих обязанностей и выполнению разного рода финансово-налоговых кампаний, должны широко поставить, наладить и навсегда закрепить организационно-массовую работу. Существование этой работы должно заключаться в постоянной систематической связи советов и исполкомов

с широкими массами передового населения, путем проведения периодической отчетности о своей работе на собраниях, обсуждения работы советов, критике ее, указаний на ошибки и промахи в работе, на нездоровые места и явления и учет всех этих указаний и пожеланий и требований трудовых масс для исправления недочетов в своей будущей работе и выполнения важнейших и неотложных мероприятий. Работа советов должна заключаться также в вовлечении актива и наиболее передовых рабочих, батраков, крестьян, бедняков, середняков и женщин в практическую работу советов через секции, комиссии и проч., в организации этого актива, руководстве им и опоре на него при проведении различных распоряжений и мероприятий. И, наконец, организационно-массовая работа должна направляться по пути осуществления различных хозяйственных и культурно-социальных мероприятий на местах, путем проработки этих вопросов активом в секциях, комиссиях, на заседаниях советов и затем широкой разъяснительной работы о значении, важности и необходимости для местного населения намечаемых мероприятий, организации самодеятельности населения вокруг этих вопросов, вокруг осуществления их в жизнь.

Что же мы имели в области организационно-массовой работы до последней пере-выборной кампании советов у нас в Бурятии? Надо сказать, что эта работа в наших советах и исполкомах находится в зачаточном состоянии.

Отчетность советов о своей работе перед населением ни в одном аймаке не приняла систематического, постоянного характера. В лучших в этом отношении сомсельсоветах она носит редкий и случайный характер и проводится, надо сказать, только тогда, когда бывают на сей счет особые указания и распоряжения свыше. В подавляющей массе наших советов отчетность перед избирателями не практикуется. А в некоторых сомонах Агинского аймака даже не знают, что это нужно и необходимо.

Опыт организации и проведения массовой отчетности перед избирателями весной и летом 1928 г., когда стало известно, что пере-выборная кампания советов откладывается до следующего года, дал мизерные результаты. Во-первых, во многих сомсельсоветах и особенно в восточных скотоводческих, никакой отчетности, несмотря на ряд указаний и распоряжений, совершенно не проводилось. В западных аймаках и в земледельческих восточных, отчетная кампания советов привлекла весьма малое количество избирателей на очередные собрания, на которых обычно насчитывалось по два-три десятка человек. Много было случаев, когда на объявленное и назначенное собрание не являлся никто. Там, где собрания состоялись, отчеты сомсельсоветов о своей деятельности не вызвали оживленных обсуждений и обычно принимались к сведению с признанием работы удовлетворительной. Как на пример слабой отчетности, слабого внимания населения к работе советов, надо указать на постановление общего собрания по отчету одного сельсовета Кяхтинского аймака, где постановили: «работу сельсовета признать удовлетворительной и отметить отсутствие достижений и недочетов».

Качество отчетов, построение и отражение в них работы советов по обслуживанию нужд населения — очень слабо. Отчеты везде являлись сухим перечислением цифр населения, скота, с.-х. налога, страховых сборов и не затрагивали злободневных нужд населения, которые близки и понятны ему и могли бы вызвать его активность и горячее участие в обсуждении.

Эта неудача в проведении широкой массовой кампании по отчетности частично объясняется тем, что в период кампании внимание советов отвлекалось рядом других важных работ, как посевкампания, самообложение, подготовительные работы к проведению сельско-хозяйственного налога 1928-29 года и т. д. Затем аймачные (районные) исполкомы и общественные организации не уделили отчетной кампании почти никакого внимания. Сомсельсоветы в проведении своей отчетности были предоставлены самим себе.

Совершенно иную картину представляет отчетность сомонных и сельских советов перед избирателями в период истекающей пред-выборно-отчетной кампании. Здесь было уделено серьезное внимание этой работе со стороны центральных и аймачных органов и были командированы на места работники для руководства. В результате принятых мероприятий отчетная кампания получила широкий массовый характер. Из 237 сомсельсоветов, имеющих в Буреспублике, сведения имеются по 214. В них проведено

1143 отчетных собрания с участием на них 69556 человек или 28,7% общего количества сельских избирателей по Бурреспублике. Особых отчетных собраний женщин было проведено 145 с участием на них 3978 женщин. Кроме того, было 44 собрания молодежи с 1283 участниками и 546 собраний бедноты с числом участников 15935 человек. Эти цифры показывают, что отчетно-предвыборная кампания советов захватила большие массы трудящихся, вовлекла их, вызвала большую активность, серьезную критику действий сомсельсоветов и выявила пожелания и нужды населения. Но эта оживленная массовая кампания была только одна за двухлетнее существование наших советов с 1927 по 1929 год. Этого, конечно, мало.

В городах республики—Верхнеудинске и Троицкосавске, горсоветы в период их полномочий пытались проводить массовую отчетность перед избирателями, но неудачно. Троицкосавский горсовет намеченную в 1928 году отчетность перед избирателями провести не смог, на собрания никто не явился. Верхнеудинский горсовет сумел частично организовать и провести среди части организованного населения города свою отчетность, неорганизованный избиратель на собрания также не являлся. В период же предвыборно-отчетной кампании горсоветам удалось с большим оживлением организовать и провести отчетные собрания, которые вызвали волну здоровой критики работы советов и оценку деятельности их. Слабее предвыборная отчетность прошла по Мысовскому горсовету.

Одной из причин слабого положения дела с отчетностью наших советов следует признать то, что советы стремятся отчитаться во всей своей многогранной деятельности, ничего не упустить и все сказать. Советы не ставят своих отчетов по выполнению ими определенных работ, например: по сельскому хозяйству, по строительству и т. д. Отчетность же по всей работе носит неизбежно поверхностный общий характер и мало что говорит избирателю. Затем следует сказать, что у молодой, особенно деревенской, общественности не выработалась и не создалась еще здоровая традиция к постоянной проверке, к постоянному смотру работы советских органов.

Второй вид организационно-массовой работы—секции и комиссии советов, вовлечение в них актива из батраков, бедняков и середняков, также еще мало привнес в практику работы наших советов. Многие советы еще и не представляют себе значения секций как форм массовой работы, не знают как их использовать и как ими нужно руководить. В избирательную кампанию 1926-27 года при всех сомсельсоветах были организованы секции, но работу вели, да и то непостоянно, очень немногие из них. Это было выяснено проводившимся с февраля по августу месяца 1928 года конкурсом на лучшие секции советов и на лучшие советы в восточных скотоводческих районах. Конкурс, как массовый смотр работы секций, смотр их организации и их достижений не удался. Поставленная конкурсом задача—показать широкой массе и советам секции как форму массовой работы—не достигнута. Из большого количества секций по Бурреспублике, которых можно насчитать до полтысячи, откликнулось на проводимый конкурс около сотни. При чем показанная работа этих секций не носила постоянного систематического характера: в работе секций отмечались периоды подъема их работы и периоды полной остановки и прекращения.

Эта работа немногочисленных секций была главным образом освещена на страницах газет и рассмотрена на заседаниях аймисполкомов, горсоветов и сельсоветов, но не была просмотрена и оценена трудовыми массами. Но и те небольшие результаты, которые получились от проведенного конкурса, показывают, что секции, как формы массовой работы, как формы вовлечения в работу советов деревенского и улусного актива вполне себя оправдывают. При наличии руководства и постоянного внимания к работе секций и, главное, постоянного использования их, как подсобного аппарата совета путем поручения конкретных заданий—можно добиться их оживления и втянуть в их работу весь местный актив.

Третьим моментом организационно-массовой работы является самое содержание этой работы. На каких видах культурно-хозяйственной деятельности советов следует сосредоточивать внимание масс и актива, в каком разрезе ставить эти вопросы и по какой линии их направлять—все это играет весьма важное значение в поднятии и развитии массовой работы и привлечении к ней широких трудовых масс.

Наши сомсельсоветы в огромной своей массе являлись и являются административными аппаратами с чисто исполнительными функциями и поэтому весьма слабо уделяли внимание вопросам культурно-социального и хозяйственного порядка. Школы, ликпункты, красные уголки, избы читальни, больницы, медицинские и ветеринарные пункты, помощь престарелым и нуждающимся, обеспечение инвалидов, вопросы местного хозяйства—исправление дорог, мостов, переправ, вопросы сельского хозяйства во всем их объеме и разновидности, кооперирование и колхозное строительство—все эти вопросы пользовались недостаточным вниманием сомсельсоветов. Между тем на эти вопросы в деле социалистического переустройства деревни делается сейчас основной упор в политике партии и советской власти в деревне. Конечно, все эти вопросы в данное время продвигаются вперед соответствующими центральными органами, но все они не увязываются в достаточной мере с работой сомсельсоветов на местах. Советы, как хозяева, призванные возглавлять и руководить разрешением и проведением их на местах,—фактически находятся в стороне от этой основной работы, этим теряют свой авторитет и значение в глазах населения. Надо сделать так, чтоб эти вопросы в плоскости практического их осуществления в жизни, ставились и обсуждались в секциях и комиссиях советов. Актив должен принять участие в размещении и проведении в жизнь на местах вопросов хозяйства и культуры, чтоб через актив и масса трудящихся была в курсе всех мероприятий власти и знала, что все эти мероприятия должны претворяться в жизнь через советы с соблюдением твердой классовой линии, в пределах реальных финансовых возможностей и с твердым учетом всех местных условий и обстановки. Всего этого можно и нужно достигать через советы—органы рабочей и крестьянской власти.

Для проведения этого надо иметь в сомсельсоветах работоспособный, опытный и подготовленный аппарат, надо наладить регулярное и правильное руководство и инструктирование его, надо дать советам соответствующие права и подвести под их деятельность материальную базу. Практически это значит—нормально оплачивать труд сомонных и сельских работников, организовать их подготовку на курсах и совещаниях, установить регулярную проверку и инструктаж работы советов опытным и подготовленным инструкторским составом, не на бумаге, а на деле передать советам принадлежащие им расширенные права, заставив их использовать эти права полностью и дать сомсельсоветам свой самостоятельный бюджет.

Через подготовленный аппарат советов, действующий на крепкой материальной основе, можно тверже поставить и шире развернуть организационно массовую работу, легче и успешнее побороть косность и темноту отсталых слоев деревни и улуса, полнее применить и использовать все формы массовой работы, влить в эту работу, конкретное и реальное содержание, изжить «вековые предрассудки капитализма и частной собственности отсталых слоев крестьянства и мелкой буржуазии города» и скорее двинуть вперед социалистическое переустройство деревни.

К вопросу обоседления кочевого и полукочевого населения Бурятии *).

Вопрос о переходе на оседлость принадлежит к числу проблем сложных и многосторонних. Элементы кочевого быта вплетены в хозяйственную и культурную жизнь населения настолько сложными и разветвленными корнями, что дать схему решения этого вопроса без равносторонней проработки его нельзя. Поэтому приводимые ниже соображения не носят характера законченной системы мероприятий для решения поставленного вопроса, а предлагаются лишь с целью постановки вопроса на обсуждение.

Проблема перехода на оседлость—не новая. Она ставилась уже неоднократно. Постановка вопроса покоилась не только на убеждении в преимуществах оседлого уклада хозяйства над кочевым, но и земледельческого—над скотоводческим. Поэтому все опыты в деле перехода на оседлость сводились к насаждению земледелия.

Известно, например, что в Агинском районе был проделан опыт с насаждением земледелия, как средства перевода бурятского населения на оседлое положение. Населению раздавали сохи и семена и обязывали сеять. Дело свелось к тому, что буряты раскладывали новую повинность по дворам, а последние нанимали крестьян пахать и сеять. Все подобного рода опыты обычно оканчивались неудачами. Но там, где складывались условия, благоприятствующие переходу на оседлость, переход совершался эволюционным путем без каких либо воздействий со стороны. Д. Клеменец приводит ряд примеров, где оседло земледельческая форма хозяйства развивалась сама собой без чьего либо воздействия, например, в таком малокультурном крае, как Урянхайский край. Даже более того, он приводит примеры, когда земледелие развивалось при существовании прямого запрещения сеять хлеб как например, в Монголии, в некоторых местах по р. Орхону.

Все дело по мнению автора «Очерков кочевого быта» сводится к наличию физико-географических условий страны и условий рынка, т. е. возможности выгодного сбыта продукта.

Таким образом, в прошлом нет опытов, из которых можно было бы заимствовать что-либо для применения в настоящем. Нужно искать новых путей и новых отправных точек. Последние уже нащупываются. Так, вопрос о переводе на оседлое положение теперь рассматривается не под углом зрения преимуществ земледельческой системы хозяйства, не из желания видеть всех кочевников-скотоводов земледельцами, а совершенно из иных оснований. Во первых, уже осознано, что и скотоводческие хозяйства могут быть в оседлых формах, он во вторых, изжитие кочевых форм хозяйства диктуется неудобствами в условиях кочевого быта ведения культурной работы (трудность кооперирования, постановки дела образования, медицинской помощи, пропагандистской работы и т. д.). Наконец, с увеличением населения и с заселением края на кочевые хозяйства надвигается неизбежный кризис, вызываемый ограничением района кочевок, который нужно предвидеть и к которому нужно готовиться. Таковы отправные точки вопроса в настоящее время.

*) Редакция приглашает высказаться по затронутому вопросу работников НКЗема, НКЗдрава, НКПреса и кооперативных органов.

Проблема перехода на оседлость по существу есть проблема изменения хозяйственного уклада, т. е. перестройка самой формы ведения хозяйства. Чтобы, например, прикрепить к определенным участкам агинских кочевников, нужно так перестроить их хозяйство, чтобы они могли, не меняя по нескольку раз в год своих стойбищ в погоне за подножным кормом, получать все необходимое на одном месте. Для этого нужно создать форму хозяйства с заготовкой сена на зиму, для чего нужно в корне перестроить не только систему ведения хозяйства, но внести более или менее значительные улучшения в угодия, обслуживающие хозяйство (мелиорация, водоснабжение, культур.-техника).

Построение организационных типов хозяйства, основанное на изучении естественных условий, их благоприятствования той или иной форме хозяйства, рыночной конъюнктуры как существующей, так и будущей, увязанной с развитием промышленности и путей сообщения—уже предпринимает вопрос об оседлости. Если же рельефно выявились формы хозяйства, наиболее желательные в том или ином районе, остается вопрос о мероприятиях, необходимых для перехода к намеченным организационными планами типам хозяйства.

Вопрос о переходе к оседлости усложняется еще тем, что нет точно установленного критерия для отнесения хозяйств к кочевым формам. Дореволюционное законодательство относило к кочевым хозяйствам те, „кои имеют оседлость, хотя и постоянно, но по временам года переменяемую, и не живут деревнями“. А. А. Кауфман утверждал, что „чисто кочевой быт—это такой, где хозяйство виждется исключительно на одном скотоводстве, где, притом скот содержится круглый год на подножном корму и, следовательно, где не существует не только земледелия, но даже и сенокосения“.

Если принять для определения чисто кочевых форм хозяйства критерии, предложенные А. А. Кауфманом, то сложность вопроса от этого мало уменьшится. Дело в том, что между чисто кочевыми формами и чисто оседлыми есть много промежуточных, которые в условиях Буреспублики являются преобладающими. Поскольку в большинстве хозяйств такого рода элементы оседлости уже есть, нужно ставить вопрос лишь об усилении элементов оседлости.

Большое значение в выяснении вопроса имеет форма кочевания. Самая примитивная форма—таборная, при которой население передвигается круглый год.

Следующая форма—циклическая, при которой кочевник имеет зимник, к которому периодически возвращается. При этом иногда он проходит только через летник, а иногда также через осенник и весенник.

И, наконец, последняя форма—вертикальная. При ней кочевание совершается на лето в горы и на зиму в долины.

Большинство хозяйств бурятского населения придерживаются циклической формы кочевания, меняя места в зависимости от времен года, состояния погоды. Таборная форма сохранилась лишь в восточной части Агинского аймака, а вертикальная форма лишь в некоторых гористых местах. В огромном большинстве случаев кочевание свелось к переезду на летники во время роста трав на сенокосах (период, в течение которого сенокосные поскотники бывают закрытыми) и к возвращению на зимники, после уборки трав и открытия поскотник. Таким образом, большинство хозяйств бурятского населения имеют два хозяйственных центра—летники и зимники. При этом наиболее оборудованными являются зимники, расположенные обычно на сенокосных угодьях или вблизи них.

Смысл такого расселения заключается в приближении усадьбы к основному в скотоводческом хозяйстве угодью—сенокосу.

Если в последнее время теории и практики землеустроительного дела усиленно разрабатывают вопрос о приближении угодий к хозяйственному центру для уменьшения издержек внутри хозяйственного транспорта, то в этом отношении бурятское хозяйство дает своеобразное решение этого вопроса. Оно переносит усадьбу к основному угодью—сенокосу. Этим достигаются две цели. С одной стороны—сокращаются до минимума перевозки сена для корма скота, а с другой—перевозки навоза для удобрения сенокосов (большинство приусадебных сенокосов у бурят—удобряемые). Благодаря последнему обстоятельству сенокосные угодья у бурятского населения доведены до высокой степени производительности. Но такой способ расселения связан с неудобствами. Во-первых, приходится

жить «в разброс», а во-вторых, как сказано выше, в летнее время приходится выкочевывать на летники. Если с точки зрения общественной такой способ расселения неудобен, т. е. затрудняет проведение общественной работы, то с точки зрения хозяйственной никак еще не доказано, что такой способ расселения иррационален. Наоборот, благодаря приближению усадеб к сенокосам, последние у бурятского населения поставлены выше, чем у русских и издержки внутрихозяйственного транспорта доведены до минимума.

Переходя к вопросу о том, что в условиях Бурятии может быть предпринято для перехода к оседлости в хозяйствах кочевого типа и для усиления элементов оседлости в хозяйствах промежуточного типа, мы должны выявить, являются-ли существующие в Бурятии формы кочевого и полукочевого хозяйства бытовыми пережитками или формами приспособления к естественным или другого рода условиям.

Отбрасывая на время всякое иное освоение территории (промышленная колонизация и проч.), мы должны признать, что формы освоения территории сельско-хозяйственным населением зависят от: 1) естественных условий (температурные условия, влажность, характер почв, соотношение угодий, водоснабжение), 2) от плотности населения, 3) от капитала, вложенного в хозяйство на единицу эксплуатируемой площади, 4) условий рынка (наличие спроса на те, или иные продукты, близость или дальность рынка) и 5) наконец, от бытового уклада и навыков населения.

Несомненно, все указанные условия в той или иной степени влияют на образование хозяйственных форм. Но на первом месте следует поставить естественные условия, которые в Бурятии суровы и своеобразны (сухость климата, неблагоприятное соотношение и абсолютность угодий, неравномерность выпадения осадков, короткий вегетационный период на возвышенных местах), и требует от хозяйства при современной его организации не борьбы с ним, а скорее приспособления к ним. На последнем же месте в ряду условий следует поставить бытовой уклад и навыки населения. На ряде районов можно установить, что там, где складываются условия, благоприятствующие оседанию, бытовой уклад и навыки не препятствуют переходу к оседлым и полuosедлым формам хозяйства. Таким образом, форма хозяйства в большей степени есть продукт естественных и другого рода условий, чем результат бытового уклада.

При проектировании мероприятий по переходу на оседлость, указанные условия должны быть детально изучены. Мероприятия сводящиеся к изменению структуры хозяйства должны иметь под собой базу, построенную на всестороннем изучении как условий отдельных районов, так и хозяйств, к которым относятся мероприятия. Иначе они могут быть опрокинуты жизнью. В такой плоскости вопрос и был поставлен Наркомземом в начале 1927 года в специальных тезисах по программе мероприятий к разрешению проблемы перехода на культурные приемы ведения хозяйства в кочевых районах. Только лишь неотпуск средств на обследование послужил препятствием к осуществлению намеченной программы.

Выдвинутое положение о необходимости всесторонних обследований и изучений имеет особое значение в отношении окраинных районов: Еравнинского, Тункинского, Закаменского, Селенгинского и, особенно, Агинского. Вопрос перевода кочевой части хозяйств этих районов на оседлость стоит в связи с хозяйственным будущим этих районов, до сего времени еще неясном. Вопрос может быть решен удовлетворительно после детального обследования в натуре как территории, так и строя хозяйства указанных районов.

В отношении других районов, так называемых районов промежуточных форм хозяйства, где уже в виде зимников и постоянных угодий заложены прочные элементы оседлости—вопрос стоит в усилении этих элементов.

Само собой понятно, что в такого рода районах проектируемые мероприятия должны также опираться на материалы по изучению хозяйственных и естественных условий районов и главное, на выявлении эволюционных процессов, происходящих в хозяйстве. Частью такие материалы уже имеются, а частью потребуются постановка дополнительных обследований для освещения до сего времени еще темных вопросов.

В отношении районов промежуточных форм хозяйства могут быть ориентировочно намечены некоторые мероприятия, способствующие усилению элементов оседлости в хозяйстве. Большинство их связано с капиталовложением в хозяйство.

На первом месте следует поставить мероприятия по всевозможным улучшениям земель (мелиорации, водоснабжении и пр.). Естественные условия во многих районах Бурятии заставляют последние вести кочевой или полукочевой образ жизни или по отсутствию естественных сенокосных угодий или вследствие неблагоприятных условий водоснабжения. На примере Агинского аймака можно проследить как от изменений естественных условий усиливаются элементы оседлости. Если в восточной части аймака господствуют более чистые кочевые формы, то по направлению на запад с изменением условий при переходе от сухих степей к лесостепям и лесным местам, с улучшением условий водоснабжения и качества естественных угодий усиливаются элементы оседлости (появляются постоянные сенокосы, более или менее оборудованные зимники, более компактные улусы и т. д.).

Далее следует указать на уплотнение населения. Последнее идет за счет естественного прироста. Этой же цели будет содействовать межселенное землеустройство, поскольку землепользование населения будет им введено в известные, установленные законом рамки в виде норм землепользования.

Из других мер землеустроительного порядка, содействующих усилению элементов оседлости, следует отметить разделение больших землепользований на более мелкие, оптимальные. Еще в сравнительно недавнее время целые ведомства, а впоследствии волости имели общее землепользование. С течением времени в таких больших дачах отпочковывались землепользования отдельных обществ. Землеустроительная политика должна благоприятствовать процессу разбивки больших обществ на более мелкие, что при хозяйствовании на более мелких участках территории будет содействовать усилению элементов оседлости. Считая, что способ эксплуатации сенокосных угодий путем устройства на них зимников нужно считать хозяйственно целесообразным, нужно не бороться с таким способом, а лишь внести в него улучшения. Такими мерами нужно считать сведения зимников, в настоящее время в большинстве разбросанных, в компактные и правильно распланированные места поселений. Для летников правильного распланирования не требуется, поскольку это кратковременные (2—3 месяца в году) и, притом, второстепенные хозяйственные центры.

Наиболее оптимальным для зимников следует признать расположение их группами в 30—40 дворов.

При землеустройстве кочевого и полукочевого населения Казакской республики практикуется «образование отдельных участков, пригодных для ведения оседло-земледельческого хозяйства для наличного населения, вынужденного экономическими причинами на переход к оседлому положению».

Нечто подобное есть в проекте Положения о землеустройстве в Бурят-Монгольской А. С. С. республике (в редакции Госплана Р. С. Ф. С. Р.). Проект положения учитывает возможность предоставления части госземимущества для устройства хозяйств, переходящих к оседло-земледельческому быту.

Есть места, где даже при желании населения перейти к оседлости, этого сделать не удастся вследствие того, что естественные условия допускают только кочевую или полукочевую формы хозяйства. И бывали случаи, когда население, лишившись скота, когда казалось бы, сами обстоятельства толкали его на переход к оседло-земледельческой системе, снова обращалось к прежнему способу ведения хозяйства. При проведении сплошного землеустройства надлежит учитывать, соответствуют ли естественные условия наделов организации на них хозяйства оседлого типа (т. е. имеются ли в достаточном количестве пахотно-способные и сенокосно-способные земли, имеется ли соответствующее соотношение угодий и т. д.). Если указанных условий нет, наделы должны быть переформированы так, чтобы указанные условия были налицо. Если такое переформирование невозможно—возможны три случая: или создание условий искусственным путем (мелиорации), или переселение на участки, где возможны оседлые формы хозяйства, или устройство

на месте в рамках существующей кочевой формы хозяйства с возможными усовершенствованиями как в нем, так и в бытовых навыках населения.

Не мешает отметить, что проектом «Положения о землеустройстве» предусмотрен ряд льгот для населения, переходящего при землеустройстве на оседлое положение. Льготы заключаются: а) в предоставлении кредита с рассрочкой платежа до 10 лет на приобретение живого и мертвого инвентаря, б) с выдачей натурой семенного материала с рассрочкой возврата на 5 лет, в) в бесплатном отпуске лесных материалов на постройку домов и хозяйственных зданий, г) в освобождении от единого сельско-хозяйственного налога сроком до 5 лет и д) в агрономической помощи.

Цель указанных мер—также стимулировать переход на оседлое положение при землеустройстве.

Помимо мер землеустроительного характера, усиление элементов оседлости должно идти параллельно с увеличением размера капитала на единицу эксплуатируемой площади (интенсификацией хозяйства). Накопление нужных для этого капиталов и навыков идет очень медленно в расплывчатом и неорганизованном современном хозяйстве населения Бурятии, особенно полуседлых его групп. Различные виды кооперации и коллективизации хозяйства, увеличивая связь между хозяйствами, стимулируя направление усилий на одну цель, содействуя накоплению капиталов,—усиливают элементы оседлости.

Постройка ирригационных сетей, осушение угодий, приобретение молотилки, трактора и других дорого стоящих средств производства не по силам одному хозяйству. Между тем, без вложения капиталов в землю и без замены средств производства в условиях Бурятии, невозможно усиление элементов оседлости.

Условия рынка, как было отмечено выше, часто играют решающую роль в деле изменения хозяйственных форм. Появляющиеся требования на продукт являются стимулом к его производству. Но если этот продукт выгоднее производить в условиях оседлых форм хозяйства, то ясно, что хозяйствующее население потянется к ним.

Рынки возникают естественным путем. С развитием промышленных районов и центров возникнут и новые рынки. Но это—дело будущего. Развитие же в крае и усовершенствование путей сообщения, как артерий обмена, приближает хозяйство к рынку, присоединяет к влиянию рыночных условий новые районы, чем, хотя и косвенно, содействует перестройке хозяйств.

Бытовой уклад и хозяйственные навыки населения есть реальность, имеющая некоторое влияние на сохранение существующих хозяйственных форм. Ломка бытового уклада дело сложное, но внесение в него некоторых усовершенствований значительно легче и возможнее.

Усовершенствование передвижных жилищ, способа отопления их, приобретение навыков в более рациональной переработке продуктов хозяйства—все это дает возможность усовершенствовать существующий хозяйственный быт и создает условия для накопления ценностей и развития элементов оседлости в хозяйстве.

Все сказанное выше не есть законченная концепция, сводящаяся к простым и законченным формулам решения этого вопроса. Наоборот, все предлагаемые здесь суждения даны в форме постановки вопроса на очередь. Лишь только детальное изучение условий, в которых находится хозяйство, его строя, эволюции—позволит найти пути безболезненного решения поставленного вопроса.

Промфинпланы местной промышленности Наркомпромторга на 1928—29 год.

Несмотря на наличие благоприятных условий для индустриализации края, промышленность Бурятии, все же до сих пор не увеличила своих рядов и вступила в текущий 1928—29 год с тем же числом предприятий, какое имелось в предыдущем году. Производили лишь некоторые изменения к началу этого года в смысле перехода отдельных предприятий из рук одного ведомства в ведение другого,—а именно: Ганзуриная мукомольная мельница отошла от Наркомпромторга к Союзхлебу, Верхнеудинская типография к Бургосиздату и предприятия Бурацкиолеса, ввиду ликвидации его, перешли в систему Наркомпромторга. Таким образом, местная промышленность ВСНХ состояла к началу 1928—29 года из следующих 11 предприятий, составляющих 6 хозрасчетных единиц.

Отрасли промышленности.	Наименование предприятий	Местонахождение	В какую хозрасчетную един. входит
«А»			
I. Топливо . . .	1 Дровозаготовки	Г. Верхнеудинск.	Бурлестрест
IV. Металлопромышленность . . .	2. Механич. лит. мастерские	Г. Верхнеудинск	Самостоятельное
VI. Строительные материалы . .	3. Кирпичеделательный завод	Пос. Н.-Березовка	„
	4. Лесопильный завод	Г. Верхнеудинск.	Бурлестрест
	5. Лесопильный завод	Ст. Онохой	„
	6. Лесозаготовки	Г. Верхнеудинск	„
	7. Стеклоделательный завод	Г. Верхнеудинск	Химкомбинат
VII. Химическая . .	8. Сульфатный зав.	Селенгинское озеро	„
«Б»			
XII Кожевенная . .	9. Кожевенный зав.	Река Чикой, в 2-х килом. от Монгольской гран.	Самостоятельное
XVIII. Пищевкусовая	10. Пивоварен. зав.	Г. Верхнеудинск.	Химкомбинат
	11. Винокурен. зав.	Пос. Николаевский в 35 вкм. от гор. Верхнеудинска.	Самостоятельное

Большинство предприятий относится к отраслям промышленности, производящим средства производства и только три предприятия составляют группу предприятий, производящих предметы потребления.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), отметив в своем решении о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—29 г., значительные успехи промышленности в предыдущем

году, в области количественных показателей ее работы (рост валовой и товарной продукции) и некоторые достижения в отношении качественных показателей (превышение роста производительности труда над ростом зарплаты) в то же время сказал, что „снижение себестоимости, достигнутое до настоящего времени промышленностью, не отвечает огромным капитальным вложениям, произведенным в нее. Техническая реконструкция производства и рационализация его отстают до сих пор от количественного роста индустрии. Медленный темп освоения нами новейших достижений мировой техники, между прочим, находит свое отражение в медленном и нерациональном освоении нашими заводами импортного оборудования. Режим экономии все еще проводится на наших предприятиях без достаточной настойчивости и не дает того эффекта, который он может и должен дать“.

Принимая во внимание указанные недочеты и признавая необходимым не ослаблять вятого темпа в развитии индустрии, особенно в части промышленности, производящей средства производства (группа „А“), тот же пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу перед промышленностью *добиться в текущем году решительного сдвига в сторону максимального улучшения качественных показателей, т. е. добиться снижения себестоимости производства продукции (конкретно на 7%), усилить эффективность промышленного строительства, добиться поднятия производительности труда и т. д.*

Отмеченные выше крупные недочеты в промышленности СССР имели место и в местной промышленности Бурятии, почему преподанные и правительством и партией директивы о решительном сдвиге в текущем году в сторону улучшения качественных показателей работы промышленности, составляют важнейшую задачу на этот год и для местной промышленности.

Исходя из намеченной промфинпланами выработки продукции в 1928—29 году и фактической выработки ее за предшествующие два года устанавливается, что с полной нагрузкой производственных зданий и оборудования (основного капитала) работали: в 1926—27 году один стекольный завод и в 1928—29 году кожевенный и винокурный заводы.

Фактическая выработка главнейших видов продукции за последние два года и намеченная на 1928—29, год выражается в следующем виде:

Наименование изделий	Единица счета	1926—	1927—	1928—	В % к пред. год	
		27 г.	28 г.	29 г.	1927— 28 г.	1928— 29 г.
Чугунное литье	Тонна	—	64,4	75,0	—	117,0
Медное „	„	—	3,2	4,0	—	125,0
Кирпич обожженный,	Тыс. шт.	479,0	1151,7	3000,0	240,0	234,0
Пиломатериалы	Тыс. к. м.	19,9	24,4	25,2	122,6	103,1
Оконное стекло	Тонна	1186,5	1980,0	2520,0	166,8	103,96
Монопольн. и хоз. посуда .	„	736,1	444,0	—	60,0	—
Сульфат	„	486,9	1039,9	900,0	213,5	86,54
Кожа полувад	Штука	8634	5060	—	58,6	—

Наименование изделий	Единица счета	1926—	1927—	1928—	В % к пред. год	
		27 г.	28 г.	29 г.	1927— 28 г.	1928— 29 г.
Кожа чирочная	Штука	16784	29357	40000	174,9	136,2
„ хром	„	1568	14890	20000	949,6	134,3
„ кяхта	„	3819	7923	20000	207,5	252,4
„ сапожная юфта	„	4509	4169	—	92,5	—
Спирт ректификованн.	Гектол.	28747	33261	36900	115,7	110,9
П и в о	„	1831,0	3410,1	4920,0	186,3	144,2
Квас хлебный	„	634,0	826,83	984,0	130,4	106,9
Квас фруктовый	„	120,0	169,5	246,0	141,25	145,1

В соответствии с нарастанием нагрузки основного капитала, нарастает в количественном выражении и вырабатываемая предприятиями продукция. Из всех указанных видов изделий, снижение размеров производства намечено, как видно из таблицы, лишь только по одному сульфатному заводу, тогда как по всем остальным предприятиям количество вырабатываемых ими изделий намечено с увеличением против 1927—28 года от 3,1% по пиломатериалам до 134% по кирпичеделательному заводу.

Динамика выработки продукции в ценностном выражении, на те же три года, видна из следующих показателей.

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ПО ЗАВОДСКОЙ СЕБЕСТОИМОСТИ В ЦЕНАХ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ГОДА:							
Наименование предприятий	В тысячах рублей			В % к пред. году			Примечание
	26-27 г.	27-28 г.	28-29 г.	26-27 г.	27-28 г.	28-29 г.	
Дровозаготовки	185,0	248,2	221,0	—	134,2	89,0	Механ. лит. мастерские перешли в НКПТоргу в 26-27 году и работали, находясь в его ведении только четвертый квартал.
Механ. лит. мастер.	11,8	63,0	76,6	—	533,9	122,0	
Кирпичеделат. завод	26,6	76,3	97,6	—	286,5	127,9	
Лесопильн. зав.	360,2	331,1	408,4	—	91,9	123,3	
Лесозаготовки .	395,5	199,8	175,5	—	50,5	87,8	
Стеклоделательн. завод	523,3	663,8	599,0	—	126,8	90,2	
Сульфатный зав.	26,1	53,9	39,8	—	206,4	73,9	
Кожевенный зав.	775,5	967,7	1088,6	—	124,8	112,5	
Винокурен. зав.	365,8	399,7	516,4	—	109,3	129,2	
Пивоварен. зав.	62,0	96,5	131,8	—	156,5	136,5	
Итого .	2731,8	3100,0	3354,7	—	113,5	108,2	

Снижение валовой продукции по заводской себестоимости намечено, как видно: по дровозаготовкам на 11%, лесозаготовкам 12,2%, стекольному заводу 9,8%, сульфатному заводу на 26,1%, при увеличении продукции по всем заводам на 8,2%. Уменьшение продукции по дровозаготовкам, лесозаготовкам и сульфатному заводу объясняется исключительной экономией производственных программ, а по стекольному заводу снижением заводской себестоимости по выработке ее. Сокращение производственных программ по деревянным и лесным заготовкам было вызвано недостатком оборотных средств у Бурлеса. Та же продукция по отпускным ценам дает следующие показатели:

Валовая продукция по отпускным ценам (без акциза):

Наименование предприятий	В т ы с ы а х р у б л и н			В про ц. к предыду щему году						
	1926-27 год		1927-28 год		1928-29 год					
	По ценам	По ценам	По ценам	По ценам	По ценам	По ценам				
	Соответ. года	Соответ. года	Соответ. года	Соответ. года	Соответ. года	Соответ. года				
Дровозаготовки	213,1	213,1	261,9	230,7	251,3	202,3	122,9	108,2	95,9	85,4
Механич. литейные мастерские	12,5	12,5	61,6	61,6	84,0	62,0	492,8	492,8	136,0	100,6
Кирпичеделательный завод	19,5	19,5	73,7	67,9	105,0	90,0	378,0	348,2	142,5	132,5
Лесопильные заводы	435,1	435,1	230,8	368,7	432,5	389,4	76,0	84,7	130,7	105,6
Лесозаготовки	272,0	272,0	255,1	221,9	206,2	176,3	93,8	81,6	80,8	079,9
Стеклоделательный завод	603,2	603,2	675,8	709,3	641,2	690,1	112,0	117,6	94,9	97,3
Сульфатный завод	24,9	24,9	63,9	54,5	51,7	43,6	256,5	218,8	81,0	80,2
Кожевенный завод	794,0	794,0	1148,0	1148,0	1314,8	1314,8	144,6	144,6	114,5	114,5
Винокуренный завод	471,7	471,7	500,8	543,4	603,7	607,4	106,2	115,2	120,5	111,8
Пивоваренный завод	84,2	84,2	145,8	159,0	213,0	215,3	173,2	189,0	146,1	135,4
Итого	2930,2	2930,2	3317,4	3565,0	3903,4	3791,2	120,0	121,7	111,0	106,4

По отпускным ценам соответствующего года рост валовой продукции намечен промфинпланами на 1928-29 год на 11% в то время, как в ценах 1926-27 года, она возрастет лишь на 6,4%. Это соотношение указывает на то, что местная промышленность в целом не делает особых успехов в снижении себестоимости, но даже не отвоевывает обратно тех позиций, какие она занимала в этом отношении в 1926-27 году.

Товарная продукция в ценностном выражении должна дать тот же приблизительно рост, что и валовая продукция. а именно: по фабрично-заводской себестоимости, 8,8% и по конкретным отпускным ценам соответствующего года (с акцизом) 11,7%; в неизменных ценах 1926-27 года она возрастает на 7%.

Динамика рабочей силы, занятой в промышленности на постоянных работах, представляется в следующем виде:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ	Число рабочих на постоянной работе			Число служащих			Отношение числа служ. к числу рабоч. в прод.		
	26-27	27-28	28-29	26-27	27-28	28-29	26-27	27-28	28-29
	год	год	год	год	год	год	год	год	год
Механич. лит. мастерские	24	33	31,5	3,5	5,25	6,0	14,6	15,9	19,0
Кирпичеделат. завод	—	3	5	8	6	6	—	—	—
Лесопильные заводы	93	102	105	11	11	11	11,8	10,8	10,5
Стеклоделательный завод	420	406	296	27	29	27	6,4	7,1	9,1
Сульфатный завод	15	23	13	7	6	2,5	46,6	26,1	46,1
Кожевенный завод	89	128	146	17	20	20	19,1	15,6	13,7
Винокуренный завод	45	50	50	16	14	11	35,5	28,0	22,0
Итого	697	760,5	663,5	85,3	94,25	84,5	12,24	12,39	12,73
Динамика	100	109,1	95,2	100	110,5	99,1	100	101,2	104,0
В проц. по отношению к предыду- щему году	—	109,1	87,2	—	110,5	89,6	—	—	—

Рабочая сила, несмотря на намеченный рост валовой продукции, как в натуральном, так и в ценностном выражении, должна снизиться в текущем году: по рабочим, занятым на постоянных работах, на 12,8% и по служащим на 10,4%. Основанием для такого большого уплотнения рабочей производственной силы послужили: с одной стороны, намеченные размеры поднятия производительности труда (о чем будет сказано ниже) и с другой стороны, те рационализаторские мероприятия, которые должны быть практически осуществлены в этом году (главным образом на стекольном заводе).

Показатели соотношения числа служащих к числу рабочих формально не могут быть признаны удовлетворительными: удельный вес служащих во всей рабочей силе промышленности в 1926—27 г. составлял, как видно из таблицы, 12,4%, в 1927—28 г. он повысился до 12,39%, а на 1928—29 год запроецирован в 12,73%. Но по существу это соотношение должно быть признано нормальным, так как уменьшение числа производственных рабочих идет не за счет сокращения производственной программы промышленности, а за счет, как указано выше, рационализаторских мероприятий, уточнения норм выработки и поднятия производительности труда.

Заработная плата рабочих и производительность труда дают такие показания:

Месячная зарплата и месячная выработка продукции одного рабочего в рублях (неизмен. ценах)

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕД- ПРИЯТИЙ.	1926—27 г.г.		1927—28 год.		1928—29 год.		1927—28 год. в проц. к пред. году		1928—29 год. в проц. к пред. году	
	Зарплата	Выработка	Зарплата	Выработка	Зарплата	Выработка	Зарплата	Выработка	Зарплата	Выработка
Механич. лит. мастерские .	69.79	173.61	71.90	155.55	72.97	219.90	103.0	89,6	101,4	141,4
Кирпичеделат. завод . . .	58.10	94.20	49.91	83.83	49.58	86.21	85,9	88,9	99,3	102,8
Лесопильные заводы . . .	45.60	—	50.38	279.14	52.29	308.90	117,1	—	105,7	110,6
Стеклоделательн. завод . . .	49.19	119.69	55.27	145.58	59.65	194.29	112,3	121,6	107,9	133,4
Сульфатный завод	44.93	223.52	47.67	197.39	51.26	250.75	106,1	88,4	107,5	127,0
Кожевенный завод	68.62	668.35	78.16	747.40	83.75	750.46	113,9	111,8	107,1	100,4
Винокуренный завод	50.81	873.52	66.24	905.67	69.00	1012.33	130,3	103,7	104,2	111,8
Пивоваренный завод	39.53	637.50	49.74	854.84	46.78	1012.94	125,8	134,1	94,0	118,4
По всей промышленности	51.32	289.39	58.68	313.15	62.80	377.61	114.3	108,2	107,0	120,6

В 1926-27 году наиболее высокая зарплата была на механических литейных мастерских, а в 1927-28 году на первое место вышел Чикойский кожевенный завод, который удерживает это место и в текущем году. Наиболее низкая зарплата была и остается на этот год по пивоваренному заводу, что объясняется малоквалифицированным составом рабочей силы, применяемой в этой отрасли промышленности.

Минувший 1927 28 год в отношении роста зарплат и производительности труда является крайне неблагоприятным: по зарплате, как видно из таблицы, рост достиг 14,3%, а по производительности труда лишь 8,2%. Но, если указанное соотношение является неблагоприятным для всей рассматриваемой промышленности, то еще более оно неблагоприятно по отдельным предприятиям. На механических литейных мастерских, при росте зарплат на 3%, производительность труда снизилась на 10,4%; на сульфатном заводе зарплата возрасла на 6,1%, а производительность труда упала на 11,5%; на винокуренном заводе зарплата поднялась на 30,3%, а производительность труда возрасла лишь на 3,7% и, наконец, на Чикойском кожевенном заводе, этом наиболее крепком и рентабельном в республике предприятии, при росте зарплат на 13,9% производительность труда поднялась лишь на 11,8%. Таким образом, из 9 предприятий только на 2-х предприятиях рост производительности труда шел впереди роста зарплат, а именно: на стеклоделательном заводе (21,6% против 12,3%) и пивоваренном заводе (34,1% против 25,8%).

Такое неблагоприятное соотношение между ростом зарплат и поднятием производительности труда, как по промышленности в целом, так и по отдельным предприятиям (за исключением указанных двух) ни в какой мере не отвечает тем целям и задачам какие ставились и ставятся перед социалистической промышленностью. Основной задачей социалистической промышленности на данный момент является—через накопление внутрипромышленных средств, ускорить темп индустриализации страны. Накопление же этих средств возможно не иначе, как путем снижения себестоимости производства, одним из главнейших элементов чего является производительность труда.

На 1928-29 год зарплата повышается по всей промышленности на 7%, а производительность труда должна возрасти на 20,6%, т. е. достигнуть почти такого коэффициента между этими показателями, который признается плановыми органами нормальным (1:3). По Чикойскому кожевенному заводу диспропорция между ростом зарплат и поднятием производительности труда остается, к сожалению, и на этот год: зарплата поднялась на 7,1%, а производительность труда намечено поднять планом только на 0,4%. Объясняется это тем положением, что заводоуправление не только не выполнило директивы Наркомпроторга о недопущении повышения зарплат на 1928-29 год, но вопреки этой директиве, повысило ее на 7,1%.

Совершенно неблагоприятно также обстояло дело в 1927-28 году на некоторых предприятиях со снижением себестоимости производства продукции: на стеклоделательном заводе она возрасла на 12% по оконному стеклу и на 18,2% по хозяйственной и монопольной посуде и на механических литейных мастерских повысилась на 29,3% по чугунному литью и на 53,6% по медному литью. По всем остальным предприятиям, за исключением предприятий, входящих в Бурлестрест, где динамика себестоимости производства за 1926-27 год до сих пор не выяснена, себестоимость снизилась против предыдущего года: по обожженному кирпичу на 23,56%, сульфату 10,8%, полувалу 3,9%, широчной коже 12,1%, кяхте 1,0%, сапожной коже 11,4%, хрому 12,1%, ректифицированному спирту 5,4% и по пиву на 32,1%.

Причинами повышения себестоимости производства на стекольном заводе были: включение в производственные расходы укупорки, стоимость которой выразилась в 12 р. 70 к. на тонну, большое повышение расходов на топливо по оконному стеклу и основным материалам по монопольной посуде. Расходы по укупорке относились в прошлые годы на счет покупателя, как и транспортные расходы, которые в 1927-28 году при установлении твердой отпускной цены на стекло и посуду, завод вынужден был относить на накладные расходы. Следовательно повышение себестоимости, происшедшее по причинам, зависящим от завода, выразилось: по оконному стеклу на 4 р. 04 к. на тонну

или на 1,6% и по монополюной посуде на 15 р. 78 к. или на 4,5%. Повышение себестоимости на механических литейных мастерских произошло за счет повышения цеховых и общезаводских расходов по всему литью и за счет удорожания рабочей силы по медному литью.

Снижение себестоимости производства на 1928-29 год намечено промфинпланами в таких размерах: по дровам на 5,66%, чугунному литью—16,4%, кирпичу красному 17,1%, оконному стеклу 8,8%, монополюной посуде 12,5%, сульфату 5,6%, чирочной коже 13,7%, кляхте 7,5%, хрому 4,3% и пиву 15,2% и *повышение*: по медному литью на 13,8%, пиломатериалам 20,4%, лесоматериалам 9,9% и ректификованному спирту 15,7%. Таким образом фабрично-заводская себестоимость, вывешенная по всем предприятиям, повышается против себестоимости 1927-28 года на 0,2%. Решающим фактором отрицательного порядка, сдерживающим снижение себестоимости производства продукции является, как видно из приведенных цифр, большое повышение ее на предприятиях Бурлеса и винокуренном заводе. Повышение себестоимости на этих заводах сводит на нет все намечаемые достижения в этом отношении на всех остальных промышленных предприятиях. Между тем, рост себестоимости по лесоматериалам, пиломатериалам и ректификованному спирту ни в какой мере не зависит от предприятий, а объясняется исключительно: по первым двум видам продукции удалением мест рубок от плотбищ и следовательно удорожанием заготовительной стоимости бревна франко берег сплавной реки, и по спирту—повышением покупной цены на хлеб. Следовательно повышение себестоимости в лесной промышленности является неизбежным не только на текущий год, но и на все последующие годы, поскольку зарплата рабочей силы на нахождение и доставку бревна к местам плотбищ будет из года в год возрастать.

Отпускные цены снижаются лишь по винокуренному заводу (на 5%), по пиву: по чугунному и медному литью они несколько повышаются; по всем остальным предприятиям отпускные цены остаются стабильными.

Коммерческие результаты работы промышленности характеризуются следующими показателями в тыс. рубл.:

	П р и б ы л и			У б ы т к и			Р е з у л ь т а т ы		
	26-27 год	27-28 год	28-29 год	26-27 год	27-28 год	28-29 год	26-27 год	27-28 год	28-29 год
Мехап. лит. мастерские . . .	—	—	4,0	3,4	3,0	—	— 3,4	— 3,0	+ 4
Кирпичеделательный завод . .	—	—	3,1	11,8	12,0	—	— 11,8	— 12,0	+ 3,1
Бурлес	19,4	—	—	—	62,0	—	+ 19,4	— 62,0	—
Химкомбинат (стеклольный, сульфатный и пивоварен- ный заводы)	17,01	—	10,38	11,9	107,7	—	+ 5,11	— 107,7	+ 10,38
Кожевенный завод	8,9	92,98	141,0	—	—	—	+ 8,9	+ 92,98	+ 141,0
Винокуренный завод	85,4	76,0	58,8	—	—	—	+ 85,4	+ 76,0	+ 58,8
	130,71	168,98	217,28	27,1	184,7	—	+ 103,61	— 15,72	+ 217,28

В 1926-27 году промышленность в целом получила прибыль 103,61 тыс. рублей, тогда как в минувшем 1927-28 году она не только не имела прибыли, но да же не смогла свести концов с концами, получив убыток в сумме 15720 р. Наиболее неблагоприятным по коммерческим результатам оказался Химкомбинат и внутри этого комбината стеклоделательный завод, убыток по которому выразился в размере 136 тыс. руб. Такой большой убыток объясняется, главным образом, снижением отпускной цены или вернее включением в отпускную цену стоимости укупорки и транспортных расходов. В целом по Химкомбинату, за счет прибыли по пивоваренному заводу, убыток снизился до 107700 рублей.

На втором месте по размерам убытка стоит Бурлес, который закончил свой операционный год с минусом в 62 тыс. руб. Причинами убыточности лесопромышленности были исключительно низкие отпускные цены на лесные и пиленные материалы.

Механические литейные мастерские и кирпичеделательный завод также закончил этот год с убытком, первые в сумме 3 тыс. руб. и последний в размере 12 тыс. руб. Причина убыточной работы этих предприятий та же, что и по предприятиям Бурлеса, т. е. низкие отпускные цены на продукцию в сравнении с себестоимостью ее.

Текущий 1928-29 год, в случае выполнения предприятиями задания правительства должен закончиться в целом по промышленности с прибылью в 217280 рубл., но опять таки с убытком по стекольному заводу и без прибыли и без убытка по предприятиям Бурлеса. На капитальное строительство в текущем году намечено промфинпланами затратить 607,800 рубл., из которых на новое строительство 154.100 рубл., расширение и реконструкцию 409.800 руб. и на капитальный ремонт 43900 руб. Наиболее крупные затраты намечены по Чикойскому кожевенному заводу, что вытекает из необходимости заново переоборудовать силовую станцию, достроить отмочное отделение и произвести другие работы и установки, дабы тем самым довести производственную мощность завода до 100 тысяч крупных кож в год.

На втором месте по затратам на капитальное строительство стоят Верхнеудинские механическо-литейные мастерские, по которым предполагено израсходовать: на постройку нового здания для мастерских 113500 руб., на постройку жилых домов для рабочих и служащих 40.600 руб. и на разные работы по поддержанию в должном состоянии старых мастерских 2.900 руб., а всего, таким образом, 157.000 руб.

По остальным предприятиям строительство связано с необходимостью улучшения условий труда, замены и ремонта машин и оборудования, ремонта и расширения производственных зданий, служб и жилых домов, необходимостью осуществления намеченных по плану рационализаторских мероприятий и т. д. и т. д. На все это строительство затраты намечены в сумме 245.800 руб.

При рассмотрении сводного промфинплана на 1928-29 год Совнарком концентрировал свое внимание на качественных показателях этого плана, при чем, отметив благоприятное соотношение между ростом зарплат и производительности труда (по всей промышленности), в то же время указал на необходимость поднятия производительности труда по Чикойскому кожевенному заводу, где она не только не превышает роста зарплат, а значительно ниже его (7,1%—0,4%) а также по предприятиям Бурлеса и кирпичеделательному заводу. На ряду с этим Совнарком признал совершенно недостаточным снижение себестоимости производства по стекольному заводу (превышение себестоимости 26-27 г. на 2,1%), по механическо литейным мастерским в части чугунного литья (выше себестоимости 26-27 г. на 8,1%) и совершенно ненормальным систематическое повышение себестоимости на тех же мастерских по медному литью (в 27-28 г. 53,6% и на 28-29 г.—13,8% по отношению к предыдущему году) и по Бурлесу на пиломатериалы и пиловочную древесину, в связи с чем предложил Наркомпромторгу, через конкретные рационализаторские мероприятия и постановку тщательного учета производственных процессов (ТНВ) на предприятиях добиться не только прекращения дальнейшего роста себестоимости указанных видов продукции, но и решительного перехода на снижение ее, а равно добиться дальнейшего снижения себестоимости на всех остальных предприятиях, доведя общее снижение по всей промышленности не менее как на 7%. Констатировал Совнарком и такое положение, что случаи нарушения трудовой дисциплины в промышленности, выражающиеся в прогулах, несвоевременной явке на работы и раннем уходе с работ, в небрежном отношении к порученной работе и т. п. до сих пор имеют место на предприятиях, почему в своем решении по плану предложил Наркомпромторгу и просил Бурпрофсовет обязать заводоуправления и завкомы принять решительные меры к изжитию указанных недочетов. Исходя далее из того, что некоторые предприятия до сих пор не охвачены тарифно-нормировочной работой, в частности она отсутствует на предприятиях Бурлеса и механическо-литейных мастерских, что, несомненно, является главнейшим препятствием на пути борьбы за трудовую дисциплину, бережное отношение к машинам и оборудованию предприятия, четкости

в работе вообще, а следовательно за поднятие производительности труда через целесообразное уплотнение рабочего дня, за снижение себестоимости производства продукции и повышение качества ее, Совнарком обязал Наркомпротторг принять меры к постановке этой работы на тех предприятиях, где она до сих пор отсутствует и обратился с просьбой к Бурпрофсовету создать со стороны рабочих нормальные отношения к работникам ТНБ.

И, наконец, считая, что директива союзного правительства о 7% снижении себестоимости производства может быть выполнена промышленностью, главным образом, через рационализацию процессов производства, Совнарком предложил Наркомпротторгу, совместно с НКРКИ и Бурпрофсоветом разработать конкретный план рационализаторских мероприятий на текущий год и наблюдать за неуклонным проведением его в жизнь.

Вот в сжатом виде тот план местной промышленности ВСНХ и те директивы правительства Бурятии, которые промышленность обязана принять к руководству при выполнении производственной программы в 1928-29 году.

Однако данные по фактическому снижению себестоимости за первый квартал говорят о том, что промышленность в этом квартале ни директивы правительства, ни более скромного задания сводного промфинплана по снижению себестоимости продукции не выполнила.

Разрыв в показателях между намеченным планом и фактическим снижением себестоимости выразился в размере 2,5%, а против директивы правительства о 7% снижении этот разрыв достигает 9,5%. Эти данные уже сигнализируют опасность невыполнения плана о снижении себестоимости, а отсюда естественно и требуют немедленного принятия мер, как со стороны правительства, профессиональных организаций и заводоуправлений, так и по линии самих рабочих масс, которые гарантировали бы решительный сдвиг в части снижения себестоимости до конца года, в противном случае намеченные по плану накопления промышленность не получит и тем самым лишит себя возможности осуществить в текущем году запроектированное планом капитальное строительство.

Пути снижения заводской себестоимости указаны правительством, но их нужно претворить в жизнь, на чем и должно быть концентрировано внимание в данный момент.

Кедровый промысел и его будущее*).

Добычей кедрового ореха на территории Буреспублики занимается как русское, так и бурятское население. Для сбора уезжают в тайгу парами, семьями. Слабые семьи иногда объединяются в артели. Средняя величина артели 3—5 человек. Вся утварь, снаряжение, огнеприпасы и продовольствие перевозятся в тайгу на лошадях выюками, так как в местах расположения кедровников (в хребтах) никаких дорог, кроме горных троп не существует.

Способов добывания, т. е. сшибания спелых шишек с дерева несколько. Ученый лесовод Бонишко считает наиболее вредным для дерева работу так называемым «колотом», т. е. деревянным молотом, сделанным из 4—5 верхковой чурки, длиной около 1 аршина с 3-х аршинной ручкой, конец которой вбивается в землю. При работе колот оттяги-вается от дерева, затем отпускается и, с силой ударяя в ствол кедрового дерева, сшибает спелые шишки сотрясанием кедрового дерева.

Из сбитых шишек орех добывается обмолотом, особыми «молотилами» — двух-аршинными кривыми палками с заостренным выпуклым ударным краем на подобие серпа. Добыча идет из шишек, уже полежавших некоторое время в кучах, или особых хранилищах — бревенчатых «сайбах» и уже «перепревших». Если молотба производится зимой, то шишки предварительно разогреваются на особых помостах. Есть и другие способы добывания ореха из шишек, но молотба считается наиболее продуктивным и распространенным в промысловых районах. После обмолота орех очищается при посредстве решет и отвеивания.

Вывоз ореха из тайги производится на лошадях, выюками, чаще всего в кожаных мешках «тулунях», причем благодаря отсутствию дорог, болотистых мест и т. д., вывозка очень трудна и допускает навьючивание на лошадь всего от 4 до 8 пудов. Поэтому часто перевозка производится не осенью, а зимой, когда можно воспользоваться саними.

Время сбора в среднем Бонишко определяет от 2 до 6 недель: артель из 3-х человек, пробыв в лесу 2 недели для сбора шишек и 2 дня для обмолота, за это время получает, за исключением потерь при хранении, до 120 пудов чистого ореха.

Общее количество добываемого ореха Буркоопсоюз в своем отчете за 23—24 год**), исчисляет в 65000 пуд., т. е. 19.650 центнеров в год. По данным Бур. СТУ в 26—27 г. заготовлено всего лишь 2233 центнера, т. е. 13622 п., при чем чуть не 90% этой заготовки падает на Буркоопсоюз. (Никаких других цифр по этому вопросу у Бур. СТУ нет). В 1927—28 г., когда был урожай ореха, заготовителями Буреспублики заготовлено 24.532 центнера орех. В первый квартал 1928—29 года, год явно неурожайный на орехи,

*) Данные о развитии кедрового промысла на территории Буреспублики чрезвычайно скудны. Существующая значительная по величине литература о кедре и кедровом промысле частично устарела, а самое главное цифровые данные ее не применимы к территории Бурят-Монгольской АССР, составленной, как известно, из отрезков трех (и даже четырех) территориальных единиц автономных областей Сибири и ДВО, Прибайкальской губернии и Иркутской губернии. Мы из литературных данных использовали брошюру ученого лесовода Бонишко «Кедровый промысел в лесах Прибайкалья и Забайкалья и его перспективы в будущем» (Чита 1923), статью Строгого в № 5/6 журнала «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо» за 1927 г. Кроме того, материалами для дальнейшего изложения послужили отчетные данные Бурваркомпромоторга и местных заготовителей Лесного Отдела Бур. НКЗема.

**) Очерки и отчеты ВМАССР за 23—24 г., стр. 356. В.-Удинск—1925 г.

заготовлено лишь в 1-й квартал 2722 центнера. Вот и все цифры, которыми мы располагаем по вопросу о величине сбора орех.

Если принять во внимание, что первые месяцы заготовок из лесу вывезена примерно треть ореха (в 27—28 году было вывезено 27% годовой заготовки), то заготовку 28—29 г. можно исчислять грубо ориентировочно в 8.000 центн. Наименьший выход ореха с десятины в среднем (принимая во внимание различную высоту урожая) Бонишко считает 8 пудов, а Строгий от 3 до 6 пудов*) (он считает урожайным лишь каждый пятый год, а Бонишко 6 лет из 10-ти). Имея в виду (см. ниже), что площадь удобная для сбора (в дачах уже исследованных), занятая кедровником равна 200 тыс. десятин, будем иметь в среднем в год возможного сбора ореха 900 тыс. пудов по данным Строгого, 1.600 тыс. пудов по данным Бонишко. Если же согласиться с утверждением Бонишко, что только 7½% урожая ореха вывозится населением, то средний ежегодный сбор нужно исчислять в 75.000 пудов (или 12.300 центнеров) по Строгому и в 120.000 пудов (19700 центнеров) по Бонишко. Имея в виду эти цифры, а также, что цифры заготовок (в 27—28 г. = 24.000 ц.), дают только товарный выход ореха и что значительная его часть потребляется населением или в виде лакомства («орешки», «сибирские разговоры»), или в виде самодельного орехового масла,—не будет ошибкой в сторону преувеличения принять за средний сбор ореха населением, при том только из исследованных лесных дач, цифру исчисленную по данным уч. лесовода Бонишко, кругло 20.000 цент. в год, при товарном выходе (ст. 42 брошюры Бонишко) в 50% этого количества.

Проследим теперь по цифровым данным заготовителей за 27—28 г. и 1-й кварт. 28—29 и по данным ВСТУ за 26—27 г., распределение сбора (вернее товарного выхода) по районам.

Заготовлено в процентах:

Районы (аймаки)	26—27 г.	27—28 г.	1-й кварт. 28—29 г.
Западные аймаки:			
Боханский	—	0,05	—
Тунгинский	—	3,46	2,28
Эхирит-Булагатский	—	0 88	—
Восточные аймаки:			
Мухор-Шибирский	—	0,57	—
В.-Удинский	18,59	11,95	7,09
Хоринский	1,44	2,61	0,52
Селенгинский	—	19,96	11,0
Кяхтинский	64,57	50,55	71,47
Закаменский	—	6,79	7,64
Кабанский	1,34	3,18	—
Баргузинский	14,06	—	—
Всего	100,%	100%	100%

*) Точно от 49,1 кило до 5,99 кило с десятины или 1,09 гект.

Из таблицы видно, что главная заготовка производится в восточных районах, далее, что главными поставщиками орех являются жители Селенгинского, Кяхтинского и Закаменского аймаков (районов), на долю которых падает в среднем 70—80%, а половина остального ореха поставляется Верхнеудинским районом. В 1927—28 году и в 1928—29 г. нет ничего по Баргузинскому аймаку, а между тем он в 26—27 г. дал 14% заготовки: очевидно, заготовляемый в этом районе орех минует основных заготовителей Буреспублики и возможно уходит за пределы ее.

Основными заготовителями по сбору орех являются Буркоопсоюз, Бурсельскосоюз и Дальгосторг. Цены, по которым они производили заготовки колеблются по районам (в зависимости от расстояния) и в зависимости от сорта ореха. Орех бывает сырой, сухой (ветряной или солнечной сушки) и «каленный» (огневой сушки). Так как отчетные данные заготовителей не выделяют эти сорта, то приходится при исчислении заготовительной себестоимости исходить из средне-взвешенной цены.

По отчетным данным заготовительные цены франко-склад заготовителя (в В.-Удинске) равнялись (за центнер):

	В 27—28 г.	В 28—29 (1 кв.)
Буркоопсоюза	15 р. 77 к.	17 р. 06 к.
Бурсельскоюза	16 р. 11 к.	19 р. 96 к.
Дальгосторга	14 р. 99 к.	18 р. 12 к.
Средняя по всем заготовителям	15 р. 62 к.	18 р. 04 к.
В процентах	100%	115%

До последнего времени ореховые заготовки Бурнаркомпроторгом не регулировались. Впервые им установлены согласительные цены в 1928—29 г. в среднем 15 р. 21 к. на месте и 19 р. 50 к. за центнер франко-В.-Удинск*).

Имея заготовительную цену, мы можем теперь исчислить себестоимость отдельно на орех простой и огневой сушки франко-вагон ст. В.-Удинск.

1928-29 г.		Себестоимость центнера кедровых орех франко ст. В.-Удинск.									
Заготовители	Составные элем. себестоимост.	Загот. цена средн. фактич. франко-склад заготов	Набавка визовой сети	Амортизации тары 2%	% на капитал из 9 годовых	Общоторг. расходы у БКС 4% у ДГУ 3,6%	Перевозка до ст. В.-Удинск	Себестоим. суш. ореха (солнц. и ветр. сушки)	Расход на огневую сушку	Утеря при сушке 25%	Себестоим. ореха огнев. сушка
Буркоопсоюз		17,06	1,20	0,34	0,77	0,68	0,21	20,26	1,23	4,27	25,76
Бурсельсоюз		19,96	2,00			1,40		23,36	Не производится		
Дальгосторг		18,12	—	0,36	1,63	65	21	20,97	1,65**)	4,53	27,15
В среднем		18,04						21,52			

*) Фактическая заготовительная цена (средн. 18,04), ниже установленной, особенно у БКСоюза. Это объясняется, с одной стороны, поздним установлением повышенных цен, а с другой, очевидно, тем, что продолжалась в един. случ. покупка ореха по цене сырого, а установленные цены касаются огневой сушки.

**) На сушеное БКС по действ. платимой цене.

Объединенное бюро жалоб НК РКИ СССР и НКИ РСФСР*) на основании данных, полученных в центральных органах указывает, что заготовительная цена на орех поднята до 4—5 руб. пуд, что делает ореховое масло дорогостоящим и не конкурентно-способным продуктом. Исчисленная нами себестоимость ореха огневой сушки 25 р. 76 к. — 27 р. 15 к. близка к указанной (4—5 руб. пуд или 24 р. 40 коп.—30 р. 50 к. центнер). Но, во-первых, нынешний год неурожайный и дал повышение заготовительной цены низовых заготовителей на 15%, а во-вторых, это цена на «каленный» орех (огневой сушки) и не должна влиять на конкурентно-способность орехового масла, так как для переработки на масло идет преимущественно орех ветряной и солнцевой сушки (и даже сырой), который уже на заводе сушится до известной степени на особых сушилках. Таким образом, заготовительную себестоимость ореха для завода нужно принять франко вагон ст. Верхнеудинск в 21 р. 52 к. центнер в 1928-29 г. При тех же расчетах цена прошлого года равнялась бы 18 р. 52 к. центнер.

Основными заготовителями продано в 1927-28 г. 22283,75 центнеров кедрового ореха. Это составляет 90,8%, остальные 9,2%, очевидно, утеря при сушке, трата и т. д.

Средняя продажная цена на весь орех (включая и огневой сушки), имея в виду, что он продан за 580904 р 60 к., может быть исчислена в 26 р. 51 коп. Фактические продажные цены были в 27-28 г. следующие:

ЗАГОТОВИТЕЛИ	П р о д а ж н а я ц е н а	
	На орех сухой (ветр. и солн. сушки) и сырой (частично)	На орех «каленный» — огневой сушки
Буркоопсоюз	от 19 р. 55 к. до 22 р.	От 27.47 до 32.96 к.
Бурсельскосоюз	от 22 р. до 23 р.	От 27.40 до 30.51 к.
Дальгосторг	от 16 р. 80 к. до 21 р. 82 к.	32 р

В 1928-29 г. дело обстоит так: договор, заключенный Бурсельскосоюзом предусматривает сдачу ему ореха по цене Наркомпромторга с надбавкой 17%, из которых 10% падает низовым товариществам и 7% в пользу БССоюза на орг. расходы, но вместе с тем 50% прибыли от продажи орех поступает в его же пользу.

Буркоопсоюз в этом году продает орех ветряной сушки за 24 р. 50 к. и огневой сушки по 36 р. 50 к. и таким образом на первом имеет чистой прибыли 4 р. 24 к., т. е. «18,9%», а на втором 10 р. 74 к., т. е. «41,6%». Такой значительный проц. прибыли, несомненно вообще ненормален, но кроме всего иного создает еще преувеличенное представление о действительной цене ореха.

Посмотрим теперь, кто покупает орех в 27-28 г.

П р о д а н о:

Иногородним губсоюзам	1339,02 цент.	} 19121,67 (85,8%)
Иногородним ЦРК, ТПО и Н.О.	2372,52 цент.	
Сибкрайсоюзу	4763,42 цент.	
Дальсельскосоюзу	8568,51 цент.	
Заграницу (Улан-Батор-Хото)	141,99 цент.	
П р о ч и е	37,23 цент.	} 1058,07 (4,7%)
Бурсельскосоюзу (для перепродажи ДСС)	1898,98 цент.	
Верхнеудинскому ЦРК	733,46 цент.	} 324,61 цент. (4,7%)
И-обществам Бурятии	324,61 цент.	
Частным лицам	2104,01 цент	(9,5%)
Всего	22283,75 цент.	100%

(* По заданию которого БНК РКИ занялся исследованием этого вопроса

Из общего количества 22284 потреблено в Бурятии (так как ЦРК и П/Об-ва продают непосредственно потребителям) 4,7%, продано за пределы Бурятии 85,8% (из них 0,6% за границу) и продано частным лицам 9,5%. Куда пошли проданные частным лицам орехи — сказать мы не можем, также как не можем определить для какой цели использованы орехи, ушедшие за пределы Бурятии; можно предположить лишь что 2372,52 ден., проданные ЦРК, ТПО и П-О (10,6) потреблены как лакомство.

В настоящем году (т. е. за 1-й квартал 1928-29 года) Буркоопсоюз продал 7 вагонов орех за пределы Бурятии: 57% губсоюзам и 43% иногородним ЦРК. БССоюз весь орех (договор заключен на 6550 ц.) запродавал Дальсельсоюзу.

Таким образом, можно констатировать, что чуть не весь заготовленный орех, за ничтожным исключением, потребляемым на месте как лакомство, продается заготовителями за пределы Бурятии. Но нужно иметь в виду, что значительное количество (по Бонишко — столько же, сколько заготавливается) на рынок не попадает и потребляется самим населением и в виде лакомства, и в переработанном виде, как масло, и „избойна“ (жмых).

Удельный вес отдельных заготовителей в заготовках орех таков:

	26-27 г.	27-28 г.	1 кв. 28-29 г.
Буркоопсоюз	89,39%	56,1%	49,44%
Бурсельскосоюз	6,58%	15,1%	24,15%
Дальгосторг	4,03%	28,8%	26,41%

Вес Буркоопсоюза падает и в тоже время растет удельный вес Бурсельскосоюза. Это объясняется тем, что Буркоопсоюз сокращает заготовки, а тем, что в этих заготовках (очевидно, из-за их высокой рентабельности) принимают участие и с.-х. кооперация и госторговля.

Средняя возможная ежегодная величина сбора нами определена в 20.000 центнеров. Эта цифра остается пока, по нашему мнению, предельной, но увеличение рынка сбыта, большая заинтересованность населения и ряд других мероприятий, могут ее увеличить, так как естественной возможности к этому, как мы видим, есть: 200 т. десяти кедровника доступно для эксплуатации.

Мы уже видели, что Буркоопсоюз, несмотря на падение его удельного веса, заготавливает половину всего количества собираемого ореха. В смысле снижения заготовительной стоимости, сосредоточение сбора в его руках было бы целесообразно, так как он располагает достаточной низовой сетью и рядом преимуществ (наличие промтоваров и пр.) Но тут возникает другой вопрос. Самая техника сбора говорит за то, что непосредственный сбор ореха должен по прежнему остаться в руках самого населения в качестве подсобного промысла. Возможна лишь лучшая организация его и освобождение слабосильных семей и артелей от кабальной зависимости кулакам, в которую они попадают путем получения его помощи по снаряжению, приобретению необходимых продуктов и огнеприпасов (оружие в тайге, где обилье всякого зверя, в том числе и медведей, дело необходимое). Эта зависимость от кулака, определенно кабальная, так как часто за продается орех еще не собранный по низкой цене. Вот в деле освобождения от этой кабалы может и должна помочь с.-х. кооперация, путем выдачи ссуд на снаряжение артелей. Естественно, что с.-х. кооперация, выдавая ссуды на заготовку орех, будет добиваться получения в свои руки и сбора орех. Отсюда вывод, что сбор ореха целесообразно оставить как он есть у Буркоопсоюза, БССоюза и Дальгосторга, так как последний имеет то преимущество, что его фактории есть в районах, где сбор ореха еще не организован (Муя, Витим, Баргузинская тайга и т. д.).

Возможность снижения заготовительных цен при этом, можно усмотреть, по нашему мнению лишь в усилении регулирующей деятельности Бурнаркомпромторга, которая до сего времени в данном, по крайней мере, вопросе была недостаточна.

Как уже говорилось, цифровые данные о площади занятой кедровым лесом в Бурятии чрезвычайно скудны, что впрочем естественно, так как из 28 милл. гектаров леса Бурятии, исследовано всего лишь около 8 проц. Бонишко в своей брошюре дает цифру доступную (каковой он считает лежащую не дальше 50 верст от населенного пункта) площади лесов с господством кедра в бывших Прибайкальской и Забайкальской губерниях в 434.149 десятин и недоступной в 880.000 десятин. При организации Бурреспублики кедровые районы—хребты Хамардабан (кроме южного склона) и Малаханский отошли от Бурреспублики, но в то же время вошли в состав Республики новые лесные районы, с кедровыми насаждениями Тункинского, Эхирит-Булагатского аймаков и позднее Кабанского района. Данные лесного отдела Бурнаркомзема, за исключением данных лесоисследований, основанных на отчетах лесничих, чрезвычайно приблизительны и проблематичны, к ним по заявлению самого лесного отдела нужно относиться с чрезвычайной осторожностью, так как они основаны на описаниях случайных посетителей таежных районов, охотников и т. д., а иногда взяты просто примерно, предположительно, в процентном отношении. В приведенной ниже таблице, нами приведены данные из таблицы Бонишко о распространении кедра в Прибугернии, о лесах лишь вошедших в границы Бурреспублики и упомянутые данные лесного отдела, причем для сравнения приведены проц. заготовок.

Р а й о н ы (а й м а к и)	Данные Бонишко		Данные Л. Отд.		Проц. заготовок		
	В десятинах:		В гектарах		26-27 г.	27-28 г.	28-29 г.
	Доступная площ.	Не доступная площадь	Исслед. площадей	Не исслед. таежн. площ.			
В.-Удинский	3184	—	3600	—	18,59	11,95*)	7,09*)
Мухор-Шиб.	—	—	—	—	0,57	0,57	—
Хоринский	81717	—	30.000	65.000	1,44	2,61	0,52
Кяхтинский	30000	30000	—	15000	61,57	50,55	71,47
Селенгинск. (ранее входив в Кяхтину)	60.000	—	4500	54000	—	19,96	11,0
Закаменский	—	—	—	—	—	—	—
Баргузинский	10000	710000	60000	230.000	14,06	6,79	7,64
Входив. ранее в Баргузин. С. Байк.	—	—	—	535000	—	—	—
Еравнин.	10000	—	—	277000	—	—	—
Баунтов.	—	—	—	800000	—	—	—
Всего по территории Б.-М. АССР входив. ранее в Прибайк. губернии	934.901	—	2.174.100	—	—	—	—
Районы, ранее входив. в состав Авг. Обл. и Иркут. губ.	164.901	770.000	98100	2076000	—	—	—
В.-Удинск	—	—	—	47200	—	*) См. 1 строчку.	
Эх.-Булагатский	—	—	—	40000	—	0,88	—
Тувинский	—	—	—	500000	—	3,46	2,28
Кабанский	—	—	60.000	—	1,34	3,18	—
Агинский	—	—	—	50000	—	—	—
Всего по Бурреспубл.	—	—	158.100	2811300	100%	100%	100%

Сравним эти цифры, пока по графам лесов доступных и исследованных. У Бонишко мы их насчитали 164.900 десятин или 179.741 гектар. Цифра лесного отдела дает только 98.100 гектаров. Цифры Верхнеудинского района (в части его входившей в Прибугубернии) 3184 десятин или 3479 г., а по Бонишко и 3600 г. к. по данным л. отд. близки. Площадь Хоринского аймака близка в общей сумме если по Л. отд. взять обе графы, но незначительный проц. заготовок по Хоринскому аймаку, дает основание принять цифру лесного отдела—30.000 дес.,—а не Бонишко. Наоборот значительный и, даже больше, преобладающий процент по заготовкам Кяхтинского и (ранее входившего в него) Селенгинского аймаков (от 65% до 82%) дает полное основание при близости суммовых цифр обоих граф (60.000 дес., или 65.400 гк. у Бонишко и 73500 г. у лесного отдела) принять цифру Бонишко, т. е. 30.000 десятин или кругло 33000 гектаров доступной площади. Если к этому добавить, что из 47.200 гект. по Верхнеудинскому району 45.000 взяты из отчетов лесничеств и что процент заготовок по Верхнеудинскому району значителен (10-20%), а потому есть полное основание прибавить эти 45000 га к 3600 уже принятых нами по Верхнеудинскому району, то со всеми этими поправками получим следующую приблизительную цифру удобной и вместе с тем исследованной площади лесов с господством кедра на территории нынешней БМАССР:

В.-Удинский район	49.000 г. а.
Хоринский «	30.000 «
Кяхтинский «	33.000 «
Кабанский «	60.000 «
Баргузинский «	40.000 « (по Бонишко)
<hr/>	
	212.000 г. а.

или (кругло) 200 тысяч десятин.

Для определения будущего, так сказать, запасного фонда для кедрового промысла фонда, который возможно будет использовать лишь с развитием общей культуры края и в первую голову путей сообщения, с продвижением их вглубь таежных районов, для осторожности следует взять цифру Бонишко 770.000 десятин (840.000 га), так как хотя леса Закаменского района (100.000 га), Баунтовского (800.000 га) и Бравнинского (250.000 га) у него и не упомянуты, но цифры Лесного отдела черезчур приблизительные, не имеют под собой никакого достаточного основания и не исключают возможности, что под именем кедровника, упоминается значительная часть кедрового сланца, неимеющего (пока) промыслового значения.

К этой цифре необходимо добавить вновь вошедшие в Бурреспублику лесные таежные районы, или во всяком случае, те из них, где имеется даже сейчас наличие заготовок, т. е. по Эхирит-Булагатскому аймаку 40.000 га и по Тункинскому 500.000 из последних до 100.000 гектаров изучены и подробно описаны лесоводом Безматерных (еще в 21 году) и тогда будем иметь общую цифру этого «фонда» грубо в 1 миллион 300 гектаров кедровника. Фактически часть этого фонда, этого запаса, уже теперь эксплуатируется: Эхирит-Булагатский и Тункинский аймаки дали вместе в прошлом году 5% всей заготовки, Закаменский хошун дает и сейчас около 7—8% заготовки, Баргузинский аймак дал в 26—27 г. 14% заготовки и т. д. Последний аймак в 27—28 г. и 28—29 г., так же как Баунтовский и Сев. Байкальский районы, ничего не дали для заготовок Бурреспублики. Это объясняется отчасти малонаселенностью их, отсутствием удобных путей сообщения, а отчасти же потреблением на месте. Есть непроверенные данные (рассказы б. жителей г. Бодайбо), что из теперешнего Баунтовского района в довоенное время значительное количество орех шло для приискового района зимним путем по реке Витиму.

Необходимо отметить, что необозримые площади лесов Бурреспублики (может быть частью и вошедшие в цифру Лесного отдела, около 3.000 000 га) покрыты на известной высоте (по Бонишко свыше 2.000 метров) над уровнем моря уже не кедром, а

кедровым сланцем с мелкой, как у сосны шишкой, который признается не имеющим промыслового значения. Нет никакого сомнения, что мелкий орех кедрового сланца не пригоден как лакомство, но вопрос о возможности применения его для переработки на масло, по нашему мнению, еще нуждается в технической проработке.

Мы уже говорили, что с места сбора—в тайге, орех в населенные пункты доставляется осенью выюком, а зимой на санях. Из этих населенных пунктов на железную дорогу (главным образом, ст. В.-Удинск, отчасти Петровский завод) орех перевозится по рекам, в верховьях которых и производится заготовка (реки Курба, Джида, Темник, Уда, Чикой) и которые впадают в реку Селенгу. Перевозка из населенных пунктов к пунктам сбыта производится, главным образом, зимой санным путем, так как сбор ореха производится осенью с 1-го сентября по 15 октября, а в урожайные годы вплоть до глубокого снега. В эти годы «паданка» собирается даже весной (в мае).

В дореволюционное время территория, ныне занимаемая Буреспубликой, в частности г. г. Верхнеудинск и Троицкосавск снабжались ореховым маслом с маслобойного завода в с. Красный Яр на Чикое (теперь Читинского округа), существовал также частный завод Мельникова в самом гор. Верхнеудинске. Оба эти завода ликвидированы, при чем Верхнеудинский завод, по словам его бывшего владельца, ликвидирован в 1910 г., но до 1915 г. Мельников продолжал выработку кедрового масла уже кустарным способом. В Кустгироме Бурнаркомпромторга нет никаких данных о наличии кустарного производства орехового масла на территории города и Бурятии—вообще. Нет этих данных ни в местном кредитном, ни в кустарно-промысловом т-вах. Между тем, на рынке есть у торговцев масло и „избойна“, сравнительно невысокого качества, что во всяком случае указывает на наличие кустарей-одиночек. Торговцы ссылаются на то, что получают масло из Зауды (предместье Верхнеудинска). Цена масла у частных торговцев в разничной продаже 1 р. 20 к. за 400 грамм, т. е. 300 р. центнер.

По данным Бонишко из пуда орех добывается 4-6 фунтов масла и 6-8 фунтов хорошей (т. е. пригодной в пищу людям) „избойны“ (жмых), т. е. выход масла составляет 10-15% масла и 15-20% избытны. При прессовании растолченого ореха ручным прессом выход масла, по его словам уже составляет 25%, но при этом способе жмых уже не пригоден в пищу людям и идет лишь на корм скоту.

При организации завода и прессовании орех выход масла дойдет по мнению Бонишко, до 40% и «избойны» (непригодной в пищу людям) до 60%. Нам этот вывод представляется черевчур оптимистическим и пока ничем не подтверждающимся. Частник Мельников сообщил, что на его заводе при примитивном оборудовании, стоившем 500 р. (ручной способ) при 3-х рабочих, перерабатывавших (конечно, не при 8-ми часовом рабочем дне) ежедневно 3 пуда орех каждый, в среднем из пуда орех выходило 5-6 ф. масла. При прессовке целого ореха получал лишний фунт, но масло принимало красный цвет и его приходилось отстаивать. Бурнаркомпромторг в пятилетке в проекте маслобойного завода предполагает выход 20% масла и 30% избытны. Полагаем, что во всяком случае, этот выход не преувеличен.

Оборудование завода довольно просто. Единственным вопросом, могущим вызвать затруднения, является вопрос о механизации лущения орех. Примитивный способ—лущения зубами,—конечно, должен быть отвергнут. На заводе Мельникова употреблялся способ лущения вальцами, при чем орех (обязательно спелый) сырой или простой сушки, предварительно сушился до известной степени на огневой сушилке, и до пропуска на вальцах сортировался по величине (на 4-х решетках). На заводе б. Лопмана в Иркутске, который некоторое время функционировал в ведении Губсовнархоза, орех сортировался на 5-6 решетках, затем после «каления» до известной степени орех дробился на жерновах, а затем на вальцах с многократным (5-6 раз) проеиванием, после чего получалось довольно чистое зерно ореха, дававшее отличное масло. При удовлетворительном разрешении этого вопроса конкурентно-способность кедрового орехового масла вряд ли вызовет сомнение, так как мы увидим ниже цена его (себестоимость) не особенно высока, а вкусовые и питательные свойства значительны; в давнее время кедровое масло

вывозилось даже за границу: упомянутый выше Мельников сбывал масло в Маньчжурию, откуда оно по его словам шло в Китай.

Себестоимость масла Бониншко, при цене ореха в 1 р. 50 к. (1923 г.) определял в 10-11 р. пуд, т. е. до 67 р. 10 к. центнер. Сообщение в газете „Бур.-Мон. Правда“ (№ 7 от 9/1-29 г.), перепечатанное из Иркутской газеты «Власть Труда» о постройке масложирсиндикатом в Иркутске завода по выработке кедрового масла, говорит: что при добыче кустарным способом масла, себестоимость его обходится в 36 руб. пуд и что при усиленной рационализации удастся снизить ее до 16 р. пуд.

Пятилетний план Наркомпромторга, которым предусматривается организация в 1932-33 г. маслобойного завода кедрового масла в Бурятии с производством 328 тонн орехового и 82 тонны конопляного масла, себестоимость его, при общем расходе в год 372012 руб., определяет в 90 р. 73 к. центнер или 14 р. 87 к. пуд. По нашему мнению расчеты Наркомпромторга правильны и их следует подвергнуть критике лишь только с точки зрения величины себестоимости сырья—кедрового ореха. Эта себестоимость в пятилетке принята 16 р. 50 к.

При средней заготовительной цене этого года франко-Верхнеудинск, за вычетом стоимости провоза—21 р. 31 к. центнер, стоимость сырья вздорожает на 29,1%, что составит 7868 р., и все расходы по заводу выразятся не в 372012 р., а в 379880 р., что при производстве всего 410 тонн масла даст себестоимость центнера 92 р. 65 к. или 15 р. 18 к. пуд. При такой себестоимости при организации завода в г. В.-Удинске, стоящем на линии железной дороги, масло будет, по нашему мнению, продуктом конкурентно-способным.

По вопросу об использовании жмыха «избойны» нужно сказать, что при условии получения жмыха из лущенного ореха, он может быть использован как вкусовое питательное вещество: население употребляет «избойну» в сыром виде как лакомство, «белит», вместо молока ею чай и т. д. Упомянутая нами заметка в «Б.-М. Правде» указывает такое использование отбросов производства; ореховая пленка—для производства туфяков, а ореховая скорлупа—для производства питательной муки, кондитерских изделий, халвы. И то и другое представляется нам сомнительным. Если ореховая пленка и может быть использована, то не иначе как после особой, может быть сложной, химической ее обработки, так как шелуха с ореха огневой сушки (а мы уже говорили, что при производстве масла орех сушат «калят») при простом растирании пальцами обращается в пыль. Ореховая скорлупа, деревянистая и содержит значительное количество смолы и дубильных веществ и вряд-ли пригодна для питания, зато жмых «избойна» (о ней автор заметки вовсе не упоминает), возможно пойдет и на производство питательной муки и, несомненно, на изделие халвы и пр.

Пятилетка НКПромторга организацию завода по переработке кедрового ореха в масло предусматривает в 1932-1933 году, предполагая приступить к постройке в 1930-1931 году.

Необходимый капитал НКПромторгом испрашивается на капитальные затраты с 1930 по 1932 г.—250.000 руб. и оборотный 100.000 руб. Из-за отсутствия средств организация завода возможна лишь при получении долгосрочной ссуды из Госбанка. При этом условии возможность организации завода вполне реальна.

Наркомпромторг, откладывая организацию завода до 32-33 года, вместе с тем, не определяет местонахождения его. Целесообразна была бы, может быть, организация завода или заводов ближе к источникам сырья, т. е. кедровым районам. В этом отношении, конечно, грубо ориентировочно, можно было бы наметить три-четыре района: 1) один—на р. Селенге, лучше всего Гаязурино, где уже имеется одно из предприятий Наркомпромторга (мельница) и куда может сосредоточиться орех из районов Кяхтинского, Селегинского и Закаменского (т. е. до 70—80% сбора), 2) г. Верхнеудинск куда пойдет до 10% сбора и в случае отказа от предыдущего варианта упомянутые выше 70—80%; 3) ст. Мысовая (поселок Мысовск), т. к. по мнению б. председателя Госплана БМАССР т. Ряхова (М. Р-ов „О Мысовском промышленном кусте“ журнал

«Жизнь Бурятии» № 1—3 1927 г.) запасы сырья в районе озера Байкал (в данном случае кедрового ореха) огромны и выработка кедрового масла может занять должное место в ряде кустарных производств; 4) пос. Баргузин на реке Баргузин для переработки масла из, пока почти не эксплуатируемых, кедровых насаждений Баргузинского аймака.

Два последние места развития кедрового промысла пока еще совершенно не изучены и вопрос о возможности развития его, как и вопрос организации там заводов по переработке ореха в масло— дело будущего и несомненно требует изучения и проработки. Пока же можно отметить лишь две предпосылки возможного развития дела в этих районах: несомненное наличие громадных еще не учтенных запасов сырья и наличие или возможность развития путей сообщения железнодорожных (ст Мысовая) или водных—по Байкалу и реке Баргузин.

При наличии предпосылок говорящих о возможности развития кедрового промысла в Бурятии, в настоящее время приступлено к изучению наличия кедровых массивов, возможности их эксплуатации; прорабатывается вопрос о форсировании постройки завода, его механизации и о возможности кооперирования самого кедрового промысла в целях стимулирования сбора орех населением.

Проблема промышленного земледелия Бурятии*).

(Фруктово-овощные фабрики).

Англия, Франция, Бельгия, Голландия, и Германия, т. е. страны, где безморозный, так называемый вегетационный, период продолжается 5-6 месяцев *считают для себя экономически невыгодным заниматься акклиматизацией южных фруктов*, как-то: винограда персиков, абрикосов, ананасов, мандаринов и даже некоторых (более нежных) сортов яблок и груш, т. е. выращивать их на свежем воздухе, а *перешли*, за последние 30-40 лет, к *культуре этих плодов в оранжереях, под стеклом*. Мало того, даже обычная овощная культура, способная прекрасно возрастать на воздухе, выращивается в теплицах и оранжереях по той простой причине, что вегетационный период на воздухе (4-5 месяцев) позволяет собирать в год только один урожай, а под стеклом, где он продолжается круглый год, возможно получить, за то-же время с одной и той же площади, 3-4 урожая.

Какие результаты дает парниковая культура плодов и овощей за границей, можно видеть хотя бы из труда нашего знаменитого соотечественника П. А. Кропоткина: «Поля, фабрики и мастерские», появившемся в 1918 г. четвертым изданием на русском языке в Москве. Еще 25 лет назад автор в маленькой Бельгии насчитал 200 десятин под стеклом (ныне площадь утроилась), причем только из 2-х поселков, Хейларты и Оверюше, вывозилось в Англию 500.000 пудов парникового винограда высшего качества, да около 2.000.000 пудов других фруктов на сумму до 15 миллионов рублей. При этом одна десятина под стеклом давала в среднем 12.000 руб. дохода, а вывезенный из Бельгии лучшего качества виноград (всего на сумму свыше 22,5 мил. руб.) продавался в Лондоне в розницу и при том зимою, к рождеству, по 16—24 копейки за фунт.

С немалым успехом земледелие под стеклом ведется в Голландии, а затем во Франции, особенно на 2-х каменных, по природе бесплодных, островах Грензее и Джорсее, где почву приходится создавать искусственно из привозимых извея древесных опилок, кожевенных отбросов, пеньковой пыли и перегнивших листьев. Население на островах чрезвычайно плотное—57 человек на 1 кв. километр, а между тем крестьяне там очень зажиточны и, по отзывам всех, посетивших эти острова, экономически благоденствуют. Через малую гавань острова Джорсен Сен-Элье ежегодно вывозится в Англию почти на 100 мил. руб. парникового винограда и других плодов. Средняя доходность с десятины 12-13 тыс. рублей в год, т. е. не менее пяти рублей с одной квадратной сажени.

Одна ферма Бошфорд (на Джорсее), имеющая всего 5 десятин под стеклом, при 36 рабочих и 1 садовнике, сжигая 62000 пуд. в год угля, получает; винограда 1500 пуд., помидор 5000 пуд., раннего картофеля 1850 пуд., фасоли 124 пуда, дынь 2000 пуд., сладкого горошка около 500 пуд. и других плодов 1200 пуд.

Выручает она ежегодно в среднем—65.000 рублей, т. е. около 13.000 рублей с десятины.

*) Помещается в порядке обсуждения.

Такую же картину мы можем наблюдать в Голландии, Англии и в последнее время в Германии, где находят более выгодным преимущественно выращивать *овощи*. Огромнейшие оранжереи с салатом, огурцами, помидорами, картошками, капустой, горошком и проч. близ Берлина представляют целые стеклянные города, откуда овощи на многочисленных поездах перевозятся ежедневно в столицу.

В Америке, Канада, по своим климатическим условиям приближающаяся к Сибири процветает, благодаря промышленному земледелию под стеклом.

Обратимся к тому, что делается в Бурятии в Восточной Сибири в отношении земледелия, особенно плодоводства. Здесь, где вегетационный период, по данным Иркутской метеорологической обсерватории за последние 42 года, всего 1-2 месяца (по существу вполне застрахован от заморозков один месяц *июль*), стремятся и опытные станции, и совхозы и частные владельцы к *акклиматизации* всяких растений, не исключая южных плодов и овощей¹⁾. Дело, по существу, безнадежное и недоходное уже потому, что качество, даже акклиматизировавшихся плодов, невысоко (обычно кислые, лишенные аромата), при том они, в силу огромного, затраченного на них труда и риска, так дороги, что не могут выдержать конкуренции с плодами, привезенными за десятки тысяч верст (из Туркестана и Крыма).

Между тем восточная часть Сибири и особенно Бурятия обладают всеми данными для широкой, рентабельной постановки промышленного земледелия.

Для роста и плодоношения плодов нужны, кроме почвы, воды и воздуха, *тепло и свет*. И то, и другое дает солнце. При чем оказывается, что в таком пункте, как г. Иркутск (где климат суровее, чем в Бурятии) тепловая радиация солнца, выраженная в грамм-калориях (на 1 кв. сан.) 200, а в Монпелье—южный город Франции, где виноград созревает на воздухе, 197. В каждую минуту Иркутск получает солнечного тепла на 8 сотых гр. кал. больше, чем Монпелье, но надо уметь это тепло сохранить. Таким аккумулятором являются соответственно устроенные оранжереи, которые свободно пропускают солнечные лучи через свои стекла, но отдают тепло обратно нескоро. Впрочем *тепловая энергия* солнца для нас имеет меньшее значение, она *легко и с успехом заменяется дешевым топливом*, в виде дров и каменного угля. Если использовать Забитуйские копи Бурятии, напластование коих представляет западное продолжение черемховского каменно-угольного образования, а также копи, Кутулик акчинского участка и заброшенные Наренские угольные копи, то можно с уверенностью сказать, что себестоимость угля обойдется не дороже черемховского (где она равна 7,36 копеек пуд), а следовательно дешевле бельгийского угля, ценою свыше 8 копеек пуд на наши деньги).

Как никак, но из Забитуйского района, по сведениям любезно представленным в наше распоряжение проф. Б. Д. Сперанским, с 1900 по 1919 г. добыто было 3 мил. пудов угля. При добыче угля получается масса (целые горы) угольных отбросов, которые, будучи утилизированы, как то рекомендуется проф. Дукельским, в виде брикетов, удешевляют топливо раза в 4. Кроме того, в значительной степени может быть использован для нагревания теплиц отработанный пар Верхнеудинской мукомольной паровой мельницы, паровой мукомольной в Кутулике и Хонхолах.

Наиболее важной является *световая радиация солнца*. В этом отношении Бурятия и вся Восточная Сибирь вне конкуренции. Данные Иркутской обсерватории говорят что в Бельгии 1842 часа солнечного сияния в год, в Иркутском округе—2452 часа. т. е. в 1¹/₃ раза больше. Еще лучше дело обстоит с Бурятией, чем дальше с запада на восток, тем больше нарастает солнечная радиация.

Если в Иркутске среднее сияние солнца в часах в (сутки): годовое 6,6, летнее 8,1, зимнее 3, то в Чите (на 10 градусов восточнее)—годовое 7,1, летнее—8,5, зимнее 5,8.

Иначе говоря, мы имеем световую радиацию, равную южной части Италии, где на воздухе вызревает не только виноград, но апельсины и лимоны.

¹⁾ Впрочем в г. Иркутске есть уже 20 оранжерей, принадлежащих или сданных городом в аренду частным лицам. Владельцы их прекрасно эксплуатируют население, выращивая в них цветы и овощи (один болгарин капусту и огурцы).

И в то время, как Англия для своего промышленного земледелия, имея в год 336 часов солнечного сияния (у нас такое количество получается в один летний месяц) принуждена прибегать к освещению оранжерей дорогим стоющим электричеством, мы свою богатейшую солнечную радиацию оставляем неиспользованной.

Мы имеем необъятные лесные пространства в виде тайги, о которой на Западе не имеют представления. Тайга дает прекрасный дешевый лес для изготовления оранжерей и деревянные рамы, как нетеплопроводные, конечно, более практичны, чем металлические, которые приходится делать на Западе, за неимением и дороговизной лесного материала.

У нас под руками богатейший материал для изготовления стекла; мы даже имеем стеклянные заводы, как, например, Верхнеудинский стеклоделательный, заново отремонтированный, могущие изготавливать оконное стекло, правда, невысокого качества, но вполне пригодное для оранжерейных рам и относительно дешевое.

Если при фабрикации стекла сбрызнуть его анилиновой краской эозинном (красного цвета), то растения будут, как это подтверждается проверенными опытами известного французского астронома Фламариона на его теплицах, плодоносить вдвое больше, чем при обычных условиях.

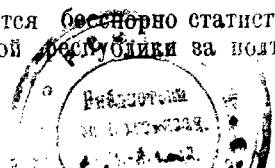
Несмотря на массу солнца, сухой и холодный воздух, высокое положение, т. е. наличие всех условий, неблагоприятствующих развитию чахоточных бактерий или созданию местных очагов болезни, в Бурятии налично *массовое развитие туберкулеза*.

Целые медицинские отряды, по заданию Бурнаркомздрава, снаряжались для выяснения этого вопроса в различные места Бурятии. В 1927 году, в тех-же целях, по плану Ленинградского Тубинститута, при участии проф. этого института А. Я. Штернберга, а также научных сил Иркутского университета — профессоров Я. В. Плавинского и А. А. Мелких, был организован особый медицинский отряд для обследования Аларского аймака и этот отряд обнаружил весьма печальную картину: 35,2% населения больны туберкулезом; причем 51,8% туберкулезных детей. Из осмотренных с реакцией Пирке детей, с положительными указаниями на туберкулез оказалась ужасающая цифра 98,2%, то есть почти все население поголовно заражено туберкулезом, при этом подавляющий процент падает на бурягскую национальность, занимающуюся преимущественно скотоводством, и значительно меньший — на русскую, занимающуюся хлебопашеством.

По мнению проф. Воейкова климат Бурятии чрезвычайно здоров: «больные,—по его словам,—прибывающие сюда с зародышами чахотки или в начале ее развития, поправляются и легочный процесс останавливается». По отзывам целого ряда медицинских авторитетов «климат Забайкалья самый благоприятный для лечения легочной чахотки».

А между тем от нее и от других болезней, связанных с расстройством питания и слабостью организма, население *вымирает*. Самый прирост населения на 1000 человек в Бурятии так мал, что может лишь сравниться с довоенной Францией (3 человека на 1000), в то время, как в Европейской части Союза он равен 16,4 и даже для русских в Бурятии—24,3, иначе говоря, мы перед фактом, о котором еще в XVIII веке наш крупный исследователь и ученый академик Паллас, посетивший Бурятию, сказал, что здесь идет речь о «вымирающей народности». Для нас недостаточно убедительными являются положения проф. Н. Козьмина, который ищет причины вымирания в случайных временных явлениях, вроде бандитизма в Боханском аймаке, продрозверстки, а затем эпизоотии там-же, скученности размещения в избах и т. д. Все эти явления имели место в Европейской части Союза и в Западной Сибири, все они, временно, оказывали влияние на уменьшение прироста, но все-же угрожающих признаков вымирания не обнаружили. Для нас не убедительной является ссылка на экономическую политику царского правительства в Бурятии, якобы способствовавшую ослаблению населения, так как эта политика была не лучше и в остальных частях тогдашней России и на уменьшение прироста населения подобным образом не повлияла.

Для нас необходимо выяснить, почему, как устанавливается бесспорно статистическими данными, «численность бурятского населения Бурятской Республики за полтора десятилетия не увеличилась».

И вот, обращаясь к трудам того-же проф. Н. Н. Козьмина (Бурят-Монгольская АССР, 1928 г.), д-ра Жинкина (Климат Бурятии в гигиеническом отношении, 1926 г., «Вопросы курортного строительства» его-же, за 1927 г.) и другим, мы видим момент, который следует особенно подчеркнуть и который проливает свет на это загадочное явление. Этим моментом является пищевой режим.

По данному ЦСУ *душевое* потребление пищи в фунтах за 1926 г. в Бурятии было таково:

Национальность	Пища в фунтах		Вкусовые вещества	В целом
	животного происхождения.	растительного происхождения.		
Буряты	2,380	2,593	0,062	5,035
Русские	1,083	4,105	0,066	5,254

Иначе говоря русское население, занимающееся земледелием, в Бурятии поедает на 1½ фунта в день растительной пищи больше, чем бурятское, преимущественное скотоводческое.

Недостаток *углеродистых веществ* сравнительно с питанием, необходимым для исполняющего среднюю физическую работу европейца, здесь обнаруживается со всею очевидностью. В то время как русский рабочий в Европейской части союза получает в своей пище 4580,8 калорий, агинский скотовод-бурят всего 2424 калории.

Овощи в пище бурят, по свидетельству доктора Жинкина, *отсутствуют*, и на 25% в его пище недостает углеродистых веществ.

Если учесть достижения современной науки, открывшей 1911 году (см. функ. витамин, 1928 г.) в пище наличие особых веществ витаминов, без которых не только пища не является питательной, но появляется истощение организма, серьезные заболевания (чахотка, рахит, цинга, зоб и т. д.), и даже смерть, и если принять во внимание, что *витамины и витаминеры* (их производные) *находятся преимущественно в свежих фруктах и овощах*, то станет понятным, почему бурятское население, обреченное на витаминный голод, вымирает.

Возьмем важнейшие витамины, как это установлено наукой, и проследим, в каких именно веществах их более всего находится (числом крестиков обозначим преобладание их количества).

Витамин С, создающего иммунитет при гриппе, туберкулезе и др. болезнях, имеем: в картофели ++, в сырых фруктах ++, в помидорах +-+-, в печени животных -, в молоке +, в дрожжах ++.

Витамина В, против бери-бери, диабета и других сходных болезней обнаружено: в бобовых растениях ++, в сырых фруктах +, в помидорах ++, в мясе +, в печени +, в яйцах и молоке по +.

Витамина А, так называемый витамин роста, способствующий развитию организма и действует против ксерофтальмии (воспаление глаз), имеется: в бобах +, в картофели ++, в сырых фруктах +, в помидорах +, в печени +, в яйцах и молоке по +.

Витамина Ф, плодородия--находится в салате, траве, альфе, зернах пшеницы и друг.

Витамина Е, против рахита, в значительном количестве в овощах +, сырых помидорах +. внутренностях животных (печень, почки) +-+, яйцах ++, молоке +.

Много ли из этих продуктов входит в пищевой режим буряты. *Из растительных веществ—ничего.* Что же удивительного, что буряты вымирают. Поставьте любое живое существо в подобные условия и оно погибнет.

Мы видим, что русские хлеборобы Бурятии, вводящие в состав пищи овощи, растительные вещества в большей степени, чем буряты, менее страдают от болезней и дают

меньший процент смертности. Мало того, в тех районах, более северных, где от хлебопашества получается меньшее количество продукции, где урожай меньше, там и среди русского населения смертность больше.

Отсюда видна прямая зависимость между увеличением смертности и заболеваний в зависимости от наличия углеводов и растительной пищи.

Это обстоятельство, если мы желаем предупредить вымирание целых народностей, побуждает *помимо экономических соображений, озаботиться снабжением населения фруктами и овощами, особенно свежими, заключающими в себе самое значительное количество витаминов.* Такие овощи легко и скоро доставит нам промышленное земледелие под стеклом, для которого не имеет значения ни климат, ни почва.

Части Красной армии, расположенные в Бурят-Монгольской республике, также ощущают недостаток в овощах. Забота о доставлении последних—одна из самых тяжелых для командиров частей. Иметь в длинный зимний период немороженный картофель и капусту почти невозможно, а будучи заморожены, они теряют не только вкус, но и питательную ценность. Земледелие под стеклом, отпуская продукт по мере надобности, устранило бы это затруднение.

Многие, не отрицая всю целесообразность и рентабельность промышленного земледелия под стеклом, ссылаются на то, что привиться у нас оно не может из-за косности населения. Полагаем, что опасение неосновательно.

Примером может служить Клинской уезд Московской губернии, где по инициативе бывш. крепостного крестьянина Ивана Степанова, еще в 1862 г. была сооружена первая оранжерея, примитивного характера, стоимостью около 35 рублей, в 3 печи для выгонки огурцов. К началу империалистической войны в том-же уезде было крестьянских теплиц уже 366. С каждой такой теплицы получалось в среднем 2000 огурцов, которые продаются зимою (в ближайший город) по 10 коп. штука, и таким образом оранжерея, стоимостью в 35 рублей, приносит 200 рубл. в год годового дохода, причем уход за нею падает в свободное для крестьянина зимнее время. „Бытие определяет сознание“—формула К. Маркса, вполне оправдывается жизнью.

Земледелие под стеклом является важным фактором индустриализации земледелия и в то-же время дает возможность постепенного расширения дела, без больших капитальных затрат. Теплица может быть сооружена стоимостью от 35 рублей до десятков тысяч рублей. Стоимостью одной кв. сажени полезной площади под стеклом крестьянской теплицы, типа, описанного П. Н. Штейнбергом (см. „Земляная теплица и ее использование“. изд. 4-е, 1914 г.) 18 рубл. 62 коп. (38 коп. кв. фут); стоимость большей оранжереи, типа бельгийской (ок. 300—400 кв. метров) 32-36 коп. кв. фут, т. е. 15 рубл. 68—17 р. 64 коп. квадрат, что понятно: чем больше предприятие, тем дешевле себестоимость единицы.

Обработка десятины под стеклом в Джарсее требует всего 6 человек рабочих и 1½ садовника (один на 5 десятин). В частности на 1 кв. саж. полезной площади, по нашим ориентировочным подсчетам, расходуется 3 руб. 23 коп., а получается с той же сажени (по данным П. А. Кропоткина) 5 рубл. Следовательно чистый доход с 1 кв. саж. 1 рубль 77 коп., иначе говоря, на затраченный капитал 54,48% прибыли. И это при дешевизне продуктов, о которой пока мы можем лишь мечтать (10-12 коп. фунт винограда или персиков). Высокая доходность объясняется, как было сказано, длинным вегетационным периодом промышленного земледелия, совершенно не считающимся с климатом.

Самое плодоношение, в случае окрашивания стекла азотом, увеличивается, как упомянуто, *вдвое*, а следовательно соответственно увеличивается и доходность.

Мы видим, что на малых нормандских островах Джарсее и Грензее, с совершенно бесплодной, каменистой от природы почвой, крестьянское население, чрезвычайно плотное, благодаря усвоенному им промышленному земледелию под стеклом, живет зажиточно, что целые флотилии прибывают к этим островкам за экспортированием продуктов их земледелия и этого достаточно, чтобы понять какое важное экономическое значение для страны может иметь промышленное земледелие.

Уголь, дрова, лес, стекло, транспорт и т. д. все взаимно увязывается в непрерывную торгово-промышленную цепь, создающую, по пути ее движения, новый источник человеческого существования там, где его раньше не было.

Стоит только взглянуть на целые стеклянные города оранжерей Германии, Бельгии, Голландии и других стран, отапливаемых с помощью пара, проводимого по трубам из 1-2-х калориферов, чтобы понять, почему в этих районах крестьянство, по природе не склонное к коллективизации, в действительности кооперируется.

Строя свою оранжерею рядом с соседской, крестьянин прекрасно учитывает выгоду ее согревания помощью общего калориферного отопления (иногда на сотни оранжерей одно), полива из общего водопровода, необходимой для него, при интенсивной обработке земли, агрономической помощи, выписки машины и проч. Естественно, что в наших советских условиях, где коллективизация хозяйства всячески поощряется, когда выгода ее будет осознана землеробом, а это неизбежно скажется на первых же парах введения промышленного доходного земледелия, коллективное хозяйство должно широко развиваться, вырабатывая новые формы общественности и культуры. Необходимо лишь поступательное движение вперед и осмысленное изучение и использование природы, памятуя одно что „жизнь идет вперед, кто за ней не поспевает, тот погибает“.

Путевые заметки агронома.*)

По поручению Наркомзема БМАССР 26 августа 1928 года я выехал в европейскую часть СССР для ознакомления с постановкой дела и характером работ сельскохозяйственных опытных установок по животноводству и полеводству.

ВЯТКА. В первую очередь, 5 сентября, мною была осмотрена Вятская губернская заводская конюшня.

В составе конюшни было 78 жеребцов—производителей пород: орловской рысистой, арденской, брабансонской и финской. В значительном большинстве преобладают орловские рысаки. Заводская конюшня в полной мере обеспечена жилыми квартирами для персонала, помещенными для лошадей и равными хозяйственными постройками.

Все жеребцы для ухода и кормления распределены по конюхам, на каждого конюха дается по 6—7 жеребцов рабочего сорта, а рысистых ипподромных 5 штук.

В обычное время простоя каждому жеребцу в сутки выдается 10—12 фунтов овса и до 15—20 фунтов сена, а в случной период 15 фунтов овса, при том-же количестве сена. Кормятся лошади три раза в сутки. В утреннюю уборку производится чистка лошадей и стойл.

Конюшня кормами обеспечивается следующим образом: овес получает от заготовительных органов, сено обычно заготавливается со своих сенокосов. Уборка сена на своих лугах производится конюхами и их семьями за особую плату.

Все расходы по конюшне покрываются за счет средств бюджетных и специальных. Ежегодная расходная сумма по бюджету определяется в 20—25 тысяч рублей. Все доходные суммы от конюшни, включая случную плату за жеребцов, выручку от ликвидации старых и бракованных жеребцов, иной раз, от продажи сена поступают в специальные средства конюшни и расходуются на ее нужды.

За случку с жеребцами установлена плата от 2 до 10 рублей с кобылицы. Случная плата понижена для бедноты, но, как правило, недополученную с бедняков разницу конюшне доплачивают местные уездные, районные или волостные органы из своих бюджетов.

На случные пункты жеребцы посылаются исключительно со своими конюхами, из расчета 2—3 жеребца на пункт с одним конюхом. На каждый пункт назначается заведывающий пунктом из компетентных в этом деле лиц.

В среднем на жеребца приходится 30—35 покрытых маток, отдельные же наиболее сильные жеребцы покрывают до 50—55 кобылиц.

Организовано четыре пункта по искусственному осеменению кобылиц, один в г. Вятке и три пункта по уездам. В Вятке имеется общество конного спорта, насчитывающее до 200 членов; членские взносы в обществе три рубля в год. Общество проводит конские испытания на ипподроме, проводит культурно-воспитательную работу среди школьников.

*) Правительством Бурятии за последние годы обращено серьезное внимание на поднятие сельского хозяйства. Намечено в этих целях ряд мероприятий, как-то: расширение работ по землеустройству, агрообслуживанию, механизации, метизации овец, поднят вопрос об оседлости кочевого населения и пр.

Для ознакомления с аналогичными мероприятиями в других республиках и округах в 1928 г. были командированы специалисты Наркомзема. Предлагаемые вниманию читателя „заметки“ и являются сообщением одного из участников поездки в Калмыкию, Н-Волжский край, Казакстан. (Редакция).

членов путем устройства лекций, выписки литературы, принимает участие в организации выставок по животноводству.

Ипподром $\frac{3}{4}$ версты. В беговых испытаниях принимают участие лошади госконюшни, учреждений и организаций, частных лиц горожан и крестьянские. В рядовые беговые дни обществом выдаются призы выигравшим лошадям в размере 10—15 руб. В настоящее время наибольшая резвость развита на 1600 метров—2 м 28 сек., на Московском ипподроме эти лошади указанную дистанцию идут в 2 м. 17 сек. Один двухлеток на 1067 метров выявил резвость в 1 м. 46 с.

Само общество конного спорта кроме своих доходов и доходов от ипподрома получает дотацию из местного бюджета.

В Вятке же 6-го сентября был в с.-х. техникуме. В дореволюционное время это учебное заведение называлось средним с.-х. техническим училищем. В революционные годы оно неоднократно реорганизовывалось и меняло свое название.

Вятское с.-х. учебное заведение имеет свою историю. Еще Вятское крестьянское земство, стоявшее по своей культурно-просветительной деятельности чуть-ли не на первом месте среди других земств, в отдаленном прошлом задалось мыслью создать такое специальное промышленное учебное заведение, которое могло бы удовлетворять нуждам и требованиям трехмиллионного населения Вятского края с земледельческим занятием и заводско-кустарными промыслами. Первая попытка в этом направлении была сделана в 1872 году, когда губернское земство на свои средства открыло училище в целях распространения сельско-хозяйственных и технических знаний среди населения и подготовки учителей для сельских школ. Это учебное заведение просуществовало только 9 лет и было закрыто царским правительством за явно революционное направление. За такой короткий промежуток времени действительно училище сумело дать выдающихся общественных деятелей, среди которых первое место занимает Степан Халтурин.

Спустя лишь 20 лет, земству после многих мытарств и хлопот, удалось в 1901 г. снова открыть среднее сельско-хозяйственное техническое училище. Это было в России вторым по счету профессиональным учебным заведением специального сельско-хозяйственного промышленного значения. Училище в полной мере было обеспечено учебными кабинетами, учебной формой и учебно-показательным полем. На первоначальную организацию и оборудование училища было затрачено около 300 тыс. рублей. В училище был четырехлетний курс обучения и кроме того существовал подготовительный класс, в который принимались окончившие бывшие городские 4-х классные, впоследствии высшие начальные училища.

В 1919 году с.-х. техническое училище было реформировано в Вятский областной Народно-Хозяйственный Техникум в составе четырех отделений: 1) сельско-хозяйственного, 2) ветеринарно-зоотехнического, 3) лесного, 4) кустарно-технического. Для вступающих в общеобразовательные группы курс техникума был установлен в 5 лет, при трехлетнем специальном курсе.

Осенью 1921 года техникум переобразовывается в высшее учебное заведение—Областной Народно-Хозяйственный Практический Институт с 3-х годичным курсом обучения, при приеме слушателей из девятилетки.

С 1923 года Народно-Хозяйственный Институт преобразовывается в с.-х. Техникум повышенного типа имени А. Н. Рыкова с 4-х летним курсом обучения. Ветеринарно-зоотехническое отделение выделилось в самостоятельный ветеринарный техникум.

Весь учебный план техникума разбивается на 4 курса, каждый курс на 4 триместра. Предметы преподавания делятся на группы: 1) лекционно-семинарские занятия и 2) групповые практические занятия в учебно-воспитательных учреждениях, экскурсионные, дежурства и т. п.

Техникум, как профессиональное учебное заведение, запросам населения вполне удовлетворяет.

ВОЛОГДА. 9-го сентября осмотрен Вологодский молочный институт. Мысль, об организации молочно-хозяйственного института выдвигалась жизнью уже сорок лет тому назад, но в плотную к этому вопросу подошли в 1909—1910 г. г. Инициатором и активным участником, во всех подготовительных работах, по созданию института был проф.

А. А. Калантар. После долгих обсуждений вопроса о типе и работе института, районе его расположения, было решено, что институт должен вести научную разработку проблем молочного хозяйства и молочного скотоводства, а также готовить работников этих отраслей хозяйства. Институт должен был включать целый ряд установлений, взаимно связанных между собою, а именно: 1) научно-опытную станцию молочно-хозяйственную и зоотехническую; 2) учебную—высшие молочно-хозяйственные курсы; 3) учебно-практическое хозяйство со скотоводческой фермой; 4) низшую школу молочного хозяйства и 5) кратковременные курсы. Местом института был избран район г. Вологды. Здесь имелись условия, отвечающие требованиям института: 1) в районе было достаточно развито молочное хозяйство; 2) наличие скотоводческого имения; 3) имелась возможность скупать молоко у населения для учебных целей и другие. В 1912 году приступлено к организации института. Первоначальные расходы на организацию института были исчислены в сумме 444996 р. В начале же строительства выяснилось, что указанных ассигнований недостаточно, позднее бывш. министерством земледелия кредиты были увеличены примерно до 1.000.000 рублей. Разгар строительства совпал с началом мировой войны 1914 года, часть кредитов была закрыта и институт оказался в тяжелом положении. Лишь в 1916 году учреждения института из гор. Вологды были переведены на территорию института. В 1917 году состоялось открытие первых курсов подготовки инструкторов молочного хозяйства, с этих пор работа института не прерывается. С 1919 г. институт работает, как высшее учебное и научно-опытное учреждение. Курс обучения студентов в институте был доведен до 1 г. 5 месяцев, а в 1925 году, вследствие повысившихся требований к оканчивающим ВУЗ'ы, срок пребывания в институте доведен до 2-х лет, и в число слушателей принимаются лица с высшим сельскохозяйственным и ветеринарным образованием. В 1922 году было произведено выделение от института маслодельно-сыроваренного завода в самостоятельное предприятие, и перед ним поставлена задача переработки молока окружающего населения. Ввиду того, что я попал в институт перед началом курсовых занятий, мне осмотреть в институте учебные кабинеты не удалось и пришлось ограничиться ознакомлением с маслодельно-сыроваренным заводом.

Загод всеми учебно-научными и хозяйственными отделениями обеспечен. В настоящее время заводом перерабатывается молоко в сыр не один миллион килограммов в год, с охватом района до 15 км. в радиусе. В 1924 г. было переработано молока 78066 кил., а в 1927 году уже 3807556 кил. В 1926 году завод получил полное оборудование, которое дало возможность перерабатывать в сыр 15-20 тыс. килогр. молока в день. Теперь завод имеет паровое хозяйство и ведет переработку молока: в масло, сыр, сметану, творог, в сухое и сгущенное молоко. Основными продуктами производства завода являются: сыр голландский и кисло-молочные продукты—сметана, творог, масло парижское сладкое и сгущенное молоко; в меньших размерах вырабатываются: сыр бакштейн, масло подсырное и топленое. С учебно-опытными целями производятся сорта масла: кисло-сливочное, соленое (экспортное), парижское соленое и сладкое-сливочное; также вырабатываются: казеин, сыр пачоха, чеддер, грюйер, мелкие французские и немецкие сырки, сухое молоко и др. продукты.

От населения молоко предварительно собирается на молокосборных пунктах и отправляется на завод. Молоко принимается заводом по содержанию жира, процент последнего не должен быть ниже 3,5.

Также строго испытывается кислотность, по содержанию которой молоко разбивается на классы (сорта): до 21% будет 1 класс, до 23%—2, до 25%—3 класс; с большой кислотностью молоко заводом не принимается. Все сданное молоко товариществами, артелями и обществами перечисляется в 4-х процентное по содержанию жира и пуд такого молока оплачивается в рубль с копейками. Максимальная сдача молока—февраль март и доходит до 600 тыс. килограммов в месяц.

Обороты завода в 1926-27 году выразились в 402656 р. При заводе проводят глубокую и всестороннюю практику студенты. Кроме того, завод обслуживает в учебном отношении также вновь открытую при институте низшую молочную школу с 2-х годичным курсом обучения.

Учебное хозяйство института имеет два стада рогатого скота: Агафоновское в количестве 44 голов, из них доек: 17 штук ярославок, 7 домшарок, 6 метисов; второе стадо Фоминское в составе 31 дойки, более старшего возраста по сравнению с первым стадом, в породном отношении делится: 3 шт. ярославок, 6 домшарок, 2 холмогорки, 5 ангельских, 7 местных и 8 метисов.

В 1926-27 году по Фоминскому стаду средний удой 3199 килограмм, по Агафоновскому 2444 кил., с максимальным удоем по Фоминскому стаду 5864 килограмма, Агафоновскому 4062 кил.

Телята продаются населению в 5-6 дневном возрасте от 10 до 16 рублей за штуку. Нетель в себестоимости определяется до 200 рублей. Благодаря влиянию института и маслодельно-сыроваренного завода, окружающее крестьянское население в рацион скота вводит сильные и сочные кормы, годовые удои крестьянских коров в 1926-27 году по животноводческим товариществам доходили до 2597 кил.

При учебном хозяйстве имеется рассадник английских белых крупных свиней.

В учебно-показательном хозяйстве урожай культур с гектара: озимой ржи—22 цент., а рожь сорт «Вятка»—32 центнера овса 22 центнера, ячменя 16-17 цент., кормовых трав 30 цент. с колебаниями от 22 до 40 центнеров.

Молочно-хозяйственный институт в своем составе имеет следующий комплект установок: 1) бактериологическая опытная станция, 2) биохимическая опытная станция, 3) машино-испытательная опытная станция, 4) опытная станция техники переработки молока, 5) зоотехническая опытная станция, 6) опытная станция кормодобывания, 7) учебный маслодельно-сыроваренный завод, 8) учебное хозяйство.

Институт ежегодно выпускает несколько десятков работников высшей квалификации.

Помимо своей учебно-опытной и производственной работы институт проводит в широком масштабе общественно-агрономическую работу среди окружающего населения, а также во многом помогает местным земледельческим органам и разрешает ряд научных и практических вопросов в молочном хозяйстве.

В 1928 году Бурят-Монгольской Республикой в Вологодский молочно-хозяйственный институт откомандированы два ветеринарных врача в число слушателей.

МОСКВА. 13 сентября осмотрено хозяйство Тимирязевской с.-х. Академии «Буторский хутор». Хозяйство вплотную прилегает к городу, занимает площадь в 300 десятин и носит опытно-учебный характер. Ведутся две основные отрасли—животноводство молочного направления и полеводство. В севооборотах правильный плодосмен. При наличии обильного навозного удобрения, правильности техники обработки почвы и плодосмена отмечаются высокие урожаи культур; за истекший год наблюдался редкий урожай озимой пшеницы Саратовской опытной станции в 278 пудов с десятины. Стадо молочной фермы хутора до 100 дойных коров и состоит из ярославской, холмогорской пород и некоторых отродий великорусского скота. Стадо высокой молочной продуктивности, отдельные экземпляры ярославской и холмогорской пород дают до 500 ведер молока в год, при содержании жира 4 и выше процентов. Имеется бык производитель ярославской породы одиннадцати лет, при присущей ему высокой препотенции, несмотря на такой возраст, вполне справляется с племенной работой и дает потомство с высокими качествами. В стаде фермы проводится зоотехническая работа с русскими породами в чистом виде и по скрещиванию русских пород с английской. Последняя работа по метизации начата и результаты ее еще не выяснены. Молоко сбывается в цельном виде в лечебные заведения Наркомздрава Москвы по 34 копейки литр; телята продаются окружающему населению и в недельном возрасте расцениваются до 15 рублей за штуку.

Хозяйство в полной мере обеспечено постройками, инвентарем. Особенно обращают внимание подвал и сенохранилище. Подвал имеет электрическую вентиляцию, сверху сушилки, на которых клубне-корнеплоды предварительно просушиваются и потом через люки сверху ссыпаются в хранилищные закрома.

Сенохранилище двухэтажное, продолговатое в виде навеса, на столбах, внизу открытое без боковых стенок. В обоих этажах корридоры с полами, расположенные один под другим. От нижнего корридора по обе стороны рядами расположены закрома из платформы с решетчатыми стенками. Две решетчатые стенки—одна к корридору, другая

наружу, могут открываться. Под каждой платформой имеются ролики на рельсах, в случае нужды, отдельные закрома, на подобие вагонной платформы, могут несколько выкатываться наружу. К верху закрома открытые. Сено по настилу возится возами на лошадях во второй этаж и сваливается на ту или другую сторону корридора в закрома нижнего этажа. Сенохранилище весьма удобно для разделения кормов по сортам, а при желании, свободно может быть соединено с молотильным сараем и скотными дворами рельсовыми путями. Хороший скотский двор с датскими кормушками и водопроводом. Кормление крупного рогатого скота ведется по Кельнеру, результаты этого кормления эффективнее против датских норм.

Хозяйство при затратах на опытные цели и практику студентов дает до 15 т. р. чистого дохода за год, за счет которого содержится несколько стипендиатов в Тимирязевской с.-х. академии.

16-го сентября осматривались два хозяйства Московского зоотехнического института хозяйство «Вешки» крупного рогатого скота и культурных свиней и хозяйство «Марка» овцеводческое.

Хозяйство «Вешки» имеет до 100 дойных коров ярославской, холмогорской, приокской пород и других отродий великорусского скота. Ведется зоотехническая работа по улучшению русских пород и отродий скота по методу в «себе». Стадо обслуживается двумя заводчиками один ярославский красный и другой приокский, в пятилетнем возрасте по 50 пудов живого веса.

При кормлении по комбинированным нормам (сочетание кельнеровских и датских) средняя молочная продуктивность по всему стаду 273 ведра за год, отдельные коровы дают по 400 с лишним ведер, при четырех процентах жира. Телята в недельном возрасте продаются по 15 рублей за голову окружающему населению.

Кроме того при хозяйстве имеется племенной свиноводческий—30 маток и 4 хряка, крупной иоркширской породы. Живой вес, заводского хряка 21-22 пуда, а заводской матки в среднем 16 пудов. Поросята в возрасте 8-ми недель расцениваются в 100 руб. гнездо. Ведется работа по витаминной теории: поросята выращиваются группами на цельном молоке и на снятом, с прибавлением овса. Поросята, выращиваемые на цельном молоке, имеют великолепный вид, группы-же, воспитывающиеся на снятом молоке и овсе, много отстают в развитии от первых.

Хозяйство „Вешки“ дает чистого дохода 5—6 тысяч рублей в год.

Хозяйство „Марка“ занято исключительно изучением проблем овцеводства. В момент осмотра в хозяйстве было до 150 овец пород: меринсовой рамбулье и мазаевской, английских мясных—пропширов, пропширов, линкольнских, лейстерских; русских—романовских, волошских, решетилловских, малич, северных короткохвостых. В условиях Московской губернии меринсы не дают достаточно положительных результатов, сельское население Московской губернии не симпатизирует меринсам. Английские мясные породы, за исключением лейстерской, дают положительные результаты как при разведении в чистом виде, так и при метизации с русскими породами. При скрещивании линкольнов с романовской овдой пока не получалось хороших результатов. Хозяйство датируется в сумме 12 тысяч рублей.

Оба указанные хозяйства, помимо возложенного на них разрешения, научных зоотехнических вопросов, являются опытно-учебными хозяйствами для студентов Московского зоотехнического института.

САРАТОВ. Дальше было намечено поехать в Калмыцкую автономную область по маршруту через Саратов—Астрахань. Проездом была сделана остановка в Саратове, главном городе Нижне Волжского края, в состав которого входит и Калмыцкая Автономная область. 19 сентября осмотрена Саратовская опытная с.-х. станция. Территориально станция вплотную примыкает к гор. Саратову.

Саратовская опытная станция является одной из старых станций, работы которой имеют огромное значение в разрешении многих вопросов сельского хозяйства. Находясь в засушливой области, ею выведены засухоустойчивые сорта хлебных злаков. Некоторые из яровых пшениц и овса в 1925-26 году были заброшены на территорию

Бурят-Монгольской республики и в условиях климата последней дали хорошие результаты. Станцией выявляются способы и время обработки почвы в условиях засушливости климата Саратовского округа, разрешаются другие проблемы сухого земледелия и кормовых культур, прорабатываются вопросы животноводства. При станции две основных отрасли — полеводство и животноводство, при чем животноводство выделено в самостоятельное хозяйство, расположенное от главной станционной усадьбы в расстоянии версты. В полеводстве имеются отделы: селекции, метеорологии, прикладной ботаники, садоводства и огородничества, энтомологии. Станция оборудована кабинетами и лабораториями, разными мастерскими по ремонту с.-х. инвентаря, электрофицирована, обеспечена средствами производства. Несмотря на все это, все же чувствуется недостаток в помещениях.

По отделу полеводства перед станцией поставлено к разрешению масса конкретных тем. В области обработки почв:

1) выявление наиболее лучшего времени вспашки паров под озимые культуры в связи с удобрением, 2) занятые пары, 3) время вспашки под яровую пшеницу, 4) система обработки под яровые культуры, 5) глубина вспашки паров под яровые и другие культуры.

Под озимые культуры (пшеница, рожь) черные пары обрабатываются в сентябре предыдущего года, ранние в конце апреля, средние в конце мая лета посева культур. Навозное удобрение вносится в количестве 25 тонн на гектар и заделывается на глубину 15 сант. Посевы озимых ранние производятся около 15 августа, средние около 25 августа и поздние 5—10 сентября.

Обработка почвы под яровые начинается лущением после уборки предшествующих культур или иногда вспашкой на 15 сентября, повторная вспашка производится в августе-сентябре; к осенним обработкам приплюсовывается весенняя предпосевная вспашка на разную глубину.

Отделом почвоведения и агрохимии разрешаются проблемы: по изучению химического состава растений в зависимости от характера почв и культурного состояния их от обработки: потребление разными растениями воды и растворимых питательных веществ из почвы в разные фазы роста; изучение процессов созревания семян разных культурных растений и отложения в них полезных пластических веществ; изучение качества урожая культурных растений, накопления различных органических и зольных веществ в растении и различных частях его в разные фазы развития в целях наиболее выгодного использования урожая; изучение почвы, как среды для произрастания культурных растений, ее жизнь в различных условиях, которые создаются при культуре разных растений, их чередовании и разной обработке; изучение производительности почв в настоящих условиях их культуры и выявление их потенциальной возможности; изучение валежи, как средства восстановления плодородия почвы, в засушливой области

По селекции ведется работа: ботанико-агрономическое изучение гибридов твердой и мягкой пшеницы, ржано-пшеничных гибридов, сорго-изучение пшеницы, проса, кукурузы, подсолнечника, фасоли, гороха, суданской травы и некоторых других растений; установление основных приемов отбора, выведение сортов растений соответствующих местным условиям; установление степени устойчивости сортов растений в местных условиях.

Проводится практическая селекция: яровой пшеницы твердой и мягкой по засухоустойчивости, скороспелости, урожайности, качеству зерна (мукомолочные и хлебопекарные); озимой пшеницы — зимостойкость, засухоустойчивость, урожайность и качество зерна; также ведутся работы с культурами: просо, кукуруза, бобовые, подсолнечник, сорго, суданская трава. Проводится сортоиспытание яровой и озимой пшениц, подсолнечника, люцерны, житняка и друг. В крестьянских хозяйствах испытываются: озимая и яровая пшеницы, просо, подсолнечник, кукуруза.

Станцией выпускается элитный материал первой репродукции, хлебных злаков и кормовых трав. Общая цель у станции подчинить элементы засухи и создать устойчивые формы хозяйства в условиях засушливой области.

По животноводству станцией ведутся работы с крупным рогатым скотом и овцами.

Из общих вопросов прорабатываются следующие: изучение химического состава местных кормов, влияние подготовки кормов на их переваримость, силосование, выпас скота на естественных и искусственных пастбищах и др.

По отдельным видам животноводства проводятся следующие работы: крупное рогатое стадо местное, закупленное у населения, мясо-молочного направления улучшается по методу в „себе“ выявляются хозяйственно-полезные качества в скоте и способность к передаче их по наследству. Овцы разных пород волошской, каракульской, романовской, киргизской курдючной, линкольнской и др, английских мясных, меринсовой типа рамбулье и последнего германского—прекос, разводятся в чистом виде и скрещиваются в разных комбинациях. Проводится весьма интересный опыт по привитию многоплодности каракульским овцам путем однократного вводного скрещивания их с романовской овцой.

По Саратовскому округу при общих улучшениях условий кормления, содержания и ухода, отдельные виды местного животноводства улучшаются скрещиванием с культурными породами: крупный рогатый скот с семментальской и красно-немецкой; овцы—с меринсами типа рамбулье и с прекосами; лошади—с орловским рысаком и брабансонами; свиньи с английской норкширской породой.

При краевом земельном управлении имеется отдел по укреплению передвижных лесков, которым путем шелюговых посадок и посева пестаного овса завоеваны огромные площади, в настоящее время в значительной части уже утилизируемые под пастбища.

(Окончание в следующем номере).

Задачи динамической переписи.

I.

Основные положения обследования гнезд *) динамики 1929 года.

Предстоящая гнездовая динамическая перепись крестьянских хозяйств 1929 года ставит своей задачей изучение методом связанных переписей: а) социально-классовых групп деревни; б) производственной характеристики отдельных классовых групп деревни; в) производственных отношений в деревне; г) процесса обобществления сельского хозяйства, т. е. кооперирование и коллективизация его, связь индивидуальных хозяйств с обобществленным сектором; д) государственных мероприятий и вложений в сельское хозяйство, их учета и изучение эффективности их для отдельных классовых групп деревни.

Большинство из этих задач, несмотря на сравнительно многолетний опыт проведения динамических переписей в других губерниях и областях, поставлены впервые лишь в 1927 году, и также повторяются в текущем году. Само собою разумеется, что в местностях, где гнезда динамической переписи являются объектом наблюдения в течение ряда лет, указанные задачи, как обязательное правило, должны быть изучены в динамическом разрезе.

Что касается Бурреспублики, впервые вступающей на путь изучения динамики классовой структуры и производственных отношений среди отдельных групп деревни и улуса, то здесь предстоящая динамическая перепись выявит лишь статику изучаемых элементов.

Но поскольку в орбиту гнездовой переписи 1929 года входят новые задачи, а некоторые из ранее поставленных требуют более углубленного изучения, статистические программы текущего исследования значительно разворачиваются, в связи с общим курсом на повышение продукции государственной статистики.

Инструментарием предстоящего обследования, помимо связующего списка, является похозяйственная карточка и бланк для описания земельных обществ.

Выработанный ЦСУ СССР проект похозяйственной карточки сконструирован в виде тетради, каковая, помимо основных разделов, предназначенных для регистрации населения, построек, скота, сел.-хоз. инвентаря, землепользования, сдачи и аренды земли, наемных отношений по средствам производства и рабочей силы, денежного приходо-расходного бюджета и т. п.,—содержит ряд специальных разделов, как например: о машинноснабжении, о технике полеводства и животноводства, сельхозналоге и контракции.

Раздел о денежном приходе между прочим преследует задачу подведения более прочной базы под субъективное показание опрашиваемого о главном источнике средств существования и денежном доходе.

Современная сеть гнезд динамики подвергается обследованию раз в два года. Динамические обследования являются системой работ, обслуживающих не только чисто местные интересы, но и интересы центра.

В целях тщательного изучения зерновой проблемы в социально экономическом разрезе, в похозяйственную карточку также включается раздел о валовой продукции зерновых культур и технического сырья из урожая 1928 года и товарности этих культур.

*) Под гнездом подразумевается группа сложных населенных пунктов, являющихся типичными для данного района.

Система разработки материалов гнездовой переписи 1929 года, ставящая во главу угла изучение динамики классовой структуры деревни и улуса, производственных отношений и т. д., отправляется в основном от разработки 1927 года, принятой для остальных территорий Союза ССР, где наряду с первичной разработкой материалов по гнездам и последующей сводкой их по однородным в производственном отношении группам гнезд, выводятся результаты по классовым группам.

Особенностью проекта разработки материалов переписи 1929 года является то, что по всем разработочным лентам намечается получение итогов отдельно для хозяйств, вовлеченных в коллективный сектор сельского хозяйства и отдельно для чисто индивидуальных хозяйств. Это обстоятельство в условиях Буреспублики, вступающей на путь бурного роста коллективных объединений, приобретает весьма важное значение.

Вопрос о выделении в отдельную группу хозяйств вообще состоящих в сель-хоз. кооперации или только вовлеченных в производственные сель.-хоз. коллективы, центром еще не решен.

Однако разрешение этого вопроса чрезвычайно важно, ибо оно вызывается значительным ростом кооперированности деревни и улуса, развитием коллективных форм самого производственного процесса за последнее время и еще более благоприятными перспективами ближайших лет.

Для предупреждения ошибок, неизбежных при любом подходе к анализу мелких крестьянских хозяйств, находящихся в переходной стадии к высшим формам коллективизации, стоящим на грани перехода к крупному обобществленному производству, такое решение вопроса, как выделение хозяйств, с одной стороны, состоящих в с.-х. кооперации вообще, а с другой—только вовлеченных в производственные с.-х. коллективы, является наиболее правильным.

Проектом разработки материалов гнездовой динамической переписи предусматривается получение результатов по следующим главнейшим вопросам:

а) статистика современных классовых групп деревни и улуса, которые при последующих переписях в гнездах Буреспублики подвергнутся более детальному изучению их устойчивости и эволюции крестьянских хозяйств; б) грамотность и естественное движение населения и занятия вне своего сельского хозяйства; в) землепользование, посев, многолетнее насаждение, аренда и сдача земли; г) основные средства производства, совместное владение и машино-снабжение; д) отношения по средствам производства; е) наем и сдача рабочей силы; ж) техника ведения полеводства, животноводства и сельхозналог; з) контракция, кредитные отношения, денежные приходо-расходные статьи.

Надо заметить, что изучение техники животноводства Бурятии, как скотоводческой единицы, является вопросом первостепенной важности.

Подобное изучение становится тем значительней, чем больше мы встречаемся с отсутствием в этой области других сколько-нибудь надежных источников. Судить же по данным экспедиционных бюджетных обследований с чрезвычайно мизерным количеством обследуемых объектов, весьма рискованно.

Кроме того, разработка ставит своей целью ускорение получения данных о валовой и товарной продукции зерновых и технических культур из урожая 1928 года, кон необходимы для составления хлебофуражного баланса и баланса технического сырья.

II.

Метод строения производственных районов и принципы отбора гнезд.

Эксперименты дальнейших исследований намеченных гнезд динамической переписи в Буреспублике имеют своей задачей охарактеризовать эволюцию индивидуальных крестьянских хозяйств, ознакомиться с социально органическими процессами (разделами, соединениями, вымиранием, выселением, кочевностью и т. п.) непрерывно действующими в советской деревне и заметно влияющими наряду с другими экономическими факторами, на переход хозяйств из групп в группы и, наконец, выяснить степень устойчивости социально-экономических классов и групп, т. е. выявить: куда же растут крайние

группы деревни и улуса в лице кулачества и бедноты и в каком направлении идет удельный вес основной средняцкой массы.

Вот тогда, когда мы ставим перед собой такую сложную проблему, которая в конечном счете должна показать нам истинное лицо бурят-монгольской деревни и улуса, имея при этом ввиду величину изучаемого объекта в 4,5 проц. общего количества хозяйств, отсюда должны быть с сугубой осторожностью сохранены принципы наибольшей типичности не только гнезд отдельных производственных районов республики, но и самой производственной структуры крестьянских хозяйств.

Исходя из перечисленных основных положений, территория гнезд предстоящей динамической переписи в районе Буреспублики построена по признаку четырех производственных районов: а) скотоводческий, б) скотоводческо-земледельческий, в) земледельческо-скотоводческий и г) земледельческо-промысловый.

В каждом районе подобрана компактная группа населенных пунктов, кои расположены в непосредственной смежности между собою и образуя из себя такую типичную единицу, которая репрезентировала бы целый производственный район. Причем самый размер гнезда устанавливался пропорционально численности хозяйств того или иного производственного района, (4,5 проц. общего количества хозяйств).

Необходимость разбивки Буреспублики на четыре отдельных производственных района продиктована той резкой разницей, какая в силу особых естественных природных условий сказалась на определении структуры крестьянского хозяйства.

В виду того, что формирование районов производилось путем группировки территорий прежних хошунов и волостей, поскольку сам по себе географический облик этих районов вопреки непосредственной смежности отдельных административных единиц не мог уже представлять из себя сплошной территории. Сила сходства волостей и хошунов, группируемых в той или иной район, строилась на основе формальных признаков сельско-хозяйственного производства. Однако, грань различия структуры крестьянского хозяйства отдельных единиц, иногда становилась не совсем прочной, что чаще всего можно было встретить при определении, с одной стороны, скотоводческо-земледельческого типа и с другой, — земледельческо-скотоводческого. В таком случае дилемма разрешалась в зависимости от перевеса по своей относительной величине доходности, определяемой Наркомфином в денежном выражении, по отдельным отраслям сельского хозяйства.

В соответствии с указанными признаками, строение производственной структуры намеченных районов принимает следующий вид:

РАЙОНЫ	На 100 хозяйств приходится:											Удельный вес произв. районов
	Посева десятин	Лошадей всех возрастов	Крупного рогатого скота	Овец и коз	Свиней	Сумма долх в проц за 27-28 г. по дан НКФ					Всего	
						От полевых ства	От луговых ства	От скотовод ства	От не-земл. зараб.	Всего		
Скотоводческий . . .	35,5	492	1747	1892	14	3,8	15,0	73,4	4,8	100	15,0	
Скотов. землед. . .	135,4	258	1121	822	14	26,2	15,6	51,0	7,2	100	38,0	
Землед.-скотов. . .	379,1	265	537	328	106	59,5	5,5	23,3	11,7	100	39,0	
Землед.-промыс. . .	223	228	524	198	80	33,6	3,6	18,8	44,0	100	8,0	
По Республике . . .	220,2	289	928	727	54	38,4	9,9	39,4	12,3	100	100	

Особое внимание должно быть обращено на формирование обследовательских экспедиций, каковые необходимо обеспечить не только хорошо подготовленными руководителями, но и кадром квалифицированных регистраторов, уясняющих себе цели и задачи динамического обследования, сущность выясняемых ими социальных отношений.

Наконец, необходима широкая популяризация идей данного обследования среди той массы населения, которая явится его объектом в течение целого ряда лет. От правильности показания опрашиваемого населения зависит прочность того фундамента, на основе которого будут строиться выводы о классовом расслоении нашей деревни и улуса.

К проблеме латинизации монгольской письменности*).

I. Единство и общность в области языковой культуры многочисленных монгольских племен сохранялись неизбежными до тех пор, пока однородность хозяйственно-экономических форм господствовала повсюду в более или менее чистом виде, когда влияние двух великих культур—запада и востока проявлялось не так резко и рельефно. В этом отношении существующий веками монгольский письменный язык не чувствовал на себе своих недостатков графического свойства, столь резко выявившихся за последнее время. Но по мере того, как некоторые племена—буряты и калмыки, первые среди прочих монгольских племен столкнулись с европейской наукой и техникой, начали уже подумывать о том, что существующая графика монгольского письма не может удовлетворять требованиям все усложняющейся жизни. Возьмем для примера нашу Бурятию, которая занимает одно из первых мест в среде монгольских племен в смысле приобщения к западно-европейской науке и технике. В этом отношении является наиболее характерным и симптоматичным—алфавитный вопрос, как верный показатель идейного отражения европейской культуры и цивилизации.

Вопрос о реформе монгольского алфавита имеет, можно сказать, большую и длинную историю у нас, в Бурятии. Рассмотрением этого вопроса и займемся в данной статье в его историческом разрезе и попытаемся осветить сущность проблемы о реформе алфавита в смысле его латинизации.

Если говорить о начале зарождения идеи о реформе монгольского письма, то необходимо указать, что впервые вопрос этот ставился в 1902 году, когда т. т. Барадин Б., Доржиев Агван, Жамцаранов Ц. и Рабданов Б. открыли товарищескую дискуссию по реформе монгольского письма. Впоследствии к ним примкнули т. т. Богданов М. Н., Вампилун Б. и Ринчино Д. Реформаторы в процессе своей работы разбились на две группы, разошедшихся в своей принципиальной установке. Одна часть во главе Жамцарано стояла за сохранение существующего монгольского типа письма, но подвергнуть его коренной реформе путем введения новых буквенных знаков или частичного изменения существующих букв. Другая же группа, во главе с т. Барадиным Б., принципиально порывала всякую графическую связь с монгольским алфавитом и вводила взамен его латинский алфавит применительно к существующим живым наречиям монголов. Как та, так и другая группа предложили свои проекты и даже издали соответствующие буквари и книжки для чтения. Реформированный монгольский алфавит, впоследствии получил наименование Агвановского алфита по имени одного из активных участников первой группы. По своей графике этот алфавит имел массу технических недостатков и неудобств в письме в виду чрезмерной вычурности отдельных букв и добавления диакритических знаков. Авторами этого типа алфавита был сделан специальный заказ на отливку шрифтов и в 1910-х годах изданы букварь и книжка для чтения; оба под редакцией Алмас Нарнай (Ринчино Д.) и Амагаева Н. Кроме того, были выпущены также брошюры с образцами произведений народной словесности бурят литографским способом. Новый (Агвановский) алфавит нашел на первых порах много сторонников исключительно среди интеллигенции (учащейся молодежи и учителя) Западной Бурятии, в то время, как в восточной части Бурятии он остался почти неизвестным. Успехи нового алфавита в основном были весьма незначительны. Период поверхностного увлечения

*) В порядке постановки вопроса.

быстро прошел вместе с ним и был фактически похоронен и самый алфавит. Что же касается латинского типа алфавита, то автором его т. Барадиным при материальной поддержке его сторонника ныне покойного Богданова М. Н. также была издана соответствующая брошюра с материалом для чтения и в то же самое время. Латинский алфавит, сравнительно с Агвановским, имел большие графические и технические преимущества и тем не менее он также не получил своего распространения ни среди западной и ни среди восточной Бурятии.

Таким образом, несмотря на то, что новый монгольский алфавит того или иного типа в условиях до-революционной Бурятии не получил права гражданского существования и был бесславно похоронен, все же идея о реформе монгольского алфавита в виде латинизации суждено было вновь всплыть на арену общественности уже советской Бурятии. И, повидимому, уже недалеко то время, когда латинизация монгольской письменности станет совершившимся фактом, ибо культурно историческое развитие бурят-монгольской народности в связи с образованием национальной республики под эгидой СССР получило неограниченные возможности и широкие перспективы в области национально-культурного строительства вообще и повышения квалификации бурят монгольского языка в форме латинизации его—в частности.

II. Возникает, вопрос,—чем же вызывается необходимость реформы существующего алфавита, какие конкретные условия должны быть учтены прежде, чем проводить эту реформу в жизнь и что по существу означает латинизация монгольской письменности? Вот, в основном, те вопросы, которые должны быть предварительно проработаны и на которые необходимо дать соответствующие ответы.

Монгольское письмо, получившее свое литературное оформление еще в 13-14 веках и не подвергнувшееся впоследствии каким-либо крупным изменениям, естественно сохранило в себе массу старинных, архаических форм в области фонетики, графики, морфологии, синтаксиса и литературного стиля. Все эти архаизмы особенно резко сказываются в отношении графики, включая правописание и морфологии и сильно затрудняют наиболее легкое понимание и усвоение литературного стиля и грамотного письма. В этом отношении весьма показательным и характерным является тот факт, что несмотря на многовековую историю своего существования, монгольское письмо до сего времени не выработало единой системы правописания, каковой можно сказать не существует. Сама природа графики монгольского письма такова, что создание единообразной и строго выдержанной системы правописания совершенно исключается, ибо графика одного и того же слова допускает несколько видов разночтений. На этом же основании, попутно заметим, совершенно невозможно более или менее точная передача слов не-монгольского корня, не-монгольского языка, где не существует так называемого закона гармонии гласных. Этот закон, кстати сказать, уже начинает нарушаться в живых наречиях монгольских племен. А между тем, как известно, графика существующего монгольского письма как раз составлена применительно к системе гармонии гласных. Здесь не нужно упускать из виду того обстоятельства, что мы, буряты, вступили на такую стадию своего культурного развития, что проходить мимо европейской науки и техники совершенно не можем, если не хотим только вариться в собственном соку, в соку отживающего свой век сингармонизма гласных. Это особенно нужно иметь в виду всем нашим «принципиальным» противникам реформы монгольского письма—вообще и латинизации его—в особенности. Этот графический недостаток принципиального порядка усугубляется сложной и при том весьма невыдержанной системой правописания гласных (кратких и долгих) и согласных букв. С этой точки зрения органический недостаток монгольского письма заключается в том, что количество буквенных знаков (гласных и согласных) гораздо меньше, сравнительно со звуками живых наречий. Вследствие этого один и тот же звук изображается зачастую сочетанием нескольких буквенных знаков. Отсюда происходит совершенно излишнее и искусственное наращение или удлинение отдельных слов и следовательно всего письма. Это затрудняет правильное чтение и быстрое усвоение орфографии. Это в области фонетики. Еще хуже обстоит дело в области морфологии и синтаксиса. Как известно, падежные окончания, признаки множественного числа, притяжательные формы и так называемые частицы, в живой речи, составляющие единое целое с тем словом,

к которому они относятся, в системе монгольского правописания пишутся отдельно, слитное же письмо этих частиц в силу графических особенностей самого алфавита становится невозможным. В области синтаксиса имеем также массу архаических форм, затрудняющих легкое понимание конструкции отдельных предложений. Синтаксис монгольского письма поэтому должен быть приближен к конструктивным формам живой речи путем упразднения излишних наращений и пр. Все это подтверждает то бесспорное положение, что расхождение между живыми наречиями, с одной стороны, и монгольским письменным языком, с другой, дошло до крайнего предела и до такого тупика, из которого возможен выход лишь путем коренной реорганизации существующей графики монгольской письменности.

Как известно, реформа эта мыслится в форме принятия новой графики, базирующейся в основном на существующий латинский алфавит. Оставляя в стороне подробный анализ самоочевидных достоинств и технических преимуществ будущей системы горизонтального типа письма вместо существующего вертикального, перейдем к рассмотрению тех требований, которые должны быть предъявлены новому алфавиту со стороны фонетики, с точки лишь монгольской диалектологии. Новый алфавит, само собою разумеется, должен быть наиболее простым по своей графике и включать в себе все буквенные знаки, соответственно количеству звуков, встречающихся в живых наречиях. Кроме того, этот алфавит должен также предусмотреть и те звуки, которые придется принять при транскрипировании научно-технических терминов с европейских языков. Что же касается системы правописания, то она должна быть наиболее простой и выдержанной и по возможности без всяких «исключений» из общего правила. Далее простота графики должна выражаться, между прочим, в том, что отдельные буквы не должны сопровождаться различного рода диакретическими знаками, отрывающими руку во время письма. В этом отношении совершенно неприемлемыми является система так называемых надстрочных знаков и значков, как невыдерживающие никакой критики с точки зрения технического (в письме и печати) воспроизведения. С другой стороны также неприемлемым и неэкономным является система диграфов, или двойных буквенных знаков, употребляющихся для обозначения одного к.-н. звука. Наконец, при оформлении самого алфавита применительно к данному языку необходимо по возможности сохранить установившееся и общепринятое значение того или иного буквенного знака самого латинского алфавита. Но принимая во внимание то обстоятельство, что букв латинского алфавита не достаёт сравнительно с количеством звуков данного языка, придется прибегнуть к системе использования перевернутых букв в пределах того же латинского алфавита, именно тех букв, которые будут наиболее простыми в смысле их технического воспроизведения в письме и скорописи. Если все эти требования будут в основном выполнены более или менее удачно, то такой алфавит может быть с успехом набран любым наборщиком во всякой провинциальной типографии, располагающей латинскими шрифтами. Во всяком случае не придется заказывать специальные буквы или знаки. Учет подобного рода обстоятельств все же является весьма существенным в смысле наиболее быстрого перехода на новый алфавит по линии издательского дела вообще и экономии сил и средств в области типографской техники, в частности. Вот, в целом, те принципиального порядка требования, которым должна удовлетворять графика любого более или менее совершенного алфавита.

Далее необходимо отметить, что вновь принятый алфавит должен будет обслуживать по существу две задачи. Во-первых, новым алфавитом будет фиксироваться и издаваться весь фольклорный материал по монгольской диалектологии. Поэтому данный тип алфавита будет являться чисто фонетическим алфавитом, включающим в себе все звуки монгольских наречий. Его можно было бы назвать академической транскрипцией монгольского языка. Во-вторых, новый алфавит призван играть роль гражданского алфавита. и в этом смысле у него будет гораздо меньше буквенных знаков, так как некоторые звуки, свойственные одному какому-нибудь наречию, не будут фиксироваться на гражданском алфавите, представляющим из себя более упрощенное письмо и с определенной системой правописания в области грамматики и литературного стиля на основе какого-нибудь живого наречия монгольских племен. С этой точки зрения можно и нужно

говорить уже о латинизации монгольской письменности, как таковой, что то же самое — о выработке ново-литературного или унифицированного языка.

III. Отсюда вытекает то бесспорное положение, что основной удар или основная установка проблемы латинизации заключается не столько в принятии новой латинской графики, являющейся лишь исходным пунктом, сколько и главным образом в выработке нового литературного стиля монгольского языка. Проблема эта должна быть рассмотрена с двух точек зрения, со стороны грамматической формы и со стороны лексического содержания. В этом смысле будущий новолитературный язык должен будет удовлетворять двум следующим основным требованиям: во-первых, обладать наиболее легкой и выдержанной системой орфографии, вытекающей из такой же более простой грамматическо-синтаксической конструкции речи и, во-вторых, обладать более современным лексикологическим содержанием литературного языка, базирующимся на основе социально революционного и научно-технического творчества в области языковых фактов живых наречий (главным образом бурят-монгольского и халха-монгольского). Поэтому к вопросу о латинизации монгольской письменности нужно подходить весьма серьезно и, кроме того, необходимо основательно разобраться в этой сложной и ответственной проблеме. Приступая к более детальному разбору вопроса о выработке единого литературного языка мы не можем пройти мимо существующих диалектических различий в самом бурятском языке. Сейчас мы имеем такое положение, что в обиходной и общественной жизни представители западного наречия весьма плохо понимают своих восточных сородичей, и обратно — последние зачастую не понимают первых. Одной из главных причин этого взаимного непонимания по существу является тот факт, что западники не владеют монгольским письменным языком, так или иначе регулирующим стихийное развитие живого наречия грамотного населения, вообще, и учащейся молодежи, в особенности. Этот в высшей степени важный момент, характеризующий печальное состояние языковой культуры бурят-монгольской народности, должен быть учтен и рассмотрен в первую очередь при латинизации монгольской письменности, преследующей, главным образом, цель выработки унифицированного ново-литературного языка наиболее простого по своей структуре (грамматика и стилистика). Само собою ясно, что до тех пор, пока западное наречие не будет активно вовлечено в орбиту и под соответствующую обработку литературного языка, не может быть и речи о реализации национального языка в районах западной Бурятии, где процесс руссификации языка, в особенности у учащейся молодежи, идет весьма усиленным темпом, вследствие чего часто приходится наблюдать факты потери языкового чутья и языкового мышления. Поэтому все те товарищи из западных районов, которые не знают письменного монгольского языка или не владеют восточным наречием, совершенно не в состоянии сделать какого либо делового доклада на чисто бурятском языке, не прибегая к помощи русского языка. Это в конце концов ведет данного работника к отрыву от массы и снижает качество его работы до минимума, как национал-работника. Такое явно ненормальное положение вещей дальше не может быть терпимым, когда темп культурно-национального строительства во всех областях советского строительства все усиливается и сообразно с этим требует хорошо-квалифицированных работников, владеющих не только разговорным языком массы, но и, главным образом, языком литературы или национальной письменности, приспособленной к современным условиям социалистического переустройства обществ и государства. Стало быть необходимо приступить серьезно и основательно к возможно быстрой ликвидации языкового взаимонепонимания в среде так называемых «восточников» и «западников».

Языковое объединение культурного кадра представителей западного и восточного наречий бурятского языка мыслится нами не в смысле взаимного приспособления и изучения, а в смысле приведения диалектологических особенностей к одному общему знаменателю, если так можно выразиться. Таковой общий знаменатель должен быть найден и по линии грамматического строя и по линии литературного стиля языка. Практическое разрешение данной проблемы с указанных двух сторон облегчается благодаря тому положению, что наш бурят-монгольский язык не представляет из себя изолированного и самодовлеющего диалекта в единой семье монгольского языка. Поэтому литературное оформление бурятского языка и его будущее не может проходить мимо общемонгольской

литературной традиции и вне непосредственного влияния соседнего халха-монгольского наречия. Влияние живого языка халха-монголов будет особенно благотворным в смысле упрощения специфических грамматических и при том совершенно «излишних» форм, весьма часто встречающихся в бурятской речи. Между тем все усиливающаяся живая и культурная связь советской Бурятии с Монгольской народной республикой, несомненно будет облагораживающе действовать на грамматический строй бурятского наречия, в смысле его упрощения и освобождения от всякого рода бурятизмов, в особенности, если иметь в виду наш западный диалект. Если, далее, обратимся к живой действительности, то мы встречаем массу примеров и фактов, подтверждающих указанное только что положение. Именно наши западники, попадая в Монголию, весьма удовлетворительно усваивают халхасское наречие, даже чище, чем любой восточник. Не нужно упускать этого весьма интересного момента выпрямления родного, чисто бурятского языка, в смысле усвоения халхасской грамматической конструкции речи. Главная причина данного явления заключается, во-первых, в наибольшей простоте самой грамматики халхасской речи и, во-вторых, в отсутствии у западных товарищей твердо-укоренившейся языковой традиции родной речи, базирующейся на литературном языке. Кстати, необходимо подчеркнуть, что конструкция халхасской грамматики является наиболее близкой к грамматическому строю существующего письменного языка. В связи с этим не безинтересно констатировать также и тот факт, что восточные буряты без особых затруднений могут понимать живую речь халха-монгола, в то время как представитель западного наречия уже будет в весьма затруднительном и почти в безвыходном положении в смысле легкости понимания живой речи халха-монгола.

Все указанные выше явления и факты говорят в пользу того несомненного положения, что принятие в *литературной и деловой речи* бурятского языка грамматических форм халха-монгольского наречия, не только не будет представлять больших затруднений но даже, наоборот, будет содействовать упрощению нашей специфической бурятской грамматики. Простота грамматики халха-монгольского языка будет играть основную роль в создании и выработке живых форм будущего унифицированного ново-литературного языка и явится тем общим знаменателем, к которому будут подведены все разнообразные диалектологические особенности бурятского языка в литературном оформлении его. При таком подходе уже не придется бояться и опасаться того, что латинизация монгольской письменности, якобы может привести к полному отрыву от монгольской литературно-языковой традиции и от общемонгольской языковой культуры. В этом смысле и нужно и должно понимать проблему латинизации монгольской письменности, а не так упрощенно и поверхностно, как это имело место в небольшой дискуссии, развернутой недавно на страницах «Бур.-Монг. Правды», к которой еще вернемся ниже. Данную постановку вопроса о латинизации, конечно, не нужно толковать превратно в том смысле, что, мол, мы собираемся объединить живые *наречия* бурятского языка в одно единое целое. Нет, конечно. Мы говорим, само собою разумеется, о выработке делового или *литературного языка (или стиля)*, который может и должен быть усвоен культурным кадром, работающим по линии советского, профессионального и партийного строительства. Живые наречия, конечно, будут развиваться и употребляться в качестве языка неграмотного населения, имея лишь местное значение. И только. А литературный язык, как известно, является до некоторой степени, языком искусственно-культивируемого и общеобязательного письменного стиля на основе живой грамматики халха-монгольского наречия. Этот будущий ново-литературный язык будет поэтому до поры до времени, языком, главным образом, грамотной части населения, прошедшей соответствующую учебу через нац. школы, ликпункты, хотовные школы и т. д.

IV. Теперь необходимо подойти к рассмотрению следующего вопроса. Какое же место будет занимать существующее литературное наследие и какова будет роль и значение его в области усвоения ново-литературного языка? Поскольку латинизация монгольской графики по существу преследует конкретную и определенную задачу упрощения и упорядочения грамматики в непосредственной связи с литературной стилистикой, постольку не может быть речи о полном отрыве от использования имеющегося богатства существующего письменного языка. Даже наоборот, новое правописание в основном должно будет опре-

деляться существующей схемой, но разумеется в сильно упрощенном виде. То же самое нужно сказать и относительно форм литературной стилистики. И в том, и в другом случае основной и определяющей базой ново-литературного языка будет живое халха-монгольское наречие. Поскольку грамматика этого последнего является наиболее близкой к литературной традиции, постольку усвоение форм ново-литературного, или халхазированного, стиля не будет представлять каких-либо затруднений для тех лиц, которые уже владеют монгольским (письменным) языком. Поэтому мы должны определенно подчеркнуть, что для тех лиц, которые не знают халхасского наречия, ликвидация монгольской неграмотности и явится исходным фундаментом или даже обязательной предпосылкой наиболее быстрого и легкого усвоения системы правописания и литературного стиля будущего унифицированного языка. Это положение должно быть усвоено в первую очередь именно представителями западного наречия бур.-монг. языка. Для данной категории лиц предварительное усвоение хотя бы техники *грамматного*, или халхазированного, чтения монгольского письма будет первым и в то же время обязательным этапом и следовательно практической школой в деле перехода на новый литературный стиль. Далее ликвидация монгольской неграмотности и усвоение начальных основ письменного языка явится необходимой гарантией против употребления всякого рода бурятизмов (специфических особенностей бурятских наречий). Поэтому начатая кампания по ликвидации монгольской неграмотности должна проводиться тем же темпом и перманентно продолжаться до того времени, когда культурный кадр национал-работников будет вполне грамотным по-монгольски и когда можно и должно будет говорить уже о массовом проведении в жизнь латинизации монгольской письменности. А до наступления этого момента одновременно должна вестись подготовительная работа по проведению латинизации. В этот же организационный период должно быть проведено полностью научно-лингвистическое изучение всех вопросов, касающихся системы орфографии и стиля нового литературного языка с целью подготовки и выпуска всякого рода учебно-вспомогательной литературы в достаточном количестве.

На проведение всех этих мероприятий, разумеется, потребуется значительное количество времени, но бояться этого не придется, ибо спешка в этом деле никакой пользы не принесет. Но чтобы эти подготовительные работы носили организованно-плановой и систематический характер, было бы наиболее целесообразным данное дело поручить лингвистическому кабинету Буручкама, а если же это окажется по тем или иным соображениям нецелесообразным, то неизбежно придется создать специальный наиболее работоспособный кружок из сведущих лиц или какую-нибудь другую организацию. Через эту же организацию придется проводить пропаганду идеи о латинизации монгольской письменности путем выпуска специальной учебной литературы и образцов транскрибирования различного рода текстов на ново-литературный язык с существующего письменного языка. Вне такой предварительной и всесторонней подготовки и проработки всех вопросов, относящихся к проблеме латинизации, едва ли может быть и речь о последней. С этой точки зрения является весьма поверхностным и пустым выступление товарищей на страницах газеты «Бур.-Монг. Правда» (см. №№ 38, 71 и 60) в связи с обсуждением вопросов реализации родного (бурятского) языка на основе латинизации. Эти выступления не выдерживают никакой научной и деловой критики в виду их чрезмерно упрощенного подхода или понимания данной весьма сложной проблемы. Как известно авторы некоторых статей, выступивших за латинизацию, не только не знают монгольского литературного языка, но даже и не владеют в достаточной степени бур.-монг. разговорным языком и принимают за критику того, чего сами не знают как следует быть, что, по меньшей мере, является делом весьма рискованным.

Как нами было выяснено выше, вопрос о латинизации представляет из себя дело не столько перемены одной только графики, сколько и, главным образом, проблему в реформе и выработке ново-литературного стиля на базе существующего письменно-языкового наследия, на основе применения грамматической структуры халха-монгольского наречия, наиболее близкого к существующему письменному языку и наиболее простого по своей фонетике, морфологии и синтаксису. Вот эту двустороннюю установку необходимо твердо усвоить всем тем, кто на стороне идеи латинизации монгольской пись-

менности, вне учета этих определяющих и исходных положений нам незачем было бы и огород городить.

В заключение необходимо отметить, что вопросы латинизации монгольского письма уже начинают ставиться на практическую почву. В данном случае мы имеем ввиду расширенное заседание Буручкома, имевшее место 12 апреля с. г. по рассмотрению проекта нового алфавита на основе латинской графики. Участники данного совещания в большинстве своем высказались за необходимость латинизации монгольской письменности. Но, учитывая сложность проблемы и необходимость серьезной проработки ее, совещание признало желательным сразу же приступить к подготовительным работам открыв одновременно широкую дискуссию по всестороннему обсуждению данного вопроса на страницах местной прессы и путем созыва специальных конференций на эту тему.

Приветствуя решения данного совещания, мы со своей стороны пожелаем, чтобы общественное мнение было наиболее широко привлечено к обсуждению проблемы латинизации во всей ее полноте и глубине. В связи с этим весьма желательно было бы выявить мнение относительно организационных форм по проведению подготовительных мероприятий по разработке учетно-вспомогательной литературы, предназначенной для облегчения усвоения форм ново-литературного языка.

Итоги одного диспута.

Тема диспута. По инициативе Областного Совета Союза Безбожников 21 и 22 февраля 1929 года в городе Верхнеудинске состоялся публичный диспут между безбожниками и буддистами-ламами на тему «классовая сущность буддизма-ламаизма». Данная тема была выбрана по соглашению обеих сторон. Основным докладчиком от безбожников выступил тов. Тогмитов, а главным оппонентом (контр-содокладчиком) от буддистов—Хамбо Агван Доржиев. На диспут были приглашены ученые ламы—философы почти от всех крупных дацанов, в количестве 60-70 чел., а также верующие миряне и безбожники из улусов. Диспутом руководили два председателя, по одному от обеих сторон. В прениях выступили по 7 ораторов с каждой стороны. Зал театра ВСПС был переполнен.

Чтобы ясней было содержание диспута, скажем пару слов об учении Будды.

По буддийскому учению жизнь на земле есть сплошное страдание—мучение. Жизнь на земле—мираж. Отсюда у буддистов отвращение к жизни, бегство от нее, отказ от созидательного труда и борьбы за лучшее существование на земле. Буддийское учение видит спасение от земных страданий в загробной жизни. Такое освобождение человека буддизм мыслит только путем достижения «Нирваны», т. е. освобождения души от земной жизни—мучений, воплощения ее в абсолютном покое—пустоте („Нирвана“).

„Нирвана“ есть успокоение от мучений“ (Румтай Памшак).

По буддийскому учению сознание определяет бытие. «Сознание есть формирующая сила, создающая из вещественных элементов существо» (по переводу Ольденбурга). По буддийскому мировоззрению не существует реального бытия, реального внешнего мира, есть только абсолютный дух (душа), который нужно спасти, возвести в «Нирвану». Приведем выдержки: „Люди же представляют себе вещи существующими, — сказал Будда, — но из них поистине ни одна не существует“. «Все, что называется бытием, на самом деле есть небытие» (Махаяна).

Классовая сущность буддизма-ламаизма. В диспуте наши оппоненты (противники) в своих докладах и выступлениях не затронули вопроса о классовой сущности буддизма-ламаизма, несмотря на просьбы наших ораторов остановиться на нем. По мнению В. Барадина, выступившего на диспуте, ламы сознательно обошли молчанием основную тему диспута, ибо это было самым уязвимым больным местом для них.

Наш докладчик и ораторы выявили эксплуататорскую классовую сущность буддизма на основе научно-исторических фактов и данных.

Есть люди, которые считают, что буддизм возник, как религия, защищающая интересы трудящейся массы Индии. Не стоит доказывать ошибочность этого взгляда, ибо буддизм возник как определенная надстройка (как один из видов духовного гнета), складывающаяся на основе производственных процессов и общественных отношений в среде общества того времени. Хозяйственное развитие Индии переживало кризис переходного периода. Этот переходный период в экономике Индии характеризовался тем, что происходило разорение мелких феодалов, трудовых масс и возникновение крупных феодалов и торговой аристократии. Этот процесс расслоения индусского общества сопровождался чрезмерным усилением гнета и эксплуатации трудящихся, массовым обнищанием их и выбрасыванием из их среды люмпен-пролетарских и босаяцких элементов. Такие общественно-производственные отношения Индии создавали благоприятную почву для возникновения буддизма.

«Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. д.» (Ленин «Социализм и религия» стр. 7).

Господствующий класс Индии, опасаясь бури и гнева (бунта) разоряющейся и голодной массы, должен был искать средства успокоения ее. Вот тут-то наилучшим средством духовного гнета трудящихся, средством эксплуатации их, средством укрепления позиций господствующего класса (крупных феодалов и торговой аристократии) был буддизм, со своим учением непротывления злу, гнету и т. д.

Таким образом, буддизм был с самого начала возникновения, как и всякая религия, религией эксплуататорского класса.

Безбожники со всей ясностью и решительностью доказали реакционную классовую сущность современного буддизма. Буддийская религия в Китае, Японии и др. странах востока является орудием гнета и эксплуатации многомиллионных трудовых масс в руках современного империализма. Общеизвестна реакционная роль буддизма в деле покорения и порабощения монгольского народа со стороны Маньчжурско-китайской династии. А также нельзя не упомянуть о реакционной роли ламаизма в Бурятии, как при царизме (кулацко-ноенатско-ламский блок и гнет трудовых бурят), так и в пореволюционное время (теократическое движение, борзинское кулацко-ламское дело и т. д.).

Говоря о союзе духовенства—ламства с эксплуататорским классом, профессор Г. Ж. Цыбиков пишет: «Значит в конечном счете духовенство эксплуатирует трудовой народ».

Был задан вопрос: «Каково ваше отношение к капиталисту и рабочему, к кулаку и батраку—бедняку?».

Ламы ответили: „Наше отношение к ним одинаковое, т. е. безразличное, пусть капиталист и кулак эксплуатирует рабочих, батраков и бедняков, ибо такова их судьба, они люди грешные и отплачивают за свои грехи“. Тогда спросили лам: кого больше жалеем—бывшего или того, которого бьют? Ответ был таков: жалко бывшего, ибо он совершает такой поступок по своей неосознанности и в силу того, что он не освободился от страсти и гнева. Иначе говоря, жалко капиталиста и кулака, беспощадно эксплуатирующих рабочих, батраков и бедняков.

Итак еще раз доказана эксплуататорская и контр-революционная классовая сущность буддизма-ламаизма.

Доводы оппонентов.

Как сказано выше, ламы не говорили по существу темы диспута, но зато они плавали в волнах метафизики и софистики.

Приведем наиболее характерные тезисы лам.

О бурхаче и боге.—«Бурхан есть, но нет бога», или «Шажин—одно, а религия—другое». Иначе говоря, только Будда есть, а других богов (Христос, Магомет и др.) нет, или буддийскую религию («Шажин») нельзя ставить на одну доску с другими религиями, она есть одна истинно-научная религия.

Не трудно было разбить этот сумбурный тезис, ибо ламы сами признают, что Будда-Бурхан, т. е. бог, что существует множество богов-бурханов, есть душа и своеобразная загробная жизнь («Нирвана»). Отсюда по существу нет никакой разницы между буддийской религией с одной стороны, и христианской, магометанской и пр. религиями—с другой. Совершенно прав был Плеханов, говоря, что: «Буддизм отнюдь не чужд анимизма. Он признает существование «бесчисленных богов» и духов. Религии, чуждой анимистических представлений, до сих пор не было, да, как я говорил и быть не может». (Статьи о религии, стр. 66-67).

„Буддизм. есть наука и школа“—говорили ламы.

Выставив такой тезис, сами ламы не смогли, конечно, дать положительных ответов на следующие вопросы:

а) если буддизм—наука, то где результаты и плоды ее?

б) если ламаизм школа, то сколько рабочих и трудовых крестьян обучено грамоте и знанию?

Всем известно, что современные достижения человечества: авиация, радио, телеграф, ж. д. и др., есть плоды науки, но не религии, а также известно, что ламы и ламские школы не обучают грамоте и знанию трудящихся, а наоборот распространяют религиозный дурман, темноту и невежество.

Таким образом, буддизм—религия, а не наука и, как всякая религия, является величайшим тормозом культурно-хозяйственного строительства Бурятии.

О душе. Ламы старались доказывать, что существует душа, мотивируя тем—«раз вы не видите душу, как же можете говорить о том, что нет ее». Или так: «Вы сейчас не знаете какая мысль придет завтра, раз не знаете это, то как же можете утверждать об отсутствии души» и т. п. софистикой.

Не приходится говорить о детской наивности этих аргументов. По мнению лам, ни одно живое существо не может жить без души.

Пришлось доказывать целым рядом примеров научных опытов и наблюдений, что организм может жить и живет без присутствия какой либо души. Опыт показывает, что самостоятельно может жить (при соответствующей температуре и обеспечении питания) отрезанная голова собаки, палец человека, ухо кролика, сердце и др. Кроме того можно оживить осторожно засушенное ухо и палец, дав соответствующую возможность для этого, т. е. осторожно отмочив и пропустив нужный раствор пищи, соблюдая нормальную температуру. Организм и вообще живое существо не нуждается в присутствии души. Сознание (душа) не есть формирующая (создающая живое существо) сила. Вот почему по нашему мнению, по учению Маркса, Ленина—нет души. Нужно отметить, что ламы не понимают устройства, роли и функции нервной системы.

О буддизме и марксизме—ленинизме. Агван-Доржиев сказал на 1-м духовном собрании буддистов (январь 27 года) следующее.

«Долженно будет достаточно, чтобы уяснить соприкосновение основ буддизма с вопросами современности. В частности для установления некоторых общих черт с современным материалистическим учением.»

На диспуте А. Доржиев сказал, что «буддизм во многом не противоречит марксизму-ленинизму, а только расходится по вопросу о душе (?). Нет разницы между тем милосердием ко всему и мыслями об освобождении человечества, которые провозглашала Будда, Маркс и Ленин“ (?).

Одним словом, можно поставить знак равенства между буддизмом и марксизмом с маленькой оговоркой расхождения о душе.

Такой гнусной попытке отождествления марксизма-ленинизма с буддизмом должен быть дан решительный отпор.

Во-первых, Маркс и Ленин провозглашали беспощадную классовую борьбу пролетариата против эксплуататоров-капиталистов, а не милосердие ко всему человечеству. Это знает каждый пионер.

Во вторых, буддизм видит спасение и счастье человечества в потусторонней жизни («Нирване»), а марксизм-ленинизм проповедует освобождение мирового пролетариата и трудового крестьянства от гнета и эксплуатации классового врага и установления счастливой жизни, строительства социализма—коммунизма на земле (а не на небе).

Владимир Ильич писал: «Марксизм, есть материализм. В качестве такового, он беспощадно враждебен религии».

Всем известно изречение Маркса: „религия—опиум для народа“ (в том числе и буддийская религия).

Марксизм ленинизм (стало быть материализм) ничего общего не имеет с буддизмом. Они диаметрально противоположны и враждебны друг другу.

Но почему Агван-Доржиев изо всей силы старается отождествлять их? Потому, что ламской церкви в Бурятии нужно приспособиться к современным условиям. Ламы не только провозглашают признание революции и советской власти, но и стараются протопить под маской материализма «чистый», «неизвращенный» буддизм.

Вот почему ламы стараются доказать, что буддизм не противоречит марксизму, что буддизм не обыкновенная религия, что буддизм наука и школа, что буддийская рели-

тия не является тормозом в деле социалистического строительства и т. п. поэтому: «Да здравствует буддийская религия!»

Всею наглую попыткам отождествления марксизма-ленинизма с буддизмом, всем новым приемам и тактике лам в деле приспособления ламаитской церкви к современным условиям должен быть дан сокрушительный отпор. Такой удар ламам дан на диспуте.

Диспут—столкновение науки и религии. Из сказанного выше явствует, что религия получила должную отповедь со стороны своего противника—науки. Победа осталась на стороне науки, да иначе и быть не могло, ибо нельзя закрывать глаза перед правдой, перед научными данными и доказательствами. Победа науки есть победа материализма, марксизма-ленинизма.

Вот, коротенько, основные итоги диспута

Первый Бурят-Монгольский Республиканский Съезд Союза Безбожников сказал, что необходимо проработать итоги диспута, во всех ячейках СБ с привлечением широкой массы трудящихся.

Нужно учесть, что со стороны лам будет распространено среди населения неправильное освещение итогов диспута, как это было в прошлом году, после первого диспута и будут попытки противопоставить их правильным разъяснениям и популяризации итогов диспута.

В связи с проработкой итогов диспута нужно мобилизовать общественное мнение вокруг вопросов необходимости укрепления и усиления антирелигиозной работы на местах, вокруг вопросов оказания конкретной помощи и руководства со стороны партийно-комсомольских и общественных организаций работе союза безбожников и превращения СБ в массовую организацию.

Мэлжелгэ.

(Листки из блок-нота).

Мэлжелгэ... Уран сайхану мэлжелгэ—художественная олимпиада Олимпиада—это, ранее незнакомое, что-то обещающее слово начало с половины января этого года склоняться хоринскими аймачными активистами во всех падежах. Слово стало вдруг знакомым и даже больше—близким. Ожидалась аймачная художественная олимпиада в 20 числах февраля. Как полагается создали комиссию по устройству этой самой „олимпиады“, написали бумажку под неуклонную ответственность сомсоветчиков.

— Завернули местам, знаешь, насчет этой твоей штуки—говорит председатель АИК'а и вынимает из бездонного портфеля бумаги по перевыборной кампании. Видимо, не до такой «пустяковины».

— Кадр инструкторов пошлем на места?

— Давайте—сейчас я созываю комиссию, а все инструкции приготовьте.

— Идемте в Апо. Там окончательно столкнемся—предлагаю тов. Аюшину. Посылаем в сомоны людей для проведения конкурсов, сбора кустарно-художественных изделий бурят.

Таится где-то надежда, что скоро услышим сокровенные песни хоринских степей, сказки из уст седовласых сказителей старины... Ведь есть у бурят не мало заманчивых словесным богатством, изумительных и чудных по содержанию и стилю легенд, передаваемых отрывистым дыханием уходящий старины. Хори-буряты должны показать своих мастеров, самородных мастеров рисунка, песни и слова. Может быть услышим и такие мелодии, которые уже поют о новом, звучат по иному. На олимпиаде увидим то, на базе чего думаем построить свой бурят-монгольский театр. Степь, наверно, даст дань и сцене.

* * *

Хитровато помаргивая узкими глазами, помахивая реденькой, с сосульками бородакой, ямщик-карым подбадривает коня и не забывает стягивать вожжи, чтоб ехать тише. Жалуетса на смешанном языке на худую дорогу.

— Вот дотедово ничего ладно, а дальше... амида хунэ ябаши угэй.—

— Летом то дорога хорошая?

— Кака тут дорога, брат, зоблон (мученье)—равнодушно отвечает ямщик и таким же тоном продолжает—гляди хойиб. В Ашангу приехали.

Ашангинская школа из тех, которые, несмотря ни на что, потихоньку пробивают свой путь, заслуживают своей работой симпатии улусов. Приткнулась в небольшой, изредка отапливаемой халупе. Ученики сидят с пошнелым лицом и спрятавши кисти рук в просторные рукава. Писать на доске—вещь мудреная, надо обладать некоторым мужеством для этой операции. В этой школе вечерами, почти каждый вечер, собираются все буряты улуса, интересующиеся газетой, новшествами и т. д.

Второго февраля сварганили междуулусный конкурсе сказителей, хуристов и певцов. В маленькой школе шанку негде положить: пришли ашангинцы послушать кто из них лучше поет и передает сказания былых годов, у кого голос хорош. Песет один старик, лет 55. В середине песни его голос срывается и недонетая нота жалобно выдыхается последним напряжением груди старика. Он рассердился на себя и вобравши побольше

воздуха продолжает. Его сменяет Раднаева Бальджима, за которой с утра три раза слали гонцов. Унылая песня, похищенной незнакомцем бурятки, трогает самую певицу. Она увлекаясь поет и не молодые ее глаза искрятся, хоть и грустен мотив. Поют песни одной полународной игры «бисиек толдан». Содержание—гимны ламам, их покровителям всемогущим «Арья-Бола» и т. д. Религиозный, ламаистско-мистический элемент в песнях восточных бурят, складывавшийся десятилетиями еще не успел выветриться, но уже вытесняется.

Услышали мы здесь три сказки, рассказывающие о чудовищах из ада, о чародеях ламах и о догадливых, смекалистых бурятах, надувших русских. Подчиненность былин, при всех их гиперболичности и фантастике, нормам общественных отношений всегда налицо. „Певицу пошлем на аймачную олимпиаду“.—решили после конкурса.

Холодно в квартире учителя. Дровишек немного, да домик не ахти какой.

— «У нас есть замечательный художник!» — сообщает Уладаев (учитель). Над окнами его квартиры небезынтересные рисунки, правда, всецело в ламском духе. Автор рисунков — известный в аймаке ювелир-гравер и сказитель.

Послать Лашиднима Ирдынина на олимпиаду—договорились с Уладаевым и сомсоветом. С Уладаевым потому, что работа выявления сил на олимпиаду была поручена учительству.

* * *

Дэдо-Аниинская школа. Рядом совет. Перевыборы только что миновали. Все на новом месте.

Устроили 11/II большой конкурс певцов, рапсодов и хуристов. Колейдоскоп картинных выражений, в спокойных медлительных песнях, сменяется простотой новых слов и выражений революционных песен. Многие стесняются публично петь, однако, соблазнительна перспектива оказаться, может-быть первым певцом в сомоне, а там глядишь и в аймаке единственным...

— Я просто хочу петь про красоты природы—говорит один уже пожилой бурят-тенор.

— Дула, дула—поддакивает его сосед, сказитель Гесериады, и как он обещал ее рассказать, но из-за позднего времени не пришлось Гесериаду заслушать.

В одном углу помещения сидит молодежь, в другом—пожилые. Чередуясь поют старые и новые песни, рассказывают старые сказки, а новых к сожалению нет, нет и сочинителей народных. Один молодой парень наизуст рассказал «Убугэн Гемун» Хоца Нампараева. Видимо, это произведение станет народным достоянием, оно близко улусным бурятам и памятно.

Выделилась изво всех одна молодая бурятка пела революционные и народные степные песни, голос богатый и развитый. Все присутствовавшие заголосили—Бумы-я аймак-ту илгэя—(пошлем Буму в аймакцентр на олимпиаду).

В Дэдо-Аниинске выделили четырех на аймачную олимпиаду—2 певца, 1 сказитель, 1 самоучка гравер шестнадцатилетний бурятенок.

Подготовка к олимпиаде в большинстве сомонов втянула массу, привлекла внимание степняков к их свободному искусству, заинтересовала их.

В Дондо-Кодуисном сомоне провели два больших конкурса, на которых присутствовало свыше 200 человек. Послали на аймачную олимпиаду певцов, хуристов, рапсодов и одного поэта Аюшина В.

Кожингинский сомон устроил один массовый конкурс, с присутствием до 100 человек.

В Ербановском сомоне «урожай» на художественные силы-самородки большой, все категории. Здесь изготовили «образцовый» в сомоне хур, провели по улусам шесть конкурсов и общесомонный конкурс, проверивший всех певцов и музыкантов, дарханов и художников сомона. По всем сомонам производился сбор вещей для выставки вустарно-художественных, чисто национальных изделий. Что-то интересное, невиданное ожидают улусники.

— «Одо ла ерхэбуида. Сайхан юма болхо гешил, э-да, (теперь то приедем, интересно будет наверно)»—делают предположения улусники.

* * *

— Не знаю, что уже хорошего выйдет из олимпиады—выразил сомнение т. Аюшин. Остальные товарищи работали буквально «во всю». Активистов-культурников с 15 февраля засадили за приготовления. Репетировалась показательная постановка, писали плакаты и лозунги.

Основной лозунг олимпиады—«против искусства дацанов надо выдвинуть свои новые и яркие формы национального искусства. Возрождающееся искусство бурят-монголов должно быть привлечено к участию в строительстве социализма!» Его надо подкрепить делом на олимпиаде и постепенно внедрять в сознание бурят-монголов. Семилетка совсем выбилась из колеи.

— Ребята теперь уже совсем закрутились—говорит т. Иванов—зав. семилеткой. Занятия нарушили плановость свою. В дни олимпиады совсем беда. Надо заметить, что семилетка была обеспокоена съездом советов больше чем сам АИК, олимпиадой не меньше чем ее устроитель. Тут и там привлекают их к работе. Тут и там справляется семилетка, ребята работают дружно, с рвением, хоть не так уж организованно.

Конкурсы проведены в 9 сомонах из 11, выделено на аймачную олимпиаду сорок человек со всех сомонов. Подходило 18 февраля. С мест поступили материалы лишь к 17 числу и то меньше чем ожидали. 18 февраля приготовили все для открытия. Прибыла экспедиция Наркомпроса и Буручкома. Олимпиада открылась вечером 18 февраля докладом о задачах олимпиады и национально-художественного строительства.

«Проверка и выявление народного творчества—основная задача нашей олимпиады—говорит Будаин (докладчик). Она прекрасное, первое в нашей истории начинание в области изучения народного искусства». На открытии присутствовали из улусов и сомонов свыше двухсот бурят, не считая делегатов айм-съезда советов, делегатов пленума АК ВКП. Прибыли с мест для участия в олимпиаде 16 певцов, 7 флейтистов и хуристов, 7 рапсодов, 1 поэт, 9 художников-самоучек, из них 3 ювелира, 2 гравера и остальные живописцы.

В первый вечер олимпиады была постановка пьесы «Шинэ байдал» Номтоева и Садномон, в постановке Б. Будаина. Пьеса, (хоть и в наивной форме) повествовала торжество бедноты в улусе, как и десятки других бурятских пьес. Игра артистов любителей с сомонов и семилетки отличалась непосредственностью и своеобразием манер, несколько приближающихся к манерам театра; хорошо выполнили свои роли артисты Данцаранов, Молонова, Аюрмаани и слабее несколько Хусаева, Жигнитова и Дугарова. Неподдельный талант артистки показала ученица семилетки Молонова, игравшая роль предтехникумки, вносящей живую струю культурной работы в улусе.

После спектакля выступили музыканты хуристы и лимбисты (флейтисты) „Хуры“ были весьма примитивные, грубо сколоченные и неблаговзвучные, но зато «лимбэ» некоторые были из красного дерева и лучшего качества и полнозвучные. Четыре хуриста сыграли обычные хоринские протяжные, с романтическим отзвуком грусти, мелодии. В этот вечер и вообще на олимпиаде хур не завоевал себе симпатии со стороны публики. Лучшим по технике исполнения на хуре показал себя Гилимов Содном.

С особенной задушевностью полились нежные, баюкающие звуки «лимбэ»—лучшего путника степняка-монгола, равно и бурята—когда играли Гончикжап Ямпиров и Балданов Жамсо. Они, в особенности Ямпиров, прекрасно владея „лимбэ“ хорошо выполнили хоринские, монгольские и частью западно-бурятские мелодии. Ямпиров несомненный мастер флейтист, умеющий извлекать из флейты все возможное. Далее чередовались один за другим певцы. Цели отрывки песен. Первый певец начавший хорошо, взял второй куплет выше и сразу же сорвался. Лицо его сперва радостное смутилось и он, вздохнувши, ушел со сцены, обещая еще раз попытаться. В этот вечер выступило 18 певцов. Песни у всех почти одни, то протяжные и грустные, как шелестящий под ветром степной ковыль, то отрывистые суровые, как снежный вой пурги. Гимны раздолью степей и красотам гор и лесов, хвалебные песни неразрывному другу степных бурят—коню; о том как скакун ретивый умчал красавицу от жениха, как унесетя певец на славной масти рыжем рысаке от своих забот... Хорошо отпеваются певцами интимный лиризм восточно-бурятских песен, песен кочевников посвященных лошадям и степи. Песенный поток полнил всех. В этот день решить кто лучше поет нет возможности. Вечер закончился

массовыми играми. На следующий день осматривалась выставка кустарно-художественных изделий и рисунков. На выставке—поразительно тонкой отделки серебряные ножи с огнивом и подвесками, гравированными орнаментами, работы местных ювелиров Эрджиева Л., Намжалона, Бадзар, Шойнполова и Цыванова Данзад. Женские серебряные и золотые украшения—„жинчи“, „Санжурга“, „Шимхурга“, „Гоу“, золотые кольца и серебряные пуговицы. В этих представленных работах видно высокое мастерство дарханов, особенно дарханов прошлого, как давно умершего Герелту Базарона, оставившего удивительно орнаментированное женское украшение „жинчи“. Остальные женские украшения богаты орнаментурой и четкими рисунками, являются работами, ныне здравствующих, мастеров Эрджиева, Лашиднима, Дондуп Найданова, Янданова и Увдел Дугарона. Были седла старинные с набивками и серебряной амальгамой по железу, тальке луки, стрелы и футляры от стрел работы Морова, Цыренова Даши. Интересны женские работы—домотканый узорчатый шелковый кушак работы Бутуд, Батамуинской, женский костюм вышитый узором и парчей одной местной буряткой, костюм исключительный по художественному сочетанию цветов и выполнению. Были интересные золотые кольца и пуговицы с награвированными на них серпом и молотом в пятиконечной звезде. По поводу их некоторые острят—коммунистам можно носить...Орнамент названных изделий действительно мастерски сделан, носит следы влияния индо-китайской и японской орнаментики, особенно на ножах и седлах. На женских украшениях оригинальных чисто монгольских орнаментов очень мало. Рисунки и гравюры на ножах и т. д. прямо изумительны, как тонкая и кропотливая работа ювелиров-бурят. Однако орнаменты назвать своеобразными нельзя, они частью выполнены в стиле Барокко и частью только слегка стилизованы под восточную орнаментку. Эти орнаменты все зарисованы художником Хангаловым.

Рисунки, занявшие половину выставки, привлекают внимание некоторым своеобразием приемов.

Представлены акварельные работы Галданжапова—ученика семилетки,—„Портрет товарища“, „В улусе“, Цидендамбаева (тоже из семилетки)—„Поезд в степи“, „Осень“, Ирдынина Л.—„Охота на волка“, „Группа бурят“ и около десятка мелких эскизов и самое значительное—его гравюры по серебру. Чрезвычайно интересны две статуэтки „Всадник“—работа ламы и вторая „Кавдивизионец“—неизвестного автора, пять клише „Бара“ работы Галсанбатуева, Бадиева, Содном. Особенных формальных достоинств с представленных на выставку работ нельзя требовать. По технике рисования все они близки к японским и ламским приемам рисунка, в особенности работы Ирдынина Л., выполнены в духе ламской живописи и графики. Тематически большой интерес не представляют все рисунки потому, что определенного упора на какую либо тему, трактовки ее в довольно выразительной форме не чувствуется. Частично затрагивается быт бурят, опять таки в его статике и остальное—бесемные, „просто рисунки“.

Надо каким то образом направлять, в дальнейшем, этих улусных рисовальщиков, возможно и будущих художников, в определенное русло, приближать их к культуре рисования, давать хоть некоторое художественное воспитание.

Вечером выступали сказители. Пленительны в сказках и легендах непосредственно народный, увлекательный по сочности образов и богатству слов, язык. Рапсоды поведали нам много изумительно красивых и выразительных словосочетаний, обилие причудливых образов и, наконец,—плавленную ритмическую речь, напоминающую напевные стихи. Из рапсодов большим успехом пользовались Дампилов Балдан и Базарон Лубсан.

Под конец выступил молодой поэт Аюшин Ванзад со своими стихами, посвященными злобе дня, сильными и с формальной стороны и особенно с точки зрения классового духа. Его стихи заражены здоровым классовым чутьем при высокой стихотехнике и эмоциональной силе стиха. Местами маленькие срывы, конечно, были, но они искупаются сторицей. В стихе рапсодов много есть того, чему надо учиться молодому поколению, чтоб обладать таким богатством, как живой и художественный язык.

Вторично выступали певцы. Каждый и каждая пели по две песни, старались излить всю силу свою, чтобы лучше спеть сегодня, выделиться среди остальных. Пели с увлечением и страстью...Много новых свежих, революционных напевов спели молодые бурятки. Кто-то возьмет первенство, кто-то будет лучшим из лучших?

Особняком стоит постановка Ямпилова Гончикжап „Шойжинчи“ по пьесе Ямпилова и Намзараева Хуца. Буддийская мистерия вселения духов в человека небом избранного — „Шойжинчи“ сыграна прекрасно, вполне самообитно сценическое оформление. Нет того подражания русскому театру, рабского копирования непонятных и далеких степеням движений. Талантлива игра самого Ямпилова в роли „Шойжинчи“; своеобразен его религиозный танец с мечом под звуки „Ухэр-бэрэ“, „бичехури“ „бэрэ“ и всех прочих инструментов ламского атрибута мистерий — использованы шарлатанские религиозные мистерии как лучшее средство агитации против религиозного врачевания, исцеления выкуриванием духов из больного, полное использование ламских средств художественного оформления. В сценическом оформлении пьесы много общего с японским и китайским театром; восточная манера игры, напевность речи, тематическая острота пьесы для восточных аймаков — возводят эту постановку на особое место в пути развития национального театра.

Основная установка на использование ламайского театра для национального театра, при сообщении элементам ламайского театра культуры европейского театра, должна быть правильной, так как масса поймет только это, ибо дух и природа бурята требуют синтетический театр, театр массовых действий, яркость грима в сочетании с музыкально-вокальным аккомпанементом, как это делается в дацане. Это ближе и роднее, только надо изменить цели и направление.

Дацанское искусство, в его для нас приемлемых формах, направить на разрушение основ ламаизма, разоблачение его лживости и шарлатанства, которые ламы прикрывают великолепием внешнего оформления молебнов и мистерий. Отделить религиозный нарост на формах национального искусства — основная задача, которую надо иметь при строительстве национальной художественной культуры, выполнять изо дня в день; вложить в эти формы новое содержание, сделать все богатство искусства дацанов достоянием широких масс, дать им сильнейшее орудие художественного воспитания бурятских масс — национальный театр. Эта работа не легкая, основу надо еще искать, но за нее пора уже приниматься. Бурят-монголы требуют этого.

* * *

Олимпиада сделала большое дело — пробудила дремавшее искусство бурятского народа (в частности хори-бурят), привлекла их внимание к языковым сокровищницам сказок, сказаний, легенд и песен, которые до сих пор использовались ламством в его гнусных целях. Олимпиада в Хори только начало большой работы по выявлению и развитию художественного творчества бурят. Надо признать необходимым развертывание этой формы массовой художественно-культурной работы.

Результаты песенных и других соревнований на олимпиаде — таковы премированы:

Художники представившие свои рисунки, гравюры по серебру и дереву. Первая премия пополам — Галданжапов Ширав и Ирдынеев Нима; вторая премия — Чимидун Доржа и Цидендамбаев; третья — Бодоев Содном и Галсан Батуев.

Музыканты: первая премия — Яминлов Гончик — Удинский сомон; вторая на двоих Балданов Жампо и Гиликов Содном — Чесанский сомон.

Певцы: первая премия пополам — Самданов Санжи — Н.-Кодунский сомон и Боднева Бумэ Д. — Авинский; вторая премия пополам — Янданов Бин-Дарья Н. Кодунский сомон и Раднаева Бальджима — Ашангинский сомон.

Рисоводы: первая премия — Аюшин Варзад — Ср.-Кодунский сомон; вторая пополам — Дампилов Балдан — Ербановский сомон и Базарон Лупсан — Удинский сомон.

Артисты: первая премия поровну — Данцаранов, Молонова и Мухутуев; вторая премия — Хусаева и Аюрзанай; третья премия — Жигжитов и Дугарова.

Диплом первой степени по сцене получил Ямпиллов Гончикжап. Всем премированным выдаются дипломы трех степеней, в качестве премий первой — 15 р., второй — 10 р. и третьей — отзыв.

Аймачные организации Хори, за исключением профсоюзов, отнеслись к подготовке к проведению олимпиады с достаточным вниманием, выделили на эту работу, несмотря на ряд кампаний, лучшие силы.

Оформление олимпиады носило возможно и немного неорганизованный характер в силу новизны ее для нас, но в смысле выявления того, что не было известно нам, сделано огромное дело.

Научная разработка материалов олимпиады, обработка их в нужном для бурят смысле—ближайшая задача, дальнейшая—это организация ряда олимпиад в аймаках и, наконец, республиканской олимпиады.

«Я пою песни радости
Празднику сородичей
Пусть всегда будет
Наша жизнь прекрасной» *)

так пел один бурят, единственный баритон из певцов.

Он говорил, что несмотря на свои 60 лет приехал на олимпиаду из дальнего улуса порадоваться возрождению всего прекрасного, что есть у бурят. Он не один. Все почти говорили так и думается мне—олимпиады надо сделать обычными, их надо сделать отдыхом, противопоставить «Цагалгану» и другим празднествам с религиозным содержанием. Тогда буряты-монголы будут не только свое хозяйство строить, но и строить культуру, видеть свои национальные формы культуры.

*) Воляный перевод песни.

О развитии просвещения среди трудящихся женщин Бурятии.

После Октябрьской революции тронулся лед векового невежества и забитости трудящейся женщины. Работницы, крестьянки, служащие всех национальностей, как равноправные члены советского общества, вовлекаются в работу различных областей социалистического строительства. Но до сих пор еще, по меткому выражению Н. К. Крупской, «мертвый хватает живого»: наследие мертвого прошлого тормозит иногда строительство новой жизни. Одним из таких наследий является неграмотность и вообще слабое развитие просвещения среди значительной части трудящихся женщин. Вследствие этого в период культурной революции развитие просвещения среди женщин—работниц и крестьянок всех национальностей становится самой неотложной общественной задачей. В настоящей статье мы постараемся в кратких чертах подвести итоги прошлого и наметить основные вехи этой сложной и ответственной задачи применительно к Бурятии. Изучая по архивным материалам историю развития народного образования в Прибайкалье, пишущий эти строки пришел к выводу, что в первой половине прошлого столетия на обучение девочек в школах края почти не обращали внимания¹⁾. В отчетах по управлению училищами Верхнеудинского округа за этот период мы постоянно встречаем примечания: «Все ученики мужского пола». Сибирский писатель В. Вагип в своих воспоминаниях о сороковых годах в Иркутске указывает, что в этот период даже у городского купечества и чиновничества «девочки (в большинстве случаев) оставались или вовсе без обучения грамоте, или обучались ей вместе с рукоделием на дому или учились у частных учителей»... Дочери же крестьян русских и бурят, ремесленников, немногочисленных тогда наемных рабочих—не имели возможности обучаться грамоте. В 1855 году на 150.000 населения Верхнеудинского округа приходилось всего 216 человек учащихся в школах, среди которых не было ни одной девочки. Из учащихся 66 человек были бурят-монголы.

Первые женские учебные заведения в Восточной Сибири возникают в сибирских городах в конце 30-х и 40-х годах прошлого столетия, обслуживая преимущественно детей купечества и чиновничества. В 1837 году была организована Ф. Н. Волковым женская школа в Троицкосавске. В 1838 году в Иркутске был открыт сиропитательный дом Е. Медведниковой для девочек, с небольшим штатом воспитаниц.

В 50-х и 60-х годах в городах Сибири возникают женские учебные заведения 1, 2, и 3 разрядов. На территории Бурятии такими женскими училищами 2 разряда были: Верхнеудинское, основанное в 1860 году и Троицкосавское (основано в 1862 году). Впоследствии женские училища 2 разряда начинают называться «прогимназиями». Некоторые из них преобразуются затем в училища 1 разряда, за которыми утверждается название «женских гимназий». Женские же училища 3 разряда, соответствовали мужским приходским училищам. Рядом с ними возникают и «приходские училища для обоего пола».

В отчетах за 70-е годы по Верхнеудинскому, Баргузинскому и Селенгинскому округам упоминаются приходские училища сельские и инородческие (бурятские) для

¹⁾ „Жизнь Бурятии“ №№ 4-6, 7-9, 10-12—1926 года; № 4-6—1927 год. Статьи Ф. Кудрявцева „Из истории народного образования в Прибайкалье“, написаны преимущественно на основании архивных материалов Верхнеудинского уездного училища, хранящихся в школе 11 ст. № 2 имени В. М. Серова.

лиц обоего пола: Куналейское, Урлукское, Жиндинское, Кульское, Онинское бурятское, Читканское, Баргузинское бурятское, Кабанское, Кударинское и Кударинское бурятское. Но в этих училищах девочки считались единицами. В 1872 году в сельских училищах упомянутых округов числилось 307 мальчиков и лишь 27 девочек. К 1880 году количество девочек в этих училищах возросло лишь до 50 человек.

Известна первая, повидимому, попытка организовать школу для девочек буряток. Таковая школа была организована бурятом Ашедеевым в Балаганском ведомстве. В первый год в ней обучалось 20 буряток.

С 80-х и 90-х годов прошлого столетия, в связи с усложнением хозяйственной и общественной жизни, в развитии просвещения среди женщин замечается некоторое оживление. Однако, и тогда статистические данные свидетельствовали о чрезвычайно слабом, сравнительно с мужской частью населения, распространении образования среди женщин Сибири.

По переписи 1897 года, процент грамотных среди женщин был в полтора раза меньше, чем среди мужчин в городах и в 4 с лишним раза—в селах. Грамотные женщины составляли 28,3% по отношению ко всему населению в городах и 3,2%—в селениях. Обращает при этом внимание значительное различие в процентах грамотности городского населения сравнительно с деревенским. Процент же грамотности среди женщин буряток был еще ниже. У бурят-монгольского населения Иркутской губернии грамотные женщины составляли лишь 0,8%, Забайкальской области—0,6%. У восточных буряток на 1.000 приходилось 6 грамотных, у западных—8. Общий процент грамотности бурят-монгольского населения Иркутской губернии равнялся 5,8 и в Забайкальской области—8,4. Среди бурят-монгол Иркутской губернии преобладала грамотность на русском языке, а у бурят Забайкалья на монгольском и тибетском. Грамотность на этих языках, развивалась преимущественно путем обучения в дацанах. Девочки же туда не допускались. По данным переписи, произведенной Читинским отделом Географического Общества в 1908 году среди бурят Агинской степи грамотность по-русски составляла: среди женщин 2,1%, мужчин—2,1%, по-монгольски: среди женщин—0,5%, среди мужчин—14%.

Что касается среднего женского образования, то оно в большинстве случаев «ограничивается пределами среднего и привилегированного городского населения, так как крестьянство и беднейшие рабочие, ремесленники, городское население по общим социально-экономическим причинам было лишено возможности пользоваться им для своих детей»¹⁾. Еще труднее было попасть в высшую школу. Более доступным для детей рабочих, крестьян, ремесленников было низшее образование, но и здесь процент учащихся девочек был не велик. По данным 1894 и 1911 годов количество мальчиков, обучавшихся в школах, значительно превосходило количество девочек, хотя с каждым годом это соотношение изменялось.

На каждые 100 мальчиков 7—14 лет и такое же количество девочек этого возраста приходилось учащихся в школах:

	В Иркутской губернии.		В Забайкальской области.	
	1894 г.	1911 г.	1894 г.	1911 г.
Мальчиков .	13,8	30,7	11,8	24,2
Девочек . .	4,3	14,5	2,1	8,8

Таким образом, даже в 1911 году количество учащихся мальчиков в Забайкалье почти в три раза превосходило количество девочек. По данным школьной переписи 1911 г. в начальных училищах Забайкальской области мальчики составляли 73,3%, девочки 26,7% учащихся. Среди бурят-монгольского населения перевес количества учащихся мальчиков над количеством девочек был еще больше. В 1911 году в русских начальных школах состояло 3,249 учащихся бурят, в том числе 2,607 мальчиков и 642 девочки. По данным отчетов Иркутской дирекции в бурятских школах Забайкальской области на 980 учащихся бурят-монгол приходилось 914 мальчиков и лишь 66 девочек. Что же касается обучения при дацанах, то там обучались исключительно мальчики.

¹⁾ Н. С. Юрловский. Очерки по истории просвещения Сибири. Выпуск I Ново-Николаевск 1923 г.

Самыми отстающими в отношении грамотности не только женского, но и мужского населения были на территории современной Бурятии тунгусы и так называемые «семейские»—русские старообрядцы Забайкалья. Среди последних до революции мальчики, реже девочки, обучались уставщиками и начетчиками, главным образом, церковно-славянской грамоте. «Изveckую еретичскую грамоту», пишет исследовательница быта семейских А. М. Попова, «семейские не признавали и не хотели отдавать детей в гражданские школы, открытые правительством, считая грехом учиться в такой школе, где нет закона божья и церковно-славянской грамоты»...Слабое развитие образования среди женского населения определялось условиями его социального бытия. Сфера деятельности женщин ограничивалась во многих случаях домашним хозяйством, мелкими домашними интересами, семьей. Девочки с малых лет воспитывались в атмосфере этих интересов. Женщины принимали участие в крестьянском хозяйстве, складывавшемся у большинства бурятского и русского населения из трех элементов: земледелия, скотоводства и промыслов при различном сочетании их. Техника сельского хозяйства была отсталой. Промышленность находилась в зачаточном состоянии. Между тем, развитие грамотности неразрывно связано с социально-экономическим развитием. Чем сложнее хозяйственная жизнь, чем выше техника хозяйства, тем больший культурный уровень необходим для участия в хозяйственно-производственной деятельности. При чем в свою очередь определяемый потребностями социально-экономического развития прогресс просвещения оказывает благотворное влияние на хозяйственную жизнь. Между тем вся совокупность социально-экономических, политических и бытовых условий старого строя неблагоприятствовала культурному развитию трудящихся женщин. В положении работницы, крестьянки различных национальностей России замечалась некоторая приниженность; трудящаяся женщина как бы не считалась полноправным участником общественной жизни. Правительство мало заботилось о развитии просвещения среди женщин.

С развитием капитализма, с усложнением хозяйственной жизни, в 80, 90-х годах особенно же в начале нашего столетия женщины начинают вовлекаться в самую гущу жизненного водоворота. Растет количество женщин—работниц на фабриках, несколько усложняется работа крестьянок, часть которых пополняет ряды работниц в промышленности, увеличивается работающая в различных областях женская интеллигенция. Общее усложнение жизни, вовлечение женщин в различные сферы социального прогресса и содействовали усилению темпа развития образования среди них. Здесь сказалось и общественное оживление в период революции 1905 года. Однако все же большинство трудящихся женщин не имело даже элементарной грамотности. На территории Бурятии в силу упомянутых социально-экономических условий процент грамотности женского населения был несколько ниже, чем в Европейской России. Особенно как мы видели, был ничтожен процент грамотных буряток, тунгусок, «семейских».

После февральской революции рядом со многими наболевшими вопросами в жизни России вообще и Бурятии в частности выдвигаются и вопросы просвещения. В культурно-просветительном отношении заметно повышение запросов бурятского и русского населения; несколько расширяется школьная сеть, выдвигается вопрос о национализации бурятских школ, появляются зачатки внешкольной работы, признается необходимым совместное обучение мальчиков и девочек.

Наступила Октябрьская революция. В 1918 году на территории Бурятии устанавливается советская власть, но она могла ограничиться только подготовительными мероприятиями во всех областях, в том числе и в проведении своей культурно-просветительной политики. После шестимесячного периода существования советской власти в Сибири надвинулась сибирская реакция. Вопросы культурного строительства отошли на задний план.

После окончательного разгрома колчаковщины в 1920 году в Сибири развертывается советское строительство, но тяжелые последствия разрухи—наследие мировой и гражданской войны, мешают развертыванию культурно-просветительной работы. Более широкий размах она принимает после образования Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики в 1923 году.

После Октябрьской революции темп развития грамотности значительно увеличился сравнительно с дореволюционным периодом. Однако его нельзя назвать вполне достаточным. При чем и теперь мы имеем меньший процент грамотности женского населения сравнительно с мужским. По данным переписи 1926 года, среди всего населения Бурятии грамотность женщин составляла 16,7%, а мужчин—42,7%. При этом характерно значительное различие в грамотности женской части городского и сельского населения. Если в городах грамотные женщины составляли 54,7%, а мужчины 72,9%, то в сельских местностях грамотность женщин достигала лишь 13,2%, а мужчин—39,3%.

Процент грамотных среди бурятских женщин был меньше, чем среди русских. В сельских местностях грамотность бурят-монгольских женщин среди всего населения равнялась 9,1%, мужчин 36,8%; среди русского сельского населения грамотные женщины составляли 16,7%, мужчины—41,4%. Обращает внимание некоторое различие в степени грамотности женского бурятского населения западной и восточной Бурятии. Грамотные женщины составляли среди бурят-монгольского населения 19,8% общего числа грамотных. По восточным же аймакам грамотных женщин было 13,7% грамотного бурятского населения.

С каждым годом происходит рост грамотности женского населения Бурятии. При сравнении статистических данных 1920 года с данными переписи 1926 года в западной Бурятии грамотность женщин увеличилась на 13,4% среди бурят-монгольского и на 8,5% среди русского и прочего населения. В Восточной Бурятии сравнительно с 1923 годом грамотность женщин буряток увеличилась на 3,5%, женщины русского и прочего населения на 9,3%. Однако темп развития грамотности среди мужчин был выше. По западным аймакам он достигал 22,3% среди бурятского и 14,7% среди русского населения, по восточным аймакам 16,5%—среди бурят-монгол и 9,3%—среди русских.

Как уже указывалось, до революции замечалось довольно резкое различие в количестве учащихся девочек и мальчиков. В настоящее время резкость этого различия начинает постепенно сглаживаться, но оно еще существует. По материалам школьной переписи 1927—1928 учебного года, всего в БМАССР было 29,523 учащихся в группах первой ступени. Из них 86,1% учащихся приходилось на сельские местности. Среди учащихся бурят-монгол девочки составляли 36,9%, среди русских—39,4. В школах, работающих на бурят-монгольском языке, девочек было лишь 31%.

Чрезвычайно характерно процентное соотношение учащихся мужского и женского пола в городских школах II ступени и семилетках, сравнительно с сельскими. В городах девочки составляют почти 50% учащихся школ II ступени и семилеток (49,1%). В сельских местностях учащиеся женского пола составляют лишь 34,5%—в семилетках и 28,7%—в школах 2 ступени. В школах крестьянской молодежи было 24,1% учащихся женского пола. Всего в школах повышенного типа БМАССР обучалось в 1927-28 году 5371 ч., из которых 2739 учащихся приходилось на городские школы.

Интересно также соотношение учащихся мужского и женского пола в бурятском и русском педтехникумах. Среди учащихся русского педтехникума преобладали женщины (67 женщин и 47 мужчин), в бурятском же педтехникуме—мужчины (91 м. и 36 жен.).

«По неполным сведениям» в высших учебных заведениях различных городов насчитывается свыше 100 человек «выходцев Бурятии»¹⁾. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, какой процент среди них составляют женщины. Вообще же необходимо отметить, что после революции значительно повысилось количество женщин, обучающихся в ВУЗ'ах. Для трудящихся женщин созданы одинаковые с мужчинами условия поступления в высшие учебные заведения и работы в них.

Мы не имеем сведений о социальном составе учащихся женского пола в школах Бурятии. Статистические данные по этому вопросу относятся к учащимся обоего пола. В школах I ступени на первом месте стояли дети середняков (49%) и бедняков (39%), затем—батраков (3,4%), служащих (3,4%) и рабочих (1,7%). В городских школах 2 ступени и семилетках на первом месте стояли дети служащих (57,6% и 40,5%), затем

¹⁾ „Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика“ (Материалы к отчету IV съезда Советов) 1926—27 и 1927—28 г. г. Народное образование. Работа просветительных учреждений. Стр. 167—177.

детей рабочих (19,6 и 22,8%), крестьян середняков (15,1%) и бедняков (5,6%) В сельских школах 2 ступени и семилетках преобладали дети средняков (38,2% и 40,4%) и бедняков (27,9% и 38,7%), затем дети служащих (22,1% и 11,2%). Процент детей батраков (3,2%) и рабочих (2,8%) был в сельских школах повышенного типа незначителен. Из общего количества учащихся в школах повышенного типа детей бурят было—1570, русских 3443, прочих 358.

В настоящее время органы народного образования, партийная и вся советская общественность уделяет все больше и больше внимания политико-просветительной работе, которая в условиях Бурятии при нашей культурной отсталости приобретает особо важное значение. Развертывается сеть ликпунктов, изб-читален, библиотек, кино-передвижек, клубов. Работают полит-школы различных типов, повышающие уровень политического развития трудящихся; совпартшкола, подготавливает низовых партийно-советских работников. Женщины работницы и крестьянки различных национальностей все больше и больше вовлекаются в работу этих политико-просветительных организаций. Однако, многие из них еще остаются несколько в стороне от политико-просветительного воздействия. Основным видом политпросветработы, от которого зависит успешность проведения остальных ее видов, является ликвидация неграмотности. Работа в этой области развертывается, но развита еще недостаточно, особенно среди женской части населения улуса и деревни. По данным Наркомпроса БМАССР «Количественные итоги этой работы таковы: за период с 1924—25 года по 1928—29 год по республике обучалось на ликпунктах и группах 35.500 неграмотных, окончил из них 18.600 человек. Эти цифры, в сравнении с имеющейся в республике 90 тысячной армией неграмотных, конечно незначительны.» В числе окончивших ликпункты женщины составляют 34,6%.

Подведем итоги сказанному выше.

Прошлое оставило нам одно из тяжелых своих наследий—неграмотность и вообще слабое развитие просвещения среди трудящихся женщин. После Октябрьской революции с изменением социально-экономических и политических условий женщины работницы и крестьянки всех национальностей СССР, как равноправные члены общества, вовлекаются в различные области хозяйственного, политического и культурного строительства, постепенно изживается прежняя рабство, приниженность трудящейся женщины, подрываются старые бытовые условия, начинают выковываться новые формы хозяйства и быта. Все это содействует развитию просвещения среди трудящихся женщин. Однако, в условиях переходного периода у нас, как отмечал В. И. Ленин, рядом с новыми прогрессивными «последовательно-социалистического типа» хозяйственными формами существуют еще пережитки отсталых хозяйственных укладов. Соответственно этому в культурно-бытовой области рядом с элементами нового быта, повышением культурного уровня, развитием науки и техники, вовлечением трудящихся женщин в общественную работу мы имеем неграмотность, пережитки старых бытовых предрассудков, старого отношения к женщине. «Но старое крепко еще держится в быту и тормозит дело, пишет Н. К. Крупская, еще держится рабство женщины. Это рабство накладывает печать на всю жизнь».

В Бурятии, вступившей на путь преодоления своей экономической и культурной отсталости, развитие просвещения среди трудящихся женщин является отсталым участком культурного фронта. При чем культурное развитие женщин улуса и деревни значительно отстает от культурного развития городского населения. Особенно низок культурный уровень женщин буряток восточных аймаков. Совершенно безграмотна женщина тунгуска. Среди русского женского населения наиболее отсталой в культурном отношении группой являются семейские.

В эпоху культурной революции, неразрывно связанной со всеми областями социалистического строительства, развитие просвещения среди женщин работниц и крестьянок всех национальностей становится самой неотложной, чрезвычайно важной и ответственной задачей. При чем вопрос о культурном развитии трудящихся женщин тесно связан с переустройством экономических и социально бытовых условий жизни. Лишь коллективизация мелких хозяйств, их техническая реконструкция, повышение их производительности—окончательно освободят трудящуюся женщину от домашнего рабства, от приниженности, приведут к ликвидации культурной отсталости. По существу реконструкция нашего

хозяйства, его коллективизация являются не только чисто хозяйственными, но и великими культурными задачами. Требуя для своего успешного выполнения повышения культурного уровня пролетариата, крестьянства, служащих, они в свою очередь создают условия для культурного развития.

Рядом с хозяйственной реконструкцией должна идти реконструкция быта. Школа, политико-просветительные учреждения, партийные, комсомольские, пионерские организации, вся советская общественность должны путем систематического воспитательного воздействия, примером и убеждением, проведением практических мероприятий содействовать изжитию религиозных и бытовых предрассудков. старого быта, особенно тяжело отражавшегося на положении трудящейся женщины. В частности, необходимо совершенно изжить существующий еще в удесе и деревне предрассудок, что обучение грамоте женщины менее важно, чем обучение мужчин. Ведь не случайно процент девочек в сельских школах, бурятских и русских, значительно меньше, чем мальчиков, а в числе окончивших ликпункты женщины составляют лишь 34,6%. Теоретически развитие просвещения среди женского и мужского населения считается одинаково важным, но фактически это не всегда так. Мы стоим перед задачей введения всеобщего обучения. На реализацию ее потребуется не мало времени, сил и средств. В условиях экономически и культурно-отсталой Бурятии эта задача становится особенно сложной. В процессе реализации плана всеобщего обучения и вообще работы по повышению культурного уровня трудящихся необходимо особенное внимание обратить на отстающие группы женского населения всех национальностей. Нужно усилить вовлечение женщин работниц и крестьянок в школы начального и повышенного образования, в техникумы, высшие учебные заведения. Необходимо шире развернуть политико-просветительную работу среди трудящихся женщин, вовлекая их в ликпункты, избы-читальни, клубы, совпартшколу и политшколы.

Мы вполне согласны с указанием автора статьи «Что говорят цифры о национализации школы» («Жизнь Бурятии» № 1. 1929 г. Стр. 67, ст. Л. Ф. Кскевич): «Нужно еще много усилий, чтобы уравнивать пользование даже элементарными благами культуры среди двух полов населения. В отношении развития просвещения среди женщин буряток необходимо еще обеспечить преподавание на родном языке и вообще провести ряд серьезных мероприятий по национализации школы. Дочерям бедноты необходимо для обучения в школах и материальная помощь в виде стипендий, пособий и пр. Наконец, выдвижение женщины работницы и крестьянки всех национальностей на активную работу в различных областях нашего строительства неизбежно приведет к повышению их культурного уровня.

Кумыс и кумысолечение.

(Продолжение).

Изучая действия степного и нестепного кумыса на отправления организма, я вполне утвердился в мысли об его некоторых исключительных влияниях на организм и, прежде всего, присоединяюсь к выводам прив. доц. А. Н. Рубеля, об укреплении влияния кумыса, на дыхательные и сердечную мышцы и тренирующем и возбуждающем секрецию желез пищеварительного тракта и перистальтические движения кишечника.

В этом отношении действие кумыса не вызывало и у прежних авторов и теперь не вызывает ни малейшего сомнения.

Я не буду здесь говорить более детально о подмеченном мною влиянии кумыса — это было бы повторением уже сказанного, т. к. в существенных чертах оно сходно с влиянием кумыса, отмеченным многими авторами, на что я указал при разборе литературы.

Я отмечу здесь те некоторые противоречия, которые я нахожу между своими наблюдениями и наблюдениями ч. пр. А. Н. Рубеля и д-ра М. П. Мультиановского (55), именно в оценке возбуждающего аппетит влияния, если позволительно так выразиться, удобоваримости кумыса его унитывающего свойства и укрепляющего и обновляющего организм свойств.

В моих наблюдениях как над степным, так и нестепным кумысом я имел массу случаев, когда после назначаемого *lege artis* лечения кумысом последний бесспорно увеличивал позыв на еду.

Это особенно рельефно выступало при параллельном сравнении в заведываемой мною степной кумысолечебнице над пьющими и непьющими кумыс. И едва ли можно приписывать бесспорное существование у пьющих кумыс („кумысников“) „волчьего аппетита“ — влиянием степной обстановки. Тогда чем же иным, как не влиянием только кумыса, можно объяснить такое же усиление аппетита при амбулаторном лечении нестепным кумысом, наблюдаемое мною?

А. Н. Рубель подвергает сомнению установленную старыми авторами репутацию «удобоваримости» кумыса, указывая, что недаром в степи существуют особые правила питья кумыса и особенно вначале осторожность в переходе к средним и большим порциям; несоблюдение этих правил, совершенно справедливо указывает проф. Рубель, влечет за собою диспептические расстройства.

Отсюда проф. Рубель делает вывод, что нужно иметь «иной взгляд на удобоваримость кумыса».

Несомненно, что в ряде случаев при неосторожном применении кумыса (или большими порциями, или холодного и т. д.) эти диспептические расстройства имеют место, особенно у лиц, страдавших в прошлом энтеро-колитами. На это указывал Каррик, а в последнее время Г. Е. Рохлин в статье «К вопросу об обострении энтеро-колитов при питье кумыса и лечении их соответствующей диетой». («Курортное дело» 1925 г. №№ 7-8), но бесспорно также и то, что при соблюдении этих вышеупомянутых правил питье кумыса и в сравнительно больших дозах переносится легко.

На это указывает и сам проф. Рубель.

Могу подтвердить и я: в своей почти 15-тилетней практике кумысотерапии мне было слишком много поводов твердо убедиться в этом.

Большой и всесторонней критике подверг проф. Рубель «упитывающее» значение кумыса, первое из свойств по знаменитой триаде данной д-ром Н. В. Постниковым, «*nutrit, roborat et alterat!*»

«Стоящий вне всякого сомнения «упитывающий» эффект кумысолечения» автор приписывает, главным образом степной обстановке, климату, обильному питанию. Калорийность кумыса сравнительно небольшая: „динамическое значение 1 литра кумыса выразится приблизительно 440 калорий“.

Роль пептонов прежние авторы по мнению А. Н. Рубеля также переоценивали. „Не приходится придавать большое практическое значение, содержащемуся в кумысе алкоголю, т. к. он находится в среднем кумысе в относительно небольших количествах (100-125 калорий в 1 литре)“, возражает проф. Рубель против гипотезы «об особом мало понятном «альтернирующем» действии кумыса“.

Все можно легче объяснить «тренирующим» свойством кумыса на ряд систем».

Мысли проф. Рубеля развивает дальше д-р М. П. Мультиановский, имевший случай наблюдать кумысолечение в 1923 г. на курорте «Боровое».

В работе предпринятой им с целью установить влияние кумысолечения на изменения весового показателя у больного легочным туберкулезом, автор резонно отмечая необходимость пользоваться индексом Брока (на что указывалось ранее пр. доц. Э. А. Жебровским, пр. доц. А. Н. Рубелем, пр. П. А. Ломовицким) М. П. Мультиановский подтверждает наблюдения проф. доц. Рубеля, что между приростом веса и выпитым кумысом нет параллелизма и прямой связи. В триаде Постникова (по мнению М. П. Мультиановского) „Рубель совершенно зачеркнул слово *alterat* и последующие авторы не восстановили его в триаде“ и слово *nutrit* Рубель «зачеркнул почти целиком». Далее автор полагает, что полученные им «данные подтверждают и укрепляют положения Рубеля, что роль самого кумыса в под'еме питания крайне ничтожна». «Самое действие кумыса на организм разлагается на действие более простых компонентов и, остающееся в Постниковской триаде *roborat* часто находит свое объяснение совсем не в действии кумыса самого по себе».

На «4 Съезде российских терапевтов» в Киеве эти положения, доклада А. Н. Рубеля: «Новые точки зрения в вопросе кумысолечения вызвали оживленные прения, так как проф. Н. Н. Вестерник (56) (Юрьев) указал, что питательное значение кумыса, а также введение при питье его алкоголя — несомненно.

Д-р Б. А. Монастырев (Москва) не согласился с А. Н. Рубелем будто питательные свойства кумыса преувеличены. После кумысолечения больные чувствуют себя возрожденными и продолжают прибывать в весе даже по окончании лечения. Кумысолечение занимает особое место, благодаря тому, что больные окончив курс, могут сразу приступить к своим обычным занятиям.

П. М. Вольпе (Смоленск) счел выводы А. Н. Рубеля, как непокоящиеся на лабораторных и экспериментальных данных, в большей части неверными.

А. Н. Тарновский (Волынск. губ.) сказал, что многие подвергли сомнению ценность кумыса, но сотни тысяч больных, поправившихся после кумысолечения, говорят о противном.

Проф. Ф. Г. Яновский полагает, что в кумысе имеется какой то ИКС, отмеченный Постниковым и проф. Волковым и обуславливающий по их мнению альтернирующее, а по Рубелю тренирующее, влияние на разные органы.

Проф. А. А. Тржецеский (Киев) считает, что кумыс не только *nutrit*, не только *roborat*, но, главным образом, альтернирует. В лечении туберкулеза три фактора имеют выдающееся значение: горы, море и кумыс. Влияние их непонятно, действуют они часто как удар хлыста, поднимая тембр жизни, изменяя почву, благодаря чему туберкулезные бактерии теряют способность размножаться и гибнут.

Проф. В. Д. Шервинский высказал следующее предположение: у артритиков легочный туберкулез протекает хорошо. Кумыс не на кишечник, а на обмен веществ переводит организм в артритическое состояние.

Проф. М. В. Яновский (С. П.-Бург) возразил против тренирующего действия кумыса, считая главным свойством успокаивающее влияние кумыса. По вопросу о применении кумыса при кровохаркании сказал, что нельзя без предварительного испытания лишать больного столь превосходного питательного вещества как кумыс.

Уже приведенные взгляды этих авторитетных лиц совершенно поколебали выставленные А. Н. Рубелем положения.

Мне кажется не бесполезным, однако, добавить к этому и некоторые свои соображения.

Нельзя питательные вещества расценивать только с точки зрения калорийности. Учение о витаминах, как известно, в корень меняет все данные о расценке того или иного пищевого продукта. Установленное в молоке нахождение витаминов А, В и С, а в дрожжевых клетках В, позволяют считать, что в кумысе есть достаточное количество всех этих витаминов.

Нужно также помнить, что по современным воззрениям «диета должна отличаться не чрезмерным количеством калорий, а лучшим подбором хорошо усвояемых веществ». (А. И. Лапшин (57)¹).

И, конечно, ни один фтизиатр уже не расценивает благосостояние больного только с точки зрения прибавки веса или накопления жира. Теперь стремятся к тому, чтобы больной сохранил равновесие, сохранил свой нормальный вес с прибавкой некоторого запаса.

Мне кажется, что в критике Постниковской триады „Nutrit, roborat et alterat“ проф. Рубель и его горячий последователь д-р М. П. Мульгановский больше чем следует уделили внимания форме, а не существу этой знаменитой триады.

„Nutrit!“ если под этим понимать не под'ем питания организма, а утучнение и накопление жира, то, конечно, ни кумыс, ни метод кумысолечения (с прогулками, верховой ездой и т. д.) не дадут этого, так как они и не преследуют такую, едва ли нужную для туберкулезного больного, цель.

К оценке (геср. учету) прибавки веса при кумысолечении по индексу Брока я не возражал бы и прибавляю только, во-первых, что этот индекс, как все средние цифры, допускает большие индивидуальные отклонения, а, во-вторых, позволю себе напомнить, что если больной после кумысолечения уезжает с прибавкой абсолютного веса при общем хорошем самочувствии и улучшении легочного процесса, то и сам больной и лечащий его врач должны счесть результаты лечения ободряющими и благоприятными, несмотря на то, что весовой показатель больного быть может и далек от идеала.

Сам А. Н. Рубель признает за кумысом „тренирующее“ действие: он считает, что „раз кумыс тренирует отдельную способность пищеварительных желез, раз он укрепляет и сердечную и дыхательную мышцы, то имеется полное основание предполагать, что такая „гипертрофированная“ деятельность этих органов не исчезает тотчас же по прекращении кумысолечения, органы растительной жизни будут функционировать „гипертрофированно“ еще долгое время понятно, что в таком случае процессы питания и обмена в теле должны еще долго идти повышенным темпом“.

А разве это не то, о чем старые авторы писали, отмечая „кумысное последствие“, охарактеризовав это влияние кумыса словами (Постников) «roborat et alterat!».

Я не могу также оставить не отмеченным и то, стоящее вне сомнения, вначале его применения при легочном туберкулезе, именно при переходе на большие дозы, так называемую „кумысную реакцию“, заключающуюся (в случаях активного туберкулеза) в обострении процесса, повышение t° , усиление кашля, появление хрипов там, где их не

¹ Здесь мне кажется очень уместно привести следующую выдержку из прекрасного труда „Проблема туберкулеза“ большого специалиста Негманн в. Ногек'а медицинск, изд во „Врач“ Берлин, 4 издание, стр. 126.

„И нужно только приветствовать, что многие новые авторы Ichok Thomas и др, заняли резко отрицательную позицию по отношению к такому лишенному всякой критике переусердствованию и многочисленным искусственным „диетическим системам“. Растет сознание, как ни желательна в большинстве случаев прибавка в весе, но для исцеления это не всегда имеет решающее значение“.

было и т. д.), в общем реакцию весьма схожую с той реакцией, которая наблюдается при специфическом лечении туберкулином.

Такое влияние, отмеченное проф. С. Д. Кастириным, В. А. Штанге, Флеровым, ч. преп. А. Н. Рубелем, ч. преп. Э. А. Жебровским, в моих наблюдениях как над степным, так и нестепным кумысом видел и я.

Ключ к пониманию «кумысной реакции» можно найти в следующем объяснении данным Э. А. Жебровским, к чему и я могу присоединиться.

Под влиянием питья кумыса происходит учащение сердечной деятельности и подъем кровяного давления, что создает особые условия крове — и лимфообращения.

Происходит энергичная смена тканевых жидкостей, вследствие чего из свежих, богатых туберкулинами гнезд бугорчатки вымываются и попадают в кровь известные новые количества токсинов.

Эти токсины достигают до утихших очагов бугорчатки, содержащих противотела, происходит соединение антигена-туберкулина с противотелом, в результате чего и получается реакция.

Описанный процесс, как известно, лежит в основе и туберкулиновой реакции.

Но, конечно, это объяснение только предположительное.

Что же касается до допускаемого ч. преп. Э. А. Жебровским специфического влияния кумыса на бугорчатку, то мне кажется, что если это с теоретической точки зрения, и не легко обосновать, то все же «кумысная реакция» и те прекрасные результаты кумысолечения, отрицать которых ни в какой мере нельзя невольно заставляют подумать о каком то особом, свойственном кумысу и еще неоткрытом доселе противотуберкулезном факторе — помимо общего влияния кумыса на организм и того объяснения, которое приводит ч. пр. Жебровский.

Я совершенно не согласен с ч. пр. А. Н. Рубелем в оценке значения кумыса при применении его вне степных условий, сделанной им в его уже цитированной мною статье «Кумысолечение».

Даже, если все значение кумыса сводить только к его питательности, то все же едва ли можно так уверенно утверждать, «что в качестве вспомогательного питательного средства фармацевтический рынок дает в наше распоряжение много других значительно более удобных препаратов».

Но в этой же статье А. Н. Рубель отмечает, что с его точки зрения кумыс и сам по себе, как таковой имеет тренирующее влияние на секрецию, укрепляющее влияние на дыхательные и сердечную мышцы.

Если это так, то и этих свойств было бы вполне достаточно для того, чтобы применять кумыс и вне степей.

Собранные мною факты и сопоставления результатов лечения степным и нестепным кумысом, сообщенные вначале этой главы, мне кажется достаточно убедительны для того, чтобы полагать, что и нестепной кумыс обладает высокой терапевтической ценностью.

В вопросе о получении хорошего качества кумыса сторонники кумысолечения в степи придают очень большое значение выбору кобылиц и пастбищ для них.

Д-р Н. В. Постников, Сокольский и др. авторы, например, заявили, что хороший кумыс можно получить только от особой породы высокодойных кобылиц.

Д-р Д. А. Каррик считает, что кобылицы должны быть киргизской, башкирской или калмыцкой породы и дает целый ряд признаков для выбора пригодных кобылиц.

Н. Н. Михайлов, возражая Н. В. Постникову — пишет: „Никакой такой особенной породы специально кумысных кобылиц я у башкир не видал“ и далее, — „чтобы они давали молоко какого то особенного специфического качества этого я не слышал“.

Анализы д-ра Штальберга [привожу по д-ру Бубису (58)] доказывают как будто бы справедливость этого.

Быть может несомненно, что кочевники, культивируя дойную породу, и могли создать тип кобылиц, с особо разившимися под влиянием упражнения и наследственности молочными железами, выделяющими большое количество молока с большим количеством

сахара, но это могло быть полстолетия тому назад, когда кочевники действительно еще имели неизмеримые табуны лошадей.

В наше же время этого, несомненно, нет и теперь вполне можно присоединиться к вышеприведенному заявлению Н. Н. Михайлова.

Несомненно также и то, что нерабочая, хорошо упитанная и здоровая кобылица другой, нестепной породы, также может давать и достаточное количество и хорошего качества молоко.

Я считаю, что для получения хорошего молока нужно, чтобы кобылицы были сравнительно молодые (по Н. Н. Михайлову: «лошадь должна быть не очень молодая и не старая и, наконец, кормить жеребенка первый год») здоровые, хорошо упитанные, но не жирные, и в период лактации не обременены никакой работой.

Я очень сильно подозреваю, несмотря на уверения башкир владельцев так назыв. «нерабочих кобылиц», что эти кобылицы в зимнее время достаточно вовлекались в работу, что не мешало им давать летом молоко для приготовления прекрасного качества кумыса.

Мои распросы и наблюдения укрепили меня в том убеждении, что за немногими исключениями это действительно бывает так.

Н. Н. Михайлов же прямо утверждает, что: «теперь у башкир ни одной нерабочей лошади нет».

Долгое время, да, пожалуй, еще и по сию пору, огромное значение в получении хорошего кумыса придавали особым степным кормовым травам, именно, ковылю.

Действительно, истощенные зимней бескормицей кобылицы, выпущенные на подножный корм ковыльных пастбищ чрезвычайно быстро, так сказать на глазах, поправляются и откармливаются.

Известен также тот факт, что майский кумыс, получаемый во время цветения ковыля отличается особым ароматом и вкусом; эти два факта и создали определенное мнение о значении ковыля.

Я оставляю пока в стороне большую и остроумную критику Карриком лип, непризнающих это значение ковыля, оставляю также и замечание Н. Н. Михайлова о том, что лошади едят ковыль лишь в период его цветения в остальное же время предпочитают другие травы, так как ковыль после цветения «становится таким жестким, что его коса не берет, а лошади не едят его уже вовсе».

Остановлюсь только на опытах проф. А. С. Гинзберга с приготовлением искусственного кумыса в лабораторной обстановке как в степях, так и в Петербурге, показавших что кумыс ни по вкусу, ни по химическому составу, неуступающему лучшему «майскому» можно получить в июне, и в июле, и в любой месяц, и, что особый букет майского кумыса зависит от длительности приготовления кумыса и возраста культуры микроорганизма.

Такой же отличный «майский кумыс» получала ¹⁾ лабораторным способом проф. Л. М. Горвиц-Власова.

Как обстоит дело с пастбищем и кумысными матками в Сибири и Буреспублике?

В ботаническом и зоологическом отношениях Сибирь мало изучена.

О Западной Сибири А. П. Седельников в статье: «Растительность и животный мир» ²⁾ пишет: «растительность Западной Сибири можно разбить на четыре области: северную и полярных тундр, лесную, степную и альпийскую». Лесостепь — на юге Тобольской и Томской губ. Здесь березовые леса имеют растительность, которая «состоит из многих лесных форм в перемежку со степными и сорными». В южных березняках состав трав обогащается еще более степными формами ковыля».

Такая же точно растительность в березовых лесах так наз. Барабинской и Кулундинской степях. «Многие степные участки Тобольской губ. занимают черноземные почвы известные своим плодородием.

¹⁾ Напомню также об отмеченном Н. Н. Михайловым и хорошо известным в степях фактом, что с половины августа и в сентябре кумыс бывает по своему аромату и приятному вкусу несколько не хуже майского.

²⁾ Глава III «Россия», полное географическое описание нашего отечества под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского, том XVI.

Такие степи характеризуются обилием ковыля (*Stipa pennata* — чаще, реже *Stipa Richteriaana* и *Stipa capillata*), «дикого овса» и др. К степям же близка и растительность лугов, занимающих нередко громадные пространства (например по Оби, Иртышу, Ишиму, Тоболу, Туре и др.).

«Состав растительности Томских степных участков богаче и разнообразнее Тобольских».

В Барабинской и Кулундинской степях «типичная для этих степей флора распадается по гривам. Ее образуют преимущественно следующие виды и ковыли (*stipa capillata* и *stipa pennata*)—«дикий овес».

Несколько напоминает Барабу Кузнецкая и Салаирская лесостепь „К южной и западной границам Барабы и Кулунды видную роль приобретают ковыли“.

„По своему составу травяная растительность Барабы и Кулунды в общем мало отличается от лесостепи Европейской России“.

Еще менее изучена растительность быв. Восточной Сибири и Забайкалья.

В труде Г. А. Стукова «очерк флоры Восточного Забайкалья» (Чита, 1907 г.) в списке трав можно найти указанные на *stipa capillata* и *stipa sibirica*.

Он пишет, что луга суходолов особенно там, где преобладает по преимуществу Забайкальский злак известный под именем востреца, дают сено по питательности превосходящее сено из других трав и приводит слова Зензинова: „Это венец всей здешней группы кормовых трав... При откармливании сеном этого растения дойных коров, молоко делается густым, подобно сливкам“.

Пастбища с ковылем имеются и около г. Нерчинска, Газ. „Забайкальская Новь“ в 1909 г. по поводу открытия кумысолечебницы (о чем я упомянул уже раньше) пишет: «место это обладает богатыми пастбищами, покрытыми ковылем».

Северная половина Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей имеют сплошные ковыльные степи. Такое же наличие ковыльных степей (по крайней мере в отдельных местностях) есть и в Алтайской губ., например, около курорта «Лебяжье».

В цитированной мною ранее работе д-р Г. Н. Удинцев пишет, что здесь имеется «ковыльная степь в окружности с ее прекрасными пастбищами для кобылиц».

Уже из этого краткого обзора видно, что в Сибири имеется масса мест с прекрасными пастбищами, состоящими из высокой ценности кормовых трав до знаменитого ковыля включительно и, что с этой стороны есть все условия для развития в Сибири кумысолечебного дела.

Несколько слов о пастбищах нашего времени на местах „родины кумыса“ в кумысных районах.

Агроном А. Грачев (59) пишет: „Из всех районов степь с благородным ковылем (*stipa pennata*) появляющимся после оставления пашни в залежь через 35—40 лет, имеется лишь в Оренбургском районе в совхозе Уранбаги. Здесь действительно имеются настоящие ковыльные степи, с которых снимают урожаи ковыльного сена.

Кроме того здесь много типцовых степей с овечьей овсяницей, степной тимофеевкой и пыреем с разнотравием.

В Троицком районе ковыльных степей не наблюдается...

Шафрановский район типичных степей не имеет. Тут скорее пырейные залежи и местами типцовые степи с овечьей овсяницей и с всевозможным разнотравием, что же касается Новоузенского района, то здесь тоже ковыльных степей не наблюдается и степь покрыта пыреем с полынью и овечьей овсяницей, причем в низинах встречаются целые формации вейника.

Долгий и старый спор о преимуществах степей „родины кумыса“ и исключительной роли ковыля для кумыса историческим ходом событий решен: прежних ковыльных степей в кумысолечебных районах уже нет.

Но там есть хорошие кормовые травы также как и есть они в нашей необъятной Сибири и в Бурреспублике, а следовательно, так это оно и есть на деле, есть возможность получения хорошего молока для кумыса и кумысолечебниц.

Также разрешен и спор о выборе кумысных маток: тот же А. Грачев пишет, что в кумысолечебных районах: «большинство кумысных маток—киргизской породы, которые

куплены в Сибири (курсив наш М. П. М.) в окрестностях городов Павлодара, Каракалинска и Семипалатинска».

Отсюда, очевидно, в случае надобности и можно доставать кумысных маток в места, где развивается кумысолечение в Сибири.

Но я убежден и позволю себе утверждать и, среди местной породы можно найти хороших дойных кобылиц. Быть может и не совсем таких, о каких сообщает в своей статье «Опыт кумысолечения в Буреспублике» («Вопросы туберкулеза» № 4 1928 г.) д-р Г. А. Нагибин, который имел возможность наблюдать, 15 кобылиц, отобранных из т. н. бродячих диких табунов (всю зиму пасущихся в тайге) и все лошади отличались несмотра на свой малый рост, удивительной молочностью: это были „ведерные кобылицы“.

Но доить их по заявлению Г. А. Нагибина, вследствие их дикости, удавалось при условии участия в этом не менее 6-7 мужчин и такие кобылицы для практики непригодны.

О непригодности таких кобылиц писал мне в своем отчете*) д-р Шабанов: «Многие из них оказались чрезвычайно дикими, недопускавшими к себе близко рабочих их приходилось ловить на аркане, а затем стреноживать для доения и за это время почти все молоко пропадало: или кобылица во время бега изливала его, или она, нервничая, задерживала его в своих молочных железах при доении; от такой усталой, взмыленной кобылицы выдаивалось не более одного, двух стаканов».

Не говоря уже о том, что такие кобылицы, если их можно достать, как я сказал для практики непригодны, но я позволю себе поставить под сомнение и самый факт такого невероятного ведерного удою.

Вероятнее всего д-р Г. А. Нагибин введен был в заблуждение и «ведерный удою» диких кобылиц одна из „легенд творимых“ доильщиками („выдоить все нельзя-кобылица не дается, а то бы было не меньше ведра“)...

По крайней мере с таким стремлением к преувеличениям удожности своих кобылиц со стороны их владельцев мне пришлось встречаться.

Запрошенный мною в свое время быв. зам. Наркомздрава Буреспублики д-р В. Н. Жинкин по поводу удожности бурятских кобылиц мне ответил о их, в общем, малой удожности, в среднем до 4-5 пивных бутылок в день.

Такова же удоливость бурятских кумысных маток на нашем курорте „Усолье“: самая большая удожность (я наблюдал только одной матки за три сезона) при подкармливании сеном равнялась 9 пивным бутылкам.

Вот, что пишет величайший знаток и пионер кумысного дела Д. А. Каррик (I) (стр. 43) по поводу указания д-ра Сокольского на существование таких кобылиц «ведерниц» «если бы только знать где их приобрести». «Кочевники доят своих кобылиц от 4 до 8 раз в день, получая от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ бутылки молока от каждого удою».

В кумысолечебных заведениях, где доение происходит также часто, но получается около шампанской бутылки, а иногда и более на всякий удою. Такая поразительная разница зависит от голодовки в первом случае и хорошем, почти усиленном питании, во втором»...

В кумысолечебнице у самого Каррика удоливость была от 2 до 6 бутылок. И только от 15 отборных кобылиц, посланных им на «Международную выставку Здравия» — в Лондон в 1884 г. «давали при усиленном корме, правда при почти полном отсутствии движения до девяти бутылок молока».

Н. Н. Михайлов (для Уфимск. губ.) считает, «при обычных условиях дойная кобылица дает всего от 3 до 6 бутылок молока в сутки и только при самых лучших условиях и очень редкая матка может давать по 8 бутылок (стр. 12).

То же могу подтвердить для Уфимской губ. и я.

Агроном А. Грачев (59) говорит об удоливости в 6—7 бутылок для Новоузенского и Троицкого района и о 4 бутылках для Шафранского и Оренбургского районов и считает, что такая разница зависит от способа дойки (с подпуском жеребят к вымени матки — в первом случае и в присутствии жеребят во втором).

*) Отчет о кумысолечебнице при Эхирит Булагатском аймаке 1922 г., улус Мельзани близ с. Балдад.

На основании этих данных необходимо прийти к выводу, что и среди местных пород можно найти кумысяных маток с достаточной удоилливостью и, что в этом отношении большой разницы между кобылицами сибирскими и башкирскими нет.

Опыт курорта Усолъе и Центральной Кумысолечебницы Буреспублики говорят за это.

Г Л А В А VI.

Итоги, выводы и заключение.

Все приведенные мною до сих пор факты и сообщения приводят к выводу, что влияние кумыса на организм сложно и зависит не только от содержания в нем тех или иных питательных веществ, но и от других компонентов кумыса: алкоголя, углекислоты, минеральных веществ, витаминов и, что это влияние охватывает целый ряд систем организма в конечном итоге чего и получается то суммарное влияние, метко и по существу определенное формулой «Нестора кумысолечения» Н. В. Постникова «nutrit, vororat et alterat» — «питание, укрепляет и обновляет».

Действие кумыса на организм постоянно и неизменно.

Конечный же эффект лечения кумысом — различен в зависимости от методики применения, дозировки кумыса, заболевания, при котором кумыс применяется, и от сопутствующих обстоятельств. Например: лечение в санаторных условиях, лечение на родине кумыса в кумысолечебных районах или вне степной обстановки, при благоприятствующих лечению климатических факторах или при неблагоприятствующих условиях, вроде башкирского «метода лечения» и т. д.

Я позволю себе считать, что систематически проведенный и выполненный мною план изучения кумыса в достаточной степени установил самодовлеющее лечебное значение кумыса. Кумыс-целебное средство, и следовательно его можно применять не только на месте его родины.

Клинических данных и наблюдений над степным и нестепным кумысом теперь накопилось достаточно.

В дальнейшем дело за экспериментально-лабораторным изучением кумыса.

И не только клиницистами, — но и фармакологами — с точки зрения фармакодинамической.

Между тем, как это ни странно, я в доступной мне литературе нигде не нашел указаний на такое изучение нашего отечественного, единственного в своем роде и во всем мире — кумыса. В моих беседах с фармакологом проф. Н. П. Шавровым (позволю себе здесь принести ему свою сердечную и искреннюю благодарность за ряд ценных указаний о фармако-динамической ценности отдельных компонентов кумыса), я получил подтверждение этого факта.

Изучение с фармако-динамической точки зрения «лабораторного кумыса», приготовленного по указанному мною ранее способу проф. Л. М. Горовиц-Власовой («штандартного кумыса») бесспорно выявит, я в этом глубоко убежден, высокую ценность кумыса.

И спор о возможности применения кумыса не только на месте его родины («степного кумыса»), но повсюду, где его только можно получить будет бесповоротно разрешен в положительном смысле.

Какие практические выводы о применении кумысолечения в условиях Сибири и Буреспублики.

В нашей необъятной и во многих отношениях щедро наделенной природой окраине есть много данных, способствующих развитию здесь кумысолечения.

Ряд местностей в летнее время имеют налицо все лечебные климатические факторы, способствующие кумысолечению (большая инсоляция, сухость воздуха, резкие переходы от жарких к прохладным дням, огромная амплитуда ¹⁰ полуденной и ночной, ветры, барометрическое давление) мало или ничем неуступающим данным наприм., Уфимской губ.

Есть здесь и наличие тучных пастбищ с прекрасными кормовыми травами, доковыля включительно.

Есть и подходящие кумысные матки, словом, *налицо все условия для развития кумысолечения.*

Сопоставление результатов лечения в степных и сибирских кумысолечебницах дает одинаковую картину.

Я думаю, что глубоко прав ч. пр. Э. А. Жебровский (17), высказывая мысль, что развитие широкой сети кумысолечебниц и кумысных ферм, а в связи с этим и более рациональное лечение туберкулеза легких, с'играет виднейшую роль в деле здравоохранения.

В особенности если кумыс будет применяться везде, где только есть возможность его приготвления и если он широко будет применяться с профилактической целью, при начальных т. наз. «претуберкулезных» формах старых авторов.

А это возможно в многочисленных местностях Сибири и Бурреспублики, где есть для этого все, благоприятствующие, факторы.

Если усвоить себе взгляд на кумыс как на весьма ценное лечебное средство, если признать, что в деле лечения туберкулеза легких кумысолечение, как особый терапевтический метод, должно играть огромную роль, если дальше принять во внимание, значительную распространенность заболеваемости туберкулезом легких в Сибири и особенно в Бурреспублике, а за все это говорит и логика и неоспоримые данные, то естественными практическими выводами будут:

1) Кумыс—напиток высокой терапевтической ценности. Кумысолечение, как особый терапевтический метод, можно применять везде, где только можно получить хорошего качества кумыс.

2) Длинный ряд местностей Сибири и Бурреспублики имеют все данные для развития в них кумысолечения.

3) Кумысолечение, играя видную роль в терапии и профилактике туберкулеза легких, есть могучий фактор в деле борьбы с туберкулезом.

4) В виду значительной заболеваемости туберкулезом легких в Сибири, а особенно в Бурреспублике расширение здесь сети кумысолечебниц и дальнейшее развитие кумысолечения особенно целесообразно.

Весьма интересный и поучительный пример значения кумыса дает история Якутии, где, как я об этом уже сообщал, кумыс в последнее время перестал быть тем продуктом питания, каким он был до второй половины прошлого столетия. Это губительно отразилось на здоровье нации, что, повидимому, обратило на себя серьезное внимание якутской общественности. М. Аммосов (60) в своей статье «Назад к кумысу» пишет «. . . народная медицина кочевых народностей распознала благотворное влияние кумыса на организм и превратила его в любимый напиток этих народностей. . . употребление кумыса об'ективно оказало громадное оздоравливающее влияние на организм этих народностей, в частности якутов».

По мнению этого автора, в виду заметного вырождения якутов, «. . . необходимо по всей Якутии громко и во всеуслышание бросить призыв—за внедрение среди населения кумысопитания. Кумыс лучшее средство физического оздоровления населения. Кумыс—спасение населения. Назад к кумысу».

Этот пламенный призыв Аммосова, с некоторой оговоркой в части кумысопитания (ведь кумыс не только питательное, но, главным образом, лечебное, не безразличное средство) о развитии кумысолечения следует всемерно поддержать и подобно брошенному им Якутии лозунгу: «Назад к кумысу», по отношению к Сибири и Бурреспублике сделать лозунгом: «вперед к кумысолечению».

Профессиональные и социальные болезни на стекольном заводе.

Человеческий организм, как известно, подвержен многочисленным и разнообразным заболеваниям. Изучая причины этих заболеваний, мы видим, что они большей частью находятся в неразрывной связи с профессиональными и социальными условиями, т. е. условиями труда и быта.

Мы видим, что группы людей, объединяемых однородной работой, имеют предрасположение к заболеванию одинаковыми болезнями. Так, например: среди рыбаков распространены ревматические заболевания, среди типографских рабочих — легочные и т. д. Это не значит, что профессия сама по себе является причиной болезни, но она производит в организме некоторые изменения, в силу которых ослабляет его и делает более восприимчивым к заболеваниям. Возьмем, например, туберкулез. Возбудителем его является Коховская палочка. Палочек этих в окружающем нас воздухе имеется много и мы их вдыхаем вместе с пылью, но если легкие здоровы это не страшно, а вот у типографского рабочего ткань легких часто бывает повреждена той свинцовой пылью, которую он дышит и повреждения эти являются очень благоприятными для развития Коховской палочки. А, когда она получает возможность легко и свободно развиваться, она неминуемо приводит к туберкулезу. Таким образом, если бы данный больной не работал в типографии, или работал бы в других лучших условиях, то возможно, что он бы и не заболел. Этого нельзя утверждать наверняка, но большой процент такой возможности имеется.

Те болезни, в возникновении которых, если не главную, то во всяком случае весьма значительную роль играют условия работы, объединяются в особую группу так называемых, профессиональных болезней, изучение которых является одной из важнейших отраслей медицинской науки — вообще, и нашей советской медицины — в особенности.

Советская медицина в лице органов здравоохранения, стремясь к тому, чтобы на все 100 проц. обеспечить трудящихся своевременной квалифицированной медпомощью, все же главной своей задачей считает не столько лечение болезней, сколько профилактику, т. е. предупреждение их, изучение причин их возникновения и борьбу с этими причинами вплоть до окончательного их устранения.

С этой точки зрения изучение профессиональных болезней приобретает исключительное значение, и мы действительно видим, что советской властью и советской общественностью этому вопросу уделяется максимум внимания, сил и средств.

Изучать влияние условий труда на организм и заболеваемость его легче там, где имеются большие группы людей, объединенных одинаковой работой. Чем больше материала для изучения, тем выводы будут более точными и ценными. Поэтому, главная работа по изучению профессиональных болезней ведется в промышленных районах с крупными фабриками и заводами, с занятыми в них многими сотнями, тысячами и десятками тысяч рабочих.

У нас, в Бурятии, особо крупных промышленных предприятий нет, но и те, которые имеются, могут дать достаточно интересный материал, тем более, что помимо общих

моментов, объединяющих все одинаковые предприятия, имеются и моменты местного значения, подлежащие особому каждому раз изучению.

С этой целью Верхнеудинский тубдиспансер наметил произвести обследование ряда местных промышленных предприятий и в первую очередь стеклозавода, как наиболее крупного.

Изучая влияние профессиональных, т. е. технических причин на заболеваемость, не следует упускать из виду, что в истории возникновения и развития болезни на ряду с техническими, производственными причинами не менее, а очень часто и более важную роль играют причины социального характера, т. е. условия быта. При чем весьма часто эти два ряда причин настолько тесно переплетаются между собою, что разграничить их становится затруднительным или даже невозможным. Для пояснения нашей мысли возьмем примером опять таки туберкулез, который является одной из наиболее распространенных профессиональных болезней и в то же время самой распространенной социальной болезнью.

Если мы с'умеем поставить производство так, что бы устранить из него все моменты, способствующие развитию туберкулеза, то этим мы, несомненно, добьемся исчезновения этой болезни, как профессиональной. Но, если с прекрасно оборудованной, по последнему слову науки и техники, мастерской, рабочий будет возвращаться домой в сырую, тесную, грязную квартиру, с отсутствием достаточного света и чистого воздуха, будет при этом жить грязно, питаться плохо, пить алкоголь, неумеренно курить и т. д., то понятно, что туберкулез останется, но уже не как профессиональная болезнь, а как болезнь социальная.

Учитывая все изложенное, мы—приступая к обследованию рабочих стеклозавода, не ограничивались изучением только технических, производственных моментов, а подходили к этому вопросу шире и рассматривали каждого рабочего в совокупности всех тех моментов, которые и составляют его производственную и социальную обстановку.

Обследование мы производили в течение трех месяцев, с ежедневными выездами на завод. Гораздо целесообразнее было бы производить эту работу в диспансере, где имелись все приспособления, но мы опасались плохой посещаемости и в этом отношении оказались правы, т. к. даже и при выездах на завод мы все же столкнулись с недостаточным сознательным отношением рабочих, выразившимся, именно, в плохой и неохотной посещаемости, благодаря чему наше обследование затянулось дольше, чем следовало.

Всего мы пропустили 280 человек, которые по различным признакам распределяются следующим образом:

По национальности: бурят—16 чел. (5,7%), русских и других—264 ч. (94,3%); по полу: мужчин—211—(75,4%), женщин—69—(24,6%), по возрасту: до 20 лет 63 ч. (22,5%), до 30 лет—100 (35,7%), до 40 лет—59 (21%), до 50—37 чел. (13,3%), выше 50 лет—21 человек (7,5%); по профессии: выдувальщиков—100 человек (35,7%), шуралей—17 чел. (6,1%), разводчиков 20—человек (7,1%), рабочих—104 чел. (37,1%), прочих 21 человек (7,5%), составщиков и дробильщиков 18 человек—(6,4%); по состоянию здоровья: сердечных—миокардит (забол. сердц. мышцы)—60 чел., порок сердца—90 чел., эмфизема легких (расширение)—96 чел., туберкулез—44 чел., подозрительных по туберкулезу—35 чел., прочих заболеваний 75 чел., здоровых—28 чел. или 10%.

При этом нужно оговориться, что цифра заболеваний, отмеченных нами среди стеклозаводских рабочих, не сходится с количеством обследованных, а превышает его, т. к. в некоторых случаях у одного и того же рабочего имеется не одна, а несколько болезней, например эмфизема, миокардит, катар желудка и т. п.

Таким образом, мы видим, что самыми распространенными болезнями на стеклозаводе являются сердечные и эмфизема. Для выяснения того, являются ли эти болезни следствием данной работы, т. е. болезнями профессиональными, мы обследованных распределили по нижеследующей таблице, принимая во внимание пол, возраст и отрасль работы.

Возраст	Миокардит			Эмфизема			Порок сердца		
	Мужчин		жен- щин	Мужчин		Жен- щин	Мужчин		Жен- щин
	выду- вальщ.	прочие		выду- вальщ.	прочие		выду- вальщ.	прочие	
До 20 л.	6,6 %	—	—	33,3 %	—	—	43,3 %	10 %	26 %
» 30 л.	12,2 %	5 %	—	51,2 %	10 %	—	29 %	39 %	44 %
» 40 л.	50 %	29 %	7,6 %	100 %	26 %	7,6 %	0	22 %	46 %
» 50 л.	69,2 %	69 %	22,2 %	100 %	86 %	22,2 %	15 %	33 %	55 %
выше 50 л.	83 %	44,4 %	33,3 %	100 %	66 %	33,3 %	17 %	11 %	33 %

Что же мы видим из этой таблицы. Возьмем эмфизему. У женщин, которые выполняют на заводе сравнительно легкие работы, не связанные с тяжелым физическим трудом, мы имеем очень мало случаев и те немногие падают на пожилой возраст. У мужчин же громадный процент, при чем неодинаковый у разных групп, а именно: у выдувальщиков, работа которых требует помимо чисто физического напряжения еще и сильного напряжения легких, процент эмфиземы немного выше, чем у остальных рабочих. Правда, часть случаев мы и здесь должны отнести на счет возраста, но все же в главной своей массе эмфизема здесь является следствием условий труда, т. е. ясно выраженной профболезнью.

В отношении миокардита нужно сказать, что болезнь эта присуща преимущественно пожилому возрасту и возникает при различных обстоятельствах, среди которых не малую роль играет продолжительный тяжелый физический труд. Рассматривая больных миокардитом на стеклозаводе, мы видим резкую разницу между выдувальщиками и остальными группами, во-первых, в отношении проц. заболеваемости, а главное в отношении возраста. Среди выдувальщиков мы находим значительный проц. миокардита в таком возрасте, в котором у других его или совсем нет, или в гораздо меньшем проц. Это обстоятельство приходится отнести за счет того, что работа стеклодувов является очень тяжелой физической работой и, кроме того, производится в непосредственной близости печи при очень высокой температуре, каковое обстоятельство усиливает нагрузку сердца, таким образом, миокардит мы можем отнести к профболезням стеклозавода, преимущественно стеклодувов.

Что касается порока сердца, то таблица рисует нам пеструю картину, как будто, идущую в разрез с первыми двумя. Это объясняется тем, что порок сердца часто развивается от причин случайного характера, не имеющих ничего общего с работой данного субъекта. Как пример, укажем хотя-бы инфекционные заболевания, ревматизм, врожденный, расположение местности и т. д., так, что порок сердца рассматривать, как болезнь профессиональную не приходится.

Теперь перейдем к туберкулезу, выявление которого, по существу, являлось главной задачей нашего обследования. Случаев туберкулеза установлено сравнительно не много—44. Из них 19 с активной формой, и 2 бациллярных. Остальные старые зарубцевавшиеся верхушечные процессы. Кроме того, имеется еще подозрительных по туберкулезу 35 чел., окончательный диагноз которых установить пока не удалось, благодаря, опять таки, недостаточной сознательности рабочих, выразившейся на этот раз в том, что несмотря на наши самые настойчивые просьбы прийти на повторный осмотр, принести для исследования мокроту, нам этого добиться не удалось. Мы неоднократно по этому поводу обращались в комиссию охраны труда, но и это не дало желаемых результатов.

Выявленных нами туберкулезных мы вначале разбили по роду работы на отдельные группы, но получили для каждой из них незначительные и в процентном отношении приблизительно однородные цифры на основании чего и пришли к выводу, что причины туберкулеза у рабочих стеклозавода мы должны искать не в условиях их работы, а в условиях быта. Для выяснения этой стороны вопроса тубдиспансером была выделена сестра совета социальной помощи, которая попутно с нашей работой производила обследо-

дование бытовых условий рабочих. За недостатком времени было обследовано всего 180 чел. Обследование выявило следующие моменты. В отношении жилищных условий: нормальная кубатура на одного человека и выше нормы найдена в 17 проц. случаев, остальные 83 проц. ниже нормальной. Понятно, что такое положение является очень неблагоприятным бытовым условием, которое не могло не оказать своего влияния на развитие туберкулеза. И действительно, из 19, найденных нами больных с активным туберкулезом, 10 относится к группе с кубатурой ниже нормы. С компенсированными формами на эту группу приходится около 70%.

В отношении света дело обстоит значительно лучше: неудовлетворительно у 24% и удовлетворительно у 76 проц. Гигиена жилища у 80 проц. удовлетворительна и у 20% неудовлетворительна. Это тоже не плохо и в особенности, если принять во внимание, что эти 20 проц. преимущественно одиночки. В отношении личной гигиены положение еще лучше—неудовлетворительно только в 10 проц.

Очень интересными являются данные о размерах бюджета рабочих на одного человека и его распределение.

На одного человека	до 8 руб.	— 7%
»	»	» 10 » — 6%
»	»	» 15 » — 25%
»	»	» 20 » — 15%
»	»	» 30 » — 27%
»	»	» выше 30 » — 20%

По вопросу об употреблении алкоголя и табака мы выяснили, что среди мужчин пьющих 27 проц. и курящих 72 проц., а среди женщин эти же цифры 3 проц. и 13 процентов. Расход на эти потребности выражается в среднем на одного человека: на вино 5 р. 50 к., на табак 3 р. 16 к. Очень интересно сопоставить с этими цифрами расход на культурные надобности, выражающийся в 2 р. 19 к. на семью. Цифры эти говорят сами за себя и нам кажется, что товарищам рабочим следует над ними подумать и что то такое сделать. Такое положение, когда на вино тратится в 2½ раза больше, чем на культурные потребности, является очень печальным и с общественной точки зрения и со стороны охраны собственного здоровья. Положение еще усугубляется тем, что расход на культурные надобности рассчитан на целую семью, тогда как весь расход на вино приходится, обычно, только на одного члена семьи. Не лишне еще отметить, что указанный нами расход на вино является средним и немало имеется отдельных случаев, когда расход этот достигает 20 и даже 30 рублей. Нужно также сказать, что мы в число пьющих включили только тех, которые пьют систематически, если же принимать во внимание тех которые пьют изредка, при случае, то пьющих окажется большинство почти все.

В заключение мы остановимся на некоторых моментах, которые являются на наш взгляд недочетами, и устранение которых могло бы оказать значительное влияние на оздоровление рабочих.

Во-первых, отметим работу составщиков и дробильщиков. Насколько нам известно на более или менее оборудованных заводах превращение в порошок, входящих в состав стекла веществ (кварцевый песок, сульфат, известь, окись свинца и др.), а также смешивание и просеивание их производится специальными машинами при полном отсутствии пыли, у нас же работы эти в особенности составщиков проводятся самым примитивным способом, лопатами, с выделением огромного количества пыли, которую рабочие вдыхают. Пыль эта, будучи минерального происхождения, производит ранения легких, делаая их более восприимчивыми к легочным заболеваниям, и действительно среди дробильщиков и составщиков мы нашли 20 проц. с активным туберкулезом (из них два бацилярных) и 33 проц. с компенсированным. Можно смело сказать, что здесь имеется налицо явная профвредность и, повидимому, такая, которая сравнительно легко может быть устранена. Попытка к предохранению от пыли была сделана, раздачей респираторов, но они так неудачно сделаны, что вместе с пылью задерживают и воздух, и рабочие их не носят.

Затем коснемся долбежки долоков. Она производится в каком-то темном закоулке, рядом с печью при высокой температуре и при наличии вредных газов (углекислого

и сернистого). Это, понятно, легко устранимо и должно быть устранено отведением для долбежки отдельного соответствующего помещения.

Затем о корытцах для остуживания халаев; они деревянные и без стока. Рабочие моют в них лицо и руки, а так как, благодаря отсутствию стока, вода в них меняется очень редко, примерно раз в неделю, она чрезвычайно загрязняется, мы даже видели тину на дне. Необходимо корыта эти сделать оцинкованными, со стоком и возможно чаще менять воду. Это, между прочим, повело бы и к уменьшению травматических случаев, так как многие из них причиняются дротами и в этих же корытцах, где, благодаря редкой смене воды, они накапливаются в значительном количестве. Попутно отметим, что травматические повреждения являются вообще самой распространенной формой заболеваний на стекольном заводе в виде порезов, ожогов и дротизма. По статистике амбулатории видно, что из 8000 первичных посещений 6000, т. е. около 80 проц, приходится на травмы. Мы полагаем, что рационализацией некоторых моментов производства можно было бы значительно уменьшить это огромное количество травм. В частности, например, нам передавали, что еще очень недавно бывало много тяжелых порезов, благодаря слишком узкому проходу между остывающими халаями. В настоящее время их огородили досками и таких порезов больше нет. Рационализация в данном случае чрезвычайно простая и приходится только удивляться, что до нее не додумались раньше.

К недочетам уже не только завода, сколько самих рабочих, нужно отнести питье ими сырой воды. Этим вопросом мы интересовались в охране труда, и нам там сообщили, что кипяченая вода имеется всегда в достаточном количестве, но рабочие предпочитают пить сырую, и в результате довольно частые заболевания брюшным тифом. Подобное обстоятельство при добром желании самих рабочих легко может быть изжито, и нам казалось бы, что рабочие стекольного завода достаточно сознательны и развиты, чтобы понимать вред питья сырой воды и отказаться от этой дурной привычки.

Помимо брюшного тифа по статистике амбулатории значительное количество заболеваний падает на рожу, грипп и ревматизмы. Эти болезни в данном случае являются чисто профессиональными и вызываются: рожа—частыми порезами, а последние две крайне резкими изменениями температуры.

В отношении венерических болезней мы только опрашивали рабочих о наличии их и от всех без исключения получили отрицательный ответ. Признаться мы сомневаемся, чтобы вопрос этот обстоил так уж хорошо и думаем, что обследование стекольного завода вендиспансером выявит картину гораздо менее благополучную.

К недочетам производства нужно отнести и то, что при выдувании халаев, мастера и их помощники пользуются одной трубкой. Это чрезвычайно облегчает передачу всякой инфекции (заразы) и нам казалось бы необходимым ввести отдельные для каждого рабочего мундштуки.

Не совсем благополучно обстоит вопрос с санитарией завода. Если мы выше указывали, что у рабочих, жилищная и личная гигиена находятся в удовлетворительном состоянии, то, к сожалению, этого совершенно нельзя сказать о самом заводе, и его санитарное состояние оставляет желать весьма многого. Особенное внимание и, притом срочно, нужно обратить на ночлежку, в которой нередко скапливается до 60 человек. Содержится она в явно антисанитарном состоянии и является настоящим клоповником. Примерно, в таком же положении находится так называемая смотрительская, где тоже скапливается много народа, и которой тоже не мешало бы быть значительно чище.

Не можем также обойти молчанием жилищный вопрос. Такое положение, когда у 83 проц. производственных рабочих кубатура ниже нормы, явно нетерпимо. Может быть нужно обратить серьезное внимание на развитие жилищного строительства. Во всяком случае, что то сделать нужно.

Заканчивая на этом свою статью, мы надеемся, что и рабочие и администрация стекольного завода прочтут ее с некоторым вниманием, сделают кое какие выводы и проведут их в жизнь и этим будут способствовать оздоровлению своего завода, достижение чего и являлось основной целью нашей работы.

Тункинские сойоты.

(Оленеводство и переход к скотоводству).

(Окончание).

В смысле плодовитости сойотского оленя дело обстоит очень хорошо. По приплоду 1926 г. видно, что почти все матки телились, если же взять только 3 хозяйства самых сильных, то мы видим, что телились все 100% самок¹⁾. Вся беда в том, что молодняк не выживает, он гибнет от разных причин, а главное от волков. При малочисленности маток, конечно, всякий урон делается очень заметным и ощутительным. Так за 1925/26 годы было отмечено следующее количество оленей, погибших от разных причин, в том числе показано количество заколотых для своих нужд.

Г Р У П П Ы	Полезный расход		Бесполезный расход		Всего
	Заколото	Продано	От волков	От болезни.	
Оленеводч.	6	—	4	—	10
Переходная	—	—	—	3	3
Скотоводч.	—	1	2	1	4
Беженская	—	—	1	—	1
Итого	6	1	7	4	18

Эта цифра (18) учетного нами расхода оленей поглощает 75% от прироста данного года (24). Урон очень сильно отражается на состоянии оленеводства в группах скотоводческой, беженской и даже переходной, где приплод очень мал и каждый выбывающий олень несет сокращение в стаде, т. е. замены ему нет. Пополнять недостаток маток и вообще оленей путем закупки их в Урянхэе (у сойот) и у карагас, сойоты не могут по недостатку средств, да и граница для торговли закрыта. У карагас в данное время оленей для себя не хватает; но главное для скотоводческих групп,—это новые хозяйственные формы, когда сойоты могут обходиться без оленей или иметь их в минимальном количестве. Вот почему год от году количество оленей уменьшалось. Так по переписи 1917 г.²⁾ у сойот на 61 хозяйство приходилось 242 оленя, а по данным 1926 г. оленей осталось 125 голов на 63 хозяйства, т. е. за 9—10 лет произошло уменьшение почти на 50%. Детализируя это уменьшение, мы получаем следующее соотношение, подтверждающее наш вывод.

1) Два теленка пропали во время отела, поэтому в итоге показано телят меньше, чем маток.

2) В 1917 г. беженцев не было отмечено и в 1926 г. они для сравнения не приводятся.

Г Р У П П Ы	1917 г.		Колич. оленей	1926 г.		Колич. оленей
	Ч и с л о			Ч и с л о		
	хо- зяйств	насе- ления	хо- зяйств	насе- ления		
Оленевод.	8	44	61	8	28	63
Переходн.	53	258	181	14	59	32
Скотоводч.				49	225	29
Итого . . .	61	—	242	71	—	124

Из этих данных видно, что уменьшение произошло за счет скотоводческой и переходной групп, где число хозяйств увеличилось до 63, а количество оленей уменьшилось до 61, т. е. в 3 раза. В оленеводческой группе хозяйств осталось то же число—8, но количество оленей возросло на 2 головы. Выше говорилось о выселении беженцев из оленеводческой группы, поэтому цифра 8 хозяйств может показаться странной. Анализируя эти 8 хозяйств и сравнивая с хозяйствами 1917 г., мы видим, что они по числу населения уменьшились с 44 человек до 28 ч. Получилось это, главным образом, потому, что часть хозяйств ушла в другие группы, а на место их из оставшихся выделились новые хозяйства, но с меньшим числом населения. Таким образом, произошло разукрупнение хозяйств частично за счет прироста населения. По процессу увеличения оленей в оленеводческой группе можно говорить об известной устойчивости, о равновесии при самых неблагоприятных экономических и др. факторах (1917—1926 г.), сильно влияющих на уменьшение числа оленей. Эта устойчивость дает право думать, что при изменении экономического положения в лучшую сторону, увеличение оленей будет обеспечено и группа вполне будет иметь право считать себя резервом для других групп с хозяйством малооленного типа. Наблюдаемая у сойот форма малооленного хозяйства могла выработаться только в процессе постепенного увеличения рогатого скота коров, яков, лошадей и овец. Появившийся скот заставил сойот оленеводов оседать на более постоянных местах с удобными пастбищами, что вынудило их спуститься с высокогорных моховых пастбищ в долины. Но новые места были малоудобны для оленя. Вставал вопрос—«как быть с оленями?» Первое время приходилось жить на два дома, т. е. оставлять кого либо из семьи с оленями или с коровами. Подобное явление и сейчас можно наблюдать в сильных оленеводческих хозяйствах, когда отец старик или работник целое лето пасет оленей в гольцах, а хозяин с семьей живет в местах удобных для остального скота—коров, лошадей. Раньше были такие случаи, когда сойот, имеющий двух жен, держал одну с оленями, а другую с коровами, овцами, лошадьми, сам же жил, переезжая от одного хозяйства к другому. Но не всегда можно было дробить семью, а поэтому приходилось иногда нанимать пастуха, а чаще всего отдавать своих оленей пасти тем сойотам, у которых еще не было коров, овец, или они могли жить на два хозяйства; вот они то и пасли чужих оленей со своими стадами. Таким образом, появились зародыши общественных оленьих пастухов, которых мы наблюдаем в данное время в оформленном виде.

Встречаются и такие случаи пастбы, когда сойоты совместно с бурятами нанимают пастуха, который пасет всех оленей, нанявших его хозяев. Такой случай наблюдался на р. Бурун-Голе, притоке р. Оки, где нет сойот с достаточным количеством оленей, а отдавать их в Ильчир далеко; выход нашли в общественном коллективном пастухе, нанятом на известное время.

Условия пастбы таковы: пастух получает с каждой головы до 3 и более рублей в лето и часто еще дополнительно дают масло, кожу и др. Иногда он выговаривает вместо денег по 3 белки за оленя. Кроме этого, он пользуются молоком оленей за все время пастбы. По договору пастухи никогда не отвечают за погибших оленей от причин от них не зависящих—зверя, болезни и т. п. Приплод всегда идет хозяину оленя,

а пастух при этом получает подарки, что нибуль из одежды—шганы, сапоги (гутул) и т. п. Конечно, при подобных условиях пастбы могут быть злоупотребления со стороны пастухов. Вот почему необходимо, чтобы они были людьми надежными, показавшими себя с хорошей стороны.

В наблюдаемой форме малооленного хозяйства с общественными пастухами есть свои недостатки, но есть и кой какие преимущества. Недостатком будет то, что 2—3 оленя в хозяйстве легко могут погибнуть от болезней, зверя и др. причин. За летнее время, когда только и можно иметь от оленя молоко, оно используется в своем хозяйстве, так как оленя приходится отдавать пасти в районы для них благоприятные. Продуктов оленеводства получается мало. Следовательно нельзя говорить о полной эксплуатации оленя. Преимущество в том, что можно иметь оленей, живя в местности для них мало пригодной, так как малое количество оленей легко можно отдать пасти в другие районы, что мы наблюдаем в группах скотоводческой и беженской. Наличие оленя дает возможность иметь при промысле необходимого помощника. Можно иметь и некоторый приплод, если пастух хороший, добросовестный хозяин. Таким образом, можно согласовать оленеводство с новой формой хозяйства—скотоводством, которое все больше захватывает сойот.

Выше уже говорилось, что сойоты были отеснены в самые глухие места, и, как более малочисленная и слабая экономически народность, легко подпали под влияние своих соседей. Способствовало этому и то, что сойот всего два рода Хасут и Ирхит (в пределах края)¹⁾ и один из родов как раз оказался осевшим около с. Тунки.

По обычаю (сойот) брать жену из своего рода нельзя, вблизи же были все буряты, с которыми приходилось на каждом шагу соприкасаться: на охоте, при обмене и т. п. Это и заставляло их родниться с бурятами. Жены-бурятки приводили в приданое скот. Так у сойот наряду с оленем появился скот, благодаря которому они вынуждены были оседать на более или менее постоянных местах, удобных для скота. Конечно, из поколения в поколение бурятское влияние косвенно и непосредственно через жен, матерей сказывалось все более и более; перестраивалась вся жизнь на бурятский лад, даже язык и тот забывается. Еще в половине XIX в. Кропоткин и др.²⁾ указывали на обурачивание сойот. Сейчас оно проникло еще глубже, нет ни одного сойота, говорящего на своем родном языке, если не считать 2 стариков, помнящих лишь некоторые слова и фразы из забытого языка.

Новые хозяйственные формы легко были восприняты сойотами, т. к. старые формы уже не удовлетворяли запросов жизни. Так во второй половине XIX века, особенно стало чувствоваться сокращение пушного промысла, основной базы сойотского существования. Старики с сожалением говорят о том времени, когда промыслы давали большие доходы. «Теперь совсем плохо, добудешь 50—60 белок и то считаешь хорошо, разве это промысел». Причин для сокращения промысла много; одни из них общие для Сибирского края,—как истребление зверя хищническими способом лова, заселение тайги и др. Но для сойот есть особая причина, а именно отсутствие у них своих охотничьих угодий, где бы они являлись хозяевами; они, как пришельцы, не успели укрепить за собой определенной территории, вот почему они так легко уступали пушные районы более сильным соседям-бурятам и русским, которые теснили их со всех сторон, захватывая лучшие места. При создавшихся обстоятельствах сойоты вынуждены были перенести свои заботы на появившийся скот, а оленеводство стало сокращаться, уступая свое первенство другим видам скота.

Нельзя обойти молчанием вопрос о влиянии на развитие скотоводства предпринимчивого Алибера, державшего на своем графитном присеке³⁾ коров, овец. Здесь сойоты самых глухих мест (улус Хончин, Ха-Мадон) наглядно видели возможность разведения

1) Церетолчин в рукописях отмечает в пределах Монголии в районе озера Косогол Урянхов 4 рода—Хасутов, Ирхит, Черхытын, Хурсклер; Нсимаи отмечал в Монголии 5 родов Халюши, Ирхит Хаасут, Аргамик и Итркигуй—ВСОРО. 1871 г.

2) Кропоткин П. „Поездка в Окинский караул“ ЗСОГО 1867 г.

3) Риттер К. „Землеведение“ т. IV.

3) Графитн. присек Алибера, находится в самой глуши, среди переходной группы, работал он с 1850, до 1859 г.

коров, овец и получаемые от этого выгоды.¹⁾ Есть данные, что Алибер, покидая прииск, оставил часть скота сойотам²⁾. Конечно, это только помогло общему переходу сойот к скотоводству, так как наличие скота заставило ограничивать свои перекочевки и в этих глухих и суровых уголках края. Черский в 1873 г. сообщал, что Бутугольские сойоты³⁾ получившие скот от Алибера, жили более оседло, чем сойоты верховьев р. Хончина, у которых еще не было скота, кроме оленя и нескольких лошадей. Подобное же влияние могли оказать или хотя бы углубить мысль о преимуществе нового вида скота азбестовые прииски в верховьях р. Китоа (работ. с 1903 г.). Здесь Ильчирские сойоты—база оленеводства, близко соприкасались и даже были втянуты в более постоянные торговые сделки с рабочими прииска, которые покупали скот на мясо, молоко, масло и др. Интересен вопрос одного сойота: „Скоро ли опять заработает прииск?“ „А, что вам даст прииск?“ «Тогда жить лучше будет, можно будет продать, да и веселее будет». В этих словах есть, пожалуй, то, что могло в бытность здесь прииска побудить сойот к разведению рогатого скота, как более молочного и мясистого по сравнению с оленем.

Во всяком случае процесс перехода от оленеводства к скотоводству начался давно и продолжается до настоящего времени. Старики в своих рассказах и легендах не помнят, когда среди сойот появилась лошадь, но настаивают, что в начале были только одни олени. Монгольские коровы появились вообще более 90 лет тому назад, но сарлыки (монгольские яки) лет 50 тому назад. В данное время сойоты имеют в довольно большом количестве лошадей, рогатый скот и овец. За 1926 г. у сойот числилось скота 2165 голов на 63 хозяйства,⁴⁾ распределенного по группам следующим образом:

ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ	Число хоз.	Оленей	Лошадей	Крупн. рогат. скота	Овец и коз	Всего	Приход на 100 челов.	С перевод. на пр. рог. скот
1) Оленевод. .	8	63	23	37	—	123	439	262
2) Переходная	14	32	67	203	75	377	639	437
3) Скотоводч.	35	29	195	938	396	1558	939	581
4) Беженская.	6	1	17	70	20	108	450	328
Итого . .	63	125	302	1248	491	2166		

В % % отношении к итогу.

1) Оленевод. .	12,7	51,2	18,7	30,1	—	100		
2) Переходн.	22,2	8,5	17,8	53,8	19,9	100		
3) Скотовод.	35,5	1,9	12,5	60,2	25,4	100		
4) Беженская	9,6	0,9	15,8	64,8	18,5	100		
Итого . .	100	5,8	13,9	57,6	29,7	100		

Общая обеспеченность скотом такова: оленеводы на 100 ч. имеют 439 голов и с переводом на крупный рогатый скот 262, переходная 639 и 437, скотов. 939 и 581 и беженская 450 и 328. Лучше всех обеспечены скотоводческая и переходная группы. Слабее беженская и еще меньше оленеводческая, но в этой группе мясной фонд компенсируется за счет убиваемых диких животных больше чем в других группах. Выше говорилось о количестве оленей в каждой группе. В данной таблице мы наблюдаем, как в группах с уменьшением оленей идет рост других видов скота (и наоборот). В олене-

1) Ферсман А. и Писарев С. Журнал „Природа“ № 10-12—1921 г.

2) Риттер. Земледелие т. IV.

3) Сойоты живущие по р. Хончину около гольца Бутугольского.

4) Группу земледельческую, как не имеющую оленей, из общего количеств. исключаю.

5) Взяты беженцы, живущие только в пределах СССР.

водческой группе оленей 51,2% (63 г.) из всего скота, а рогатого скота 30,1% (37 г.) в то время, как у скотоводов оленей лишь 1,9%, рогатого скота 60,2% и овец 25,4%, которых совсем нет в оленеводческой группе. По отдельным видам скота наблюдаются такие же изменения; из всего количества оленей на оленеводческую группу приходится 50,4%, а крупного рогатого скота только 3,0%, а на скотоводческую группу оленей приходится 23,2%, но крупного рогатого скота 75,1% и мелкого (овец, коз) 80,7%. Подобный процесс увеличения с одной стороны, и уменьшения с другой мы наблюдаем и в других группах.

Не останавливаясь больше на причинах этого изменения, я перехожу к самому оленю. Сойотский олень довольно крупный, сильный, с большими до 1 метра высоты ветвистыми рогами у быка, у жеребца рога несколько больше, а у самок почти в половину меньше и тоньше. Большой рост, сила, как видно общее явление для саянского оленя, хотя у сойот он несколько меньше карагасского ¹⁾. Размер взрослого оленя—самца надо считать таковым: высота в пределе 110-120 см (в холке), длина 116-128 см. Самка высотой 98-106 см., длина 105-112 см., теленок (ядзаган) в 2-3 месяца высота 70-78 см., длина 77-86 см. Трудно сказать без детального изучения, что и в какой степени влияет на уменьшение роста сойотского оленя по сравнению с карагасским. Возможно, что основная причина лежит в перегруженности их работой, так как при малочисленности их стали пускать в работу раньше предельного возраста. Влияют также и новые формы хозяйства, при которых образ жизни сойот изменился, а с этим изменился и уход за оленем.

По полу и возрасту оленей существует следующее подразделение с соответствующими названиями.

Производитель жеребец *Азарга или Ытыр*

кладеный бык *Зари—Шар*

матка *Эмэ Саган Хутыр*

молодняк

по 4 году *Шудлэн Дунжин*

„ 3 лет *Мухутыр Гунжин*

„ 2 году *Даспун Бур*

„ 1 году *Ядзаган Тугул*

По масти встречаются олени серые, светло-серые и почти белые, а также от темно-коричневого до переходного к серому.

Грузоподъемность оленя самца доходит до 49 кил. (3 пуд.) мертвого груза; при живом грузе значительно больше; нормально он может возить на себе человека в 65 кил. (4 пуда) хотя встречаются быки поднимающие до 82 кил. (5 пуд.) живого груза. Самки возят груз до 33 кил. (2 п), а поэтому под верх их не используют. Седлают оленей, как лошадей, т. е. седло кладется на спину за лопатки по тунгусски (у тунгуса седло кладут на лопатки). Седла для оленя бывают верховые и вьючные. Верховое седло небольшого размера, состоит из деревянного ленчика (2 луки, 2 палицы и между них деревянная подушка) и чепрака из шкуры кабарги или жеребенка (снизу) и войлока (сверху) ²⁾. К седлу привязаны деревянные стремена, подхвостник, подгрудник, без подгрудного ремня и одна подруга. Седло притягивается слабо, чтобы не натирать оленю ран. Садятся в седло с пня, кочки, таким образом: седок сначала садится, а потом уже заправляет ноги в стремена. Палок при посадке не употребляют.

Вьючное седло проще, легче и состоит из двух слегка выгнутых досок (палиц) и 2 лук (дуг) из корня березы; соединены эти части ремнями. Чепрак под вьючное седло делается толще, чтобы не было надсадов на спине оленя. Управляют оленями посредством недоуздка с 1 поводком идущим из-под головы с левой стороны к седоку. Но несмотря на 1 поводок и отсутствие удила олень очень хорошо слушается каждого

¹⁾ Размер карагасского оленя по данным профес. В. Э. Пстри таков: самец высота 118-134 см самка высота 105-112 см. теленок 77-82 см. „Оленеводство у карагас“ 1927 г. г. Иркутск.

¹⁾ Перенесение название лошади и коровы на оленя больше наблюдается в скотоводческих группах

²⁾ Шкурка и войлок между собой ничем не скреплены и фигурируют всегда отдельно в виде 4 угловых кусков.

движения повода. Командные слова при узде на олене, это— „сю, сю, сюи“ или „ши, ши, ши“; в это же время седок помогает ногами и всем телом поддает вперед, употребляют и кнут-прут или слегка бьют поводком. Раньше ездить на самцах на охоту начинали с 4—5 лет, самку под полный вьюк пускали с 3-лет. Приучать к работе начинали самку с 2 лет, а самца с 3-лет, но теперь, при недостатке их, сроки эти сокращены и при промысле стараются использовать каждого оленя. Работает здешний олень в течение 12—15 лет. Старых оленей откармливают и колют.

Заканчивая настоящую статью, считаю необходимым указать, что переход от оленеводства к скотоводству у сойот интересен для нас не только в конечном его итоге — скотоводстве, но тем, что сойоты сами, без вмешательства государства и без указаний со стороны культурных руководителей, а исключительно в силу экономических причин, при физико-географических предпосылках, проделали опыт перехода от оленеводства к скотоводству. В данное время, как мы видим, основные этапы этого пути еще существуют. Учет этого опыта, изучение этих этапов необходимо использовать в деле перестройки жизни малых оленных народов. Для самих же сойот необходимо: 1) поддержать естественный ход развития общественных пастухов, чтобы таким образом сохранить оленя, необходимого при промысле, а в оленеводческой группе и для непосредственного благосостояния, 2) дать известные льготы сойотам оленеводам, освобождая их от всех налогов (сельско-хозяйственных), чтобы таким образом заинтересовать их в сохранении оленеводства; во всяком случае не приравнивать сойот—оленеводов к русскому и бурятскому населению, что у нас подчас наблюдается, когда сойот не отличают от бурят и на одинаковых с ними условиях облагают налогом¹⁾. 3) разрешить без пошлин покупать оленей в Урянхэе, чтобы таким образом сойоты могли хоть изредка освежать свои малочисленные стада.

Наличие оленей дает возможность проводить промысел с наибольшим успехом, а также будут, использованы те огромные горные районы с моховищами, которые без оленя будут лежать мертвым капиталом, пугая путника своей неприветливостью и безжизненностью. Таким образом, наличие достаточного количества оленей поднимет благосостояние сойот не только оленеводческой группы, но и переходной и даже скотоводческой. Возможности для известного развития оленного хозяйства есть, но их необходимо поддержать. В противном случае сойоты будут обречены продолжать свой путь перехода к скотоводству, который вынудит последних „могикан“ покинуть обширные моховые поля высокогорной тундры и сократить промысел до минимального размера.

1) Сойоты не освобождаются от с.-х. налога, что очень тяжелым бременем ложится на такие группы, как оленеводческая и переходная.

Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVI—XIX веках.

(Исторический очерк)

В переживаемую эпоху социалистического строительства изучение процессов социального и классового расслоения населения того или иного района является особенно актуальным: это изучение дает материал ориентирующего характера для целого ряда хозяйственных, социальных и политических мероприятий советской власти.

Но та ступень социальной дифференциации, которую исследователь констатирует в настоящее время, неразрывно связана с процессами расслоения, которые происходили в течение длительного периода исторической жизни данной народности. По отношению к вопросу о социальном расслоении у бурят-монголов взгляд в прошлое необходим тем более, что в исторической и публицистической литературе существуют по данному вопросу мнения, которые были высказаны без достаточного подкрепления их соответствующим фактическим материалом и поэтому могут и должны быть продискуссированы в свете и на основе конкретных исторических фактов. В данном случае, как и во многих других, «прошлое мы изучаем именно для того, чтобы понять то, что происходит теперь» (М. Н. Покровский).

Общезвестен взгляд историка и публициста А. П. Щапова на бурят-монгольскую родовую общину, где по его мнению, отсутствовала «торгашеская эксплуатация ближних» и наоборот, была налицо солидарность и общность всех членов общины, при чем на основе этой солидарности конструировались и поземельные отношения ¹⁾.

Необходимо затем несколько остановиться на положениях, высказанных в публицистических работах по революционного периода. Так, в брошюре «О бурятском самоуправлении», изданной в 1920 году Бурят-Монгольским Народно-Революц. Комитетом, автор ее П. Н. Дамбинов, ссылаясь на М. И. Богданова, высказывается в том смысле, что «родовой аристократии у бурят никогда не существовало. Власть у бурят не передавалась по праву наследства от одного лица к другому, хотя возможность такой передачи предусматривалась законом. Условия кочевого скотоводческого быта при отсутствии привычки или обычая накапливать недвижимое имущество не благоприятствовали сохранению богатства в ряде нисходящих поколений, так что этим путем не могли возникнуть и сохранить за собою экономическое влияние непосредственно богатые фамилии» (стр. 9).

Другой автор—А. И. Оширов, признавая наличие социальной дифференциации среди бурят-монголов полагает, что процесс классового расслоения бурят-монгольского населения «обозначился в бурятских улусах к моменту советизации Сибири» (статья «Десять лет Октября и бурят-монголы» в «Бурятоведческом сборнике», вып. III-IV, изд. 1927 г., стр. 9), а в другой более поздней статье высказывает мнение, что классовое расслоение в бурятском улусе «в широком масштабе началось только при советской власти, а в отдельных районах восточной Бурятии происходит в самое последнее время» («К вопросу о классовых и национальных моментах в партийном и советском строительстве»—«Бурят-Монгольская правда» 28 г., № 244—от 21 октября).

¹⁾ Богданов М. И. Очерки истории бур.-монг. народа, стр. 97, 99.

Цель настоящего очерка—проследить на основе исторической литературы, а также выявленных к настоящему времени архивных материалов—процессы социального расслоения бурят-монгольского населения на протяжении XVI-XIX веков, что даст возможность попутно установить, в какой мере подтверждаются историческими данными вышеприведенные положения. Само собою разумеется, что вопрос во всей его полноте может быть освещен лишь в обширной монографии—после того, как будет выявлено гораздо большее количество источников и материалов по истории Бурятии, чем имеется в настоящее время. Излагаемый ниже очерк ставит задачи более скромные: сгруппировать некоторые уже имеющиеся исторические факты, относящиеся к данной теме, и тем самым—с одной стороны—дать хотя бы ориентировочный материал для использования в целях практического строительства, а с другой—облегчить работу будущих исследователей, которые, располагая более обширным комплексом данных по социальной истории Бурятии, смогут разработать и осветить вопрос исчерпывающим образом.

* * *

В эпоху, когда происходило объединение монгольских племен Чингисханом, бурят-монголы обитались главным образом, в лесных и гористых районах нынешнего Забайкалья. Соответственно природным условиям этих районов главным занятием бурят-монголов в ту эпоху были летом—рыболовство, а зимой—охота, которая с течением времени превратилась в общественно-артельную, «облавную» охоту (зэгэтэ-аба). Племена и роды, объединенные этой артельной охотой, были не только простым производственным объединением охотников, но и военным отрядом. Военная организация в тот отдаленный период, когда бурят-монгольские племена жили в стадии охотничье-военного быта, сохранялась и в мирное время, и таким образом, общественно-артельная охота, с постепенным развитием и усовершенствованием ее организации легла в основу хозяйственного, социального и политического строя древних бурят-монголов. Выделение из общей массы руководителей и главарей охотничьей артели имело своим результатом социальное расслоение охотничьей общины. Во главе всего общества, выделившего из себя одну артель зэгэтэ-аба, стоял *галша*; он распоряжался всеми облавщиками как во время облавы, так и в домашней жизни и во время военных действий. Должность галши, сначала избирательная, впоследствии стала наследственной; галша сосредоточивал в своих руках и светскую, и духовную власть. Второе место после галши занимал *тобши*; он соединял оба крыла облавщиков; власть его передавалась тоже наследственно. На каждом фланге полагалось по одному *газарши*. Артель или военный отряд облавщиков распадался на несколько племенных или родовых групп; во главе каждой из них стояли *засулы*; наконец, каждая племенная или родовая группа разделялась на отдельные части по 20 человек, во главе которых стояли *малгаи*.

Соответственно такой организации власти, община зэгэтэ-облавщиков распадалась на несколько слоев. Первый, самый верхний слой, составляли родственники галши, тобши, и двух газаршей, а также кузнецы; в их руках сосредоточивалось все управление; с ними были в родстве все богачи. Второй слой составляли засулы, молгаи и все те, которые имели коней. Третий, низкий слой, составляли все, не имевшие коней, пешие. Лица высшего и среднего классов имели работников-наемников. Кроме последних был еще класс бесправных рабов, питавшихся на общественный счет. Их убивали при похоронах шаманов и приносили в жертву богам²⁾.

Таким образом, уже в эпоху охотничье-военного быта у бурят-монголов было социальное расслоение, характеризующееся наличием перечисленных групп.

Увеличение численности народонаселения, постепенное передвижение бурят-монгольских племен в степные местности южного Прибайкалья обусловили переход этих племен к другой форме хозяйственного быта—к скотоводству, к которому в добайкальской части Бурятии присоединились начатки земледелия. Этот переход имел свое отражение и в области социальных отношений.

²⁾ Исследованием хозяйственных и социальных отношений периода зэгэтэ-аба занимался, главным образом, Хангалов. Указанная выше схема социальных групп приведена у Богданова. Очерки... Стр. 4.

Русские, вторгнувшись в первой половине 17-го века в Восточную Сибирь, застали бурят-монголов в стадии скотоводческого хозяйства. Представляли ли бурят-монгольские племена в этот период однородную, «сплошную» в социальном отношении массу или среди них существовали группы, которые по своему хозяйственному и социальному значению, возвышались над этой общей массой? Ответ на этот вопрос дают многочисленные исторические документы, возникшие в связи с завоеванием Сибири русскими—донесения сибирских воевод, «отписки» казачьих атаманов и рядовых казаков и т. п. Сведения, содержащиеся в этих документах позволяют исследователям прийти к выводу, что в период русского завоевания у бурят-монголов «во главе стояли князьки, напоминавшие монгольских удельных князей и, вероятно, бравшие последних за образец. Как монгольские «владельцы» выпрашивали у китайских правительств титулы и парадные одеяния, так и бурятская знать не была равнодушна к отличиям, которые она склонна была принимать, за отдаленностью Китая, от монгольских князей»¹⁾. Так в 40-х годах 17-го века на устье р. Осы жили буряты, подведомственные «булгуданскому (булагатскому) князю Чекодею». Это было одно из трех главных племен бурят-монголов—булагаты. В 1646 г. казачий атаман Колесников, возвратившись из Забайкалья, напал на бурятские улусы Верхоленского района и «здесь князца Абыгиндея, да князца Малгуяка, да князца Канцакуя с их улусными людьми повоевали и многих побили, и кони и скот отогнали». Спустя несколько лет вступили в русское подданство «больших братьев (т. е. бурят) булагатские земли князцы (Ботак, Абакан, Аркан, Буксуи) и их улусные люди»²⁾.

Таким образом, в 17-веке вся масса бурят-монгольского населения разделялась на две группы: в состав одной входили князцы и другие родовые начальники-зайсаны, шуленги,—составлявшие вместе с родственниками, их семьями, бурят-монгольскую знать; другая гораздо более многочисленная «массовая» группа состояла из рядовых степняков, обозначаемых в исторических документах общим термином «улусные люди», и находилась в экономической и политической зависимости от первой группы. Эта социальная дифференциация возникла и развилась на основе патриархального родового строя.

Согласно выводам, полученным сравнительным изучением истории развития человеческого общества и общественных форм, внутри родовой общины происходили процессы социальной дифференциации: с одной стороны возвышались представители более богатых и сильных семейств, чаще всего избравшиеся на общественные должности и с течением времени добившиеся того, что это право было закреплено за ними наследственно; с другой стороны захудавшие, обедневшие семьи попадали в зависимость от богатых и сильных семейств, сужавших их скотом и другим достоянием³⁾. Это общее положение находит себе подтверждение и в социальной истории Бурятии.

У бурят-монгольских племен, кочевавших в 17-м веке в Забайкалье, в непосредственной близости с феодальной Монголией, отмеченное выше социальное расслоение выражалось еще резче, чем у бурят-монголов забайкальских. За Байкалом русские встретились с бурят-монгольским князем Турухаем, зятем монгольского Цэцэн-хана. Турухай кочевал на огромном протяжении от р. Уды в Забайкалье до р. Толы в Монголии. Он был родовым начальником Галзотского рода бурят-монголов—хоринцев, а так как этот род считался старшим хоринским родом, как бы «старшим братом», то Турухай являлся главным родовым начальником всех хоринцев. В ведении его было около 20 тыс. «улусных людей». Характерно, что ставка Турухая по своей внешней обстановке походила на ставки монгольских ханов того времени. Казак Москвитин, посетивший Турухая в 1647 году, писал в своем донесении, что Турухай и его окружающие «платья носят—тулупы бархатные и камка на золоте», и что войлочные юрты, в которых он живет,—«опушены бархатом лазоревым, а в юртах подзоры камка на золоте»⁴⁾.

Из этого можно заключить, что уже в 17-м веке бурят-монгольские князья внешней обстановкой жизни значительно отличались от своих «улусных людей», которые вносом

¹⁾ Богданов И. С., стр. 41.

²⁾ Там же, стр. 39, 46, 51.

³⁾ См., например Ф. Месин. В плену биологизма журн. „Историк-марксист“, том 10, стр. 157, 158.

⁴⁾ Оглоблин. Сибирские дипломаты 17-го века,—„Ист вестник“ 1891 г. № 10.

ясака в пользу князей доставляли им возможность все более и более углублять эти разлачива.

Со времени заключения Буринского договора в 1727 году, которым была установлена русско-китайская граница, русское правительство могло считать свою власть над бурят-монгольскими племенами окончательно утвержденной и начало проводить свою колониальную политику еще более энергично по сравнению с предыдущим периодом. Буринский договор является переломным моментом в истории бурят-монгольского народа: установленной по договору границей бурят-монгольская народность и занимаемая ею хозяйственная территория были разрезаны на две обособившиеся с того времени части; беспрепятственные прежде перекочевки отдельных бурят-монгольских родов по долинам рек Селенги и Онона должны были с проведением границы прекратиться к большому ущербу для скотоводческого хозяйствования. В истории социальных отношений Бурятии указанный момент отмечен тем, что с этого времени происходит более интенсивно, чем в предыдущую эпоху, процесс обособления и усиления бурят-монгольской знати

Еще в 17-м веке русское правительство старалось использовать «знатнейших и лучших людей» туземных племен Сибири для привлечения этих племен в русское подданство. Этим людям приглашали в города и остроги. Там их, по словам историка Сибири Миллера, «подчивали довольным кушаньем и крепкими напитками..., дарили их всякою домашнею и поваренною посуду и к промыслу зверей принадлежками орудиями., образовали их украшениями...; такие поступки много способствовали, что народы к послушанию и к ясашному платежу приклонялись»¹⁾.

Та же политика—лишь несколькими измененными методами—практиковалась русским правительством по отношению к бурят-монголам и в 18-м веке. Заключившим с Китаем Буринский договор русским послом Владиславичем-Рагузинским была издана в 1728 г. особая «инструкция пограничным дозорщикам», которой затем в течение почти целого столетия регулировались юридическо-правовые отношения бурят-монгольского населения, оставшегося после установления границы—на территории, признанной за Россией. Инструкцией предписывалось, чтобы «каждого рода улусные люди жили под ведением своих (родовых) начальников и были бы у оных начальников во всякой послушности». Этим же начальникам предоставлено было производство суда над родовичами по всем делам, кроме важных, уголовного характера („криминальных“), сбор с населения ясака и представление его в казну“. Увеличивая права и власть бурят-монгольской знати, русское правительство стремилось приобрести в лице родовых начальников послушных агентов по проведению своей колонизаторской политики среди широких масс бурят-монгольского населения. Соответственно этой цели русское правительство, по представлению Рагузинского, стало «жаловать» родовых начальников званием тайши; они начали получать русские чины по табели о рангах, а также жалование согласно чину.

В этот же период, в связи с началом распространения в Бурятии ламаизма, указанный привилегированный слой бурят-монгольского населения, который вскоре начал обозначаться собирательным именем «нойонов», получил сильную поддержку в лице социально родственной ему группы—ламства. Следует отметить, что в начальный период своего распространения ламаизм нашел себе опору, главным образом, среди бурят-монгольской аристократии, которая с своей стороны деятельно помогала его распространению среди подчиненных ей масс

Одновременно с возвышением политического значения нойонства стала возрастать и экономическая его мощь. Прежде всего этот процесс проявился в области отношений землевладения и землепользования. В указах русского правительства об отводе земель бурят-монгольским родам обычно указывалось, что земли эти отводятся „родоначальникам с улусными людьми“. Эта юридическая общность землевладения фактически сводилась к тому, что лучшие части общей земельной дачи захватывались нойонами путем огораживания, а „улусным людям“ приходилось довольствоваться лишь „остатками“.

Новым стимулом к захвату знатью земельных участков послужило начавшееся приблизительно с половины 18-го века сенокосение, повысившее ценность сенокосных

¹⁾ Цит. по книге Богданова. „Очерк“..., с. 42.

угодий. Указанная система выгораживания более сильными и влиятельными лицами огромных покосных площадей в свое исключительное пользование повлекла за собой, как констатирует один из исследователей бурят-монгольских земельных отношений, большую неравномерность в пользовании сенокосными угодиями, особенно резко бросающуюся в глаза в Хоринском ведомстве—неравномерность против которой менее зажиточное большинство бурят было бессильным¹⁾.

В добайкальской Бурятии, где с половины 18-го века на ряду со скотоводством, развивалось и хлебопашество, такие же захваты происходили и в отношении пахотных угодий. Всеми этими захватами площадь землепользования рядовой массы родовичей значительно сокращалась, причем в некоторых случаях дело доходило до совершенного обезземеления.

С половины 18-го века хоринские тайши добились от русского правительства указов об отводе им земель, которые они стараются превратить в свое „вечное и потомственное“ владение²⁾. Все указанные выше изменения в области земельных отношений способствовали дальнейшему углублению социального расслоения среди бурят-монголов.

Источником обогащения нойонства служила и его роль финансового посредника между русским правительством и массами бурят-монгольского населения. Паллас, посетивший Бурятию в 70-х годах 18-го века отметил в описании своего путешествия, что „подати уплачивают родоначальники от лица рода, а потом сами уже раскладывают и собирают их с обильным приращением, посредством чего своих подчиненных держат в зависимости от себя“³⁾.

В том же направлении действовал и общий ход хозяйственного развития Бурятии. Выход продукции бурят-монгольского хозяйства на рынок во второй половине 18-го века (пушнина, скот, шерсть, масло, а в добайкальской Бурятии, кроме того, хлеб) способствовали процессу первоначального накопления у верхушечных слоев, имевших возможность сосредоточить в своих руках главные массы этих продуктов. Все это происходило одновременно и в связи с заменой остатков натурального хозяйства денежным, что вызывалось в особенности необходимостью оплачивать ясак и другие подати деньгами, а также внедрением в бурят-монгольские районы русского—торгового и ростовщического—капитала.

Старинным рынком для бурят-монголов в 18-м веке оставалось Монголия, откуда они в обмен на пушнину и мерлушку, получали шелковые ткани, бархат, сукна и китайские изделия (шапки, серебро) и различные предметы ламайского культа. Правда, с проведением русско-китайской границы свободная торговля на границе была воспрещена; но обмен велся путем регламентированной кяхтинской пограничной торговли. От времени бывшей свободной торговли у даурских бурят (конечно, состоятельных, которые имели возможность вести торговые операции), как сообщает Георги, осталось „на несколько сот тысяч китайской монеты или клейменого их серебра“⁴⁾.

В 70-х годах 18-го века в добайкальской Бурятии кудинский главный шуленга (соответствовавший забайкальским главным тайшам), выступая от лица подчиненных ему родовичей, доставлял на казенный Николаевский завод продукцию сельского хозяйства кудинцев—хлеб по цене 26 коп. пуд. Кроме того, кудинцы „по одобрению шуленга и под поручительством старшин“ (т. е. родоначальников, которые и здесь играли роль посредников) поставляли на тот же завод огромные партии дров (на 1787 год с них следовало к поставке 7738 сажень).

С конца 18-го века все бурят-монгольские ведомства начали поставлять на казенную Тельминскую суконную фабрику шерсть, при чем опять таки все посреднические операции были сосредоточены в руках тайшей и шуленга, которые, как и при других поставках, получали в свою пользу значительный „посреднический“ процент.

1) М. Кроль. Формы землепользования. Мат. Кулом. Ком., вып. 10, с 24.

2) В. Гирченко. К истории бурят-монголов—хоринцев, с. 9.

3) Цит. по кн. Еогданова „Очерк“, 102.

4) Там же, с. 91.

О других видах торговой деятельности, практиковавшейся нойонами свидетельствует одно из постановлений Верхнеудинского городского магистрата, относящееся к 1784-му году. Тогдашнее русское купечество, в том числе и верхнеудинское, очень ревниво относилось ко всем „приезжающим и иногородним“ купцам, которые, производя торговлю в городе, являлись нежелательными конкурентами местным коммерсантам. В постановлении 1784 года говорится о том, что из бурят, имеющих стойбища поблизости Верхнеудинска (т. е. из хоринцев и селенгинцев) некоторые „имеют стойбища и в самом городе у жителей при домах юртами“. Эти проживавшие в городе юртовладельцы выполняли роль крупных перекупщиков по отношению к своим сородичам, привозившим в город на продажу пушнину, кожи и пригонявших скот. Они давали этим приезжавшим пристанище в своих юртах, но „всякими способами не допускают их до торговой биржи, перекупая у них (привезенные товары) сходными ценами и продают приезжающим иногородним купцам с прибытком, а здешнему купечеству делают в торгу помешательство и убытки“¹⁾. Конечно, такие торгово-скупщицкие операции могли проводить только богатые люди, которые располагали оборотными средствами, и, покупая у сородичей товары по низким („сходным“) ценам, а перепродавая по высоким („с прибытком“) являлись туземными деятелями „первоначального накопления“. Таким образом, бурят-монгольские массы подвергались эксплуатации не только со стороны русского торгового капитала, но отчасти и туземного, представителями которого были нойоны и высшее ламство.

В то же время некоторые из нойонов занимались неприкрытым ростовщичеством. Так, в 80-х годах 18-го века шуленга Харануцкого рода Курухаев и его сын взимали с родовичей за выданные им ссуды свыше 50% годовых²⁾. и это были не единичные случаи. Жалобы на высокий процент за ссуды, взимаемый богатыми, очень часто встречаются в архивных материалах, относящихся к добайкальской Бурятии.

В 18-м веке Бурятию посетил ряд путешественников-академиков, которые в описаниях своих путешествий дали сведения, характеризующие социальное расслоение среди бурят-монголов того времени. Так, Георги, путешествовавший по Бурятии в 1772 году сообщает, что каждое бурятское поколение (ведомство) имеет „из своего дворянства а или княжеских их родов общего главного начальника, называемого Зайсан или Эхэ-тологой“. Если этот зайсан был знатного происхождения, т е если власть с издавна передавалась наследственно в его роде, то он пользовался почетным монгольским титулом тайши (князя). Правда, Георги ошибочно считал, что значение тайшей и зайсанов в бурят-монгольском общественном быту „весьма малозначущее, ибо кроме собственного своего имени не имеют они никаких доходов“, все вышеприведенные данные, в частности цитированные сообщения Палласа, достаточно опровергают это мнение Георги. Позднейшие исследования установили, что Георги—недооценил значения тайшей, которые „пользовались у бурят столь же громадным влиянием, как и у соседних монголов; в документах можно найти следы былого соревнования бурятских и монгольских родов, богатство и вес которых оценивалось числом знатных тайшей“³⁾.

В некоторых бурят-монгольских ведомствах уже в то время образовались „династии“ влиятельных тайшей, с которыми вынуждена была считаться и русская администрация. В Забайкалье хоринские и селенгинские тайши оказали пышный прием путешествовавшим академиком, при чем последние не могли не заметить связи тайшинства с ламством. О селенгинском тайше Гмелин сообщает, что ранее он был ламой, но чтобы жениться сложил с себя сан, но держал при себе ламу.—Посещенный Гмелиным и Миллером хоринский тайша Эринце (Шодоев), имевший 5—6 юрт, жил также очень пышно. Он оставался еще шаманистом и был внуком шаманки, но уже в то время (30-е годы 18-го века) в хоринские степи начал проникать ламаизм,—одна из юрт тайши была превращена в буддийскую молельню. Спустя 37 лет Паллас конста-

1) Архив Верхнеуд. городского магистрата 1784 г., д. № 377, л. 103.

2) Архив Кудин. степ. думы, д. № 18, л. 1.

3) Богданов, н. с., 101.

Г сировал, что у хоринцев «тайша и знатнейшие из зайсанов почти все приняли ламайское исповедание»¹⁾.

Все путешественники 18-го века отмечают имущественное неравенство среди бурят-монголов. Так, Георги сообщает, что между даурскими (хоринскими) бурятами *некоторые* имеют до 1000 верблюдов, 4000 лошадей, от 2-х до 3-х тыс. рогатого скота, до 8-ми тыс. овец, и по несколько сот коз. „Столь богатые люди“, пишет он, „никогда точно числа скота своего не знают“. В Баргузинском ведомстве этот максимум богатства понижался, там «капиталистом», по словам того же Георги, считался имевший 500 лошадей, столько же овец, 300 штук рогатого скота, несколько верблюдов и коз. У этого же „капиталиста“, (у него останавливался Георги), по расчетам его соседей, имелось чистыми деньгами и китайским серебром на сумму до 4000 рублей.—Еще ниже этот уровень зажиточности был у западных (добайкальских) бурят-монголов: там «кто имел 100 скотин», тот считался „достаточным“, а у кого было до 500 голов скота, тот был весьма богатым²⁾.

В описаниях путешественников отмечается также разница жизненной обстановки богатых и бедных слоев бурят-монгольского населения того времени. По словам Георги, богатые люди имеют отдельные юрты для своих семейств, для хозяйственных дел и для «идолослужения»; бедные делают хижинны из плетня и обмазывают их коровьим калом. Богатые шьют кафтаны из цветных сукон или шелковых материй, опушая их дорогими мехами; у рядовых родовичей кафтаны делаются из овчин, а нередко из лошадиной кожи или диких зверей и т. п.³⁾.

Все вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что к концу 18-го века социальное расслоение у бурят-монголов получило уже значительное развитие.

Перехода к характеристике процесса этого расслоения в 19-м веке, нельзя пройти мимо тех сведений, которые содержатся в небольшой книжке М. Геденштрома «Отрывки о Сибири», изданной в 1830 году, и относятся к первой четверти 19 века.⁴⁾

Описывая отношения бурят-монгольских тайшей, шуленг и зайсанов к подведомственным им сородичам, Геденштром указывает, между прочим, что эти старшины «имеют по степному своему обычаю право—подати и повинности располагать на народ по своему произволу». Другое важное право старшин заключалось в том, что они разделяли общественные земли не по душам, а по количеству скота. Из этого сообщения Геденштрома можно заключить, что отмеченный выше факт захвата нойонами больших участков земель получил впоследствии как бы юридическое основание в виде определенной нормы обычного права предписывающей наделять землю по числу скота и, тем самым, закрепляющей экономическое могущество нойонства. В результате в изображении Геденштрома получилась следующая картина экономических и социальных отношений, как они сложились к 19-му веку: «вероятно половинное число бурят лишено земли и принуждено из пропитания служить богатым; все старшины богаты скотом и деньгами и владеют обширнейшими и лучшими землями; простолюдины же напротив более и более беднеют»⁵⁾. По мнению Геденштрома, такое положение является отчасти причиною того, что «буряты стоят на низшей ступени образованности; их можно уподобить сиротам, которых младенчество опекуны их стараются продлить всеми силами».

Возникает вопрос: не написана ли слишком густыми красками картина, нарисованная Геденштромом. На этот вопрос придется ответить отрицательно: другие документы, относящиеся к той же эпохе рисуют социально-экономический уклад Бурятии, особенно восточной, близким к полукрепостному состоянию. Эти документы—ряд жалоб рядовых родовичей, — жалоб поданных в 1820 году в комиссию, образованные при ревизии Спе-

1) Там же, с. с. 101, 102, 106.

2) Там же, 89.

3) Там же, 84.

4) Геденштром служил в начале 19-го века в должности Верхнеудинского исправника. Человек очень образованный, говоривший на нескольких европейских языках, он сделал впоследствии значительный вклад в географическую науку описанием берегов Ледовитого океана и очерками Сибири. По условиям службы Геденштром имел полную возможность в течение ряда лет наблюдать быт бурят-монгольского населения и зафиксировать наиболее характерные черты этого быта.

5) М. Геденштром. Отрывки о Сибири. П. 1830, стр. 68.

ранского. Жалобщики заявляли, что родоначальники (т. е. родовая знать, нойонство) «по наряду, без всякой платы, употребляют их (родовичей) в разные работы для собственной пользы, как то: принуждают их обрабатывать свои пашни, производить сенокосение на собственных своих покосах, огораживать их жилища, перевозить их юрты с одного кочевья на другое, и вообще употребляют родовичей в собственные свои различные сельские работы, удерживают их многие лето в услужении без платы, отбирают сено, скот и пр. и, наконец, без всякого судебного по обычаям приговора жестоко наказывают»¹⁾.

Материалы ревизии Сперанского 1820 года представляют и некоторые другие сведения относительно тех злоупотреблений, которые практиковались «инородческими начальниками»,—как назывались на официальном языке того времени тайши, зайсаны и шуленги,—по отношению к подчиненным им широким массам бурят-монгольского населения. Так, хоринским тайшей Галсановым в 1818-19 годах было собрано с родовичей «без всякой надобности» около 128 тыс. рублей. С зайсана Мохова хоринцы искали около 16 тыс. руб. — С тункинских бурят за три года незаконно собрано до 70 тыс. рублей, кроме того присвоено родоначальниками общественных денег около 25 тысяч рублей. «Если вспомнить, как редки и дороги были в то время деньги», пишет по этому поводу Вагин, «то безошибочно можно назвать эти цифры колоссальными». Множество жалоб поступило на ламу-ширетуя Бохоева. Он обвинялся во взятках и вымогательстве, был уличен жалобщиками и обязался заплатить им свыше 10 тыс. рублей. Из общего числа привлеченных ревизией Сперанского за злоупотребления—680 человек — бурятских тайшей, шуленг, зайсанов и лам было 256 чел.²⁾.

Таким образом, трудовые массы бурят-монгольского населения подвергались тройному давлению и гнету: со стороны русской администрации, проводившей колониальную и руссификаторскую политику царизма, со стороны своего нойонства и ламства и, наконец, со стороны русского торгового и ростовщического капитала, который тоже довольно цепко захватил в свои лапы массы степняков³⁾.

Как же реагировали бурят-монгольские массы на это давление в описываемый период? То обстоятельство, что относящиеся к этому вопросу материалы и документы затронуты изучением лишь в самой незначительной их части, исключает возможность дать на него определенный ответ. Но и то, что известно по содержащимся в документах кратким указаниям и намекам, дает основание думать, что брожение среди масс, вызванное указанным гнетом социальных условий, было и не прекращалось, но реальное соотношение сил было таково, что брожение это не могло превратиться в открытую борьбу, тем более, что родовая бурят-монгольская администрация и администрация русская прилагали все усилия к тому, чтобы всякое влияние массою недовольство и протест «погасить в самом зародыше». Так, например, в начале 19-го века в Ольхонском ведомстве между двумя главными шуленгами Налаковым и Алдаровым—с одной стороны, и их «подчиненными»—с другой, в течение 4-х лет происходили «споры и тяжбы» в связи с подозрениями на шуленг в том, что они неумеренно расходовали собиравшиеся с общества деньги. Обществу удалось добиться выбора вместо 2-х шуленг одного главного тайши, которого, по избрании русская администрация сочла необходимым снабдить особым наказом. В наказе этом констатировалось, что недовольные шуленгами родовичи «привыкли по неосновательным причинам к перемене своих начальников и благодаря этому «повреждают свое спокойствие». Вновь избранному тайше Башунову предписывалось принять меры, чтобы должное повиновение и уважение к тайше «яко к начальнику», со стороны подчиненных ему ольхонцев было непременно сохранено, и чтобы Башунов

1) Вагин. Историч. сведения о деят. Сперанского в Сибири, том 1, стр. 267—8.

2) Русских чиновников было привлечено—174, купцов, мещан, разночинцев, волостных голов и старшин, казацких урядников и простых казаков—250. Следовательно, злоупотребления не в меньшей мере практиковались и по отношению к русскому сельскому населению. Приведенные цифры—в книге С. Прутенко. Сибирские окраины. Приложения, изд. 1899, стр. 21.

3) История внедрения русского торгового капитала среди бурят-монголов не входит в рамки настоящего очерка и должна быть рассмотрена особо. Здесь придется ограничиться указанием на факт такого внедрения.

„при самом начале возмущений удерживал их мерами строгости“. В числе таких мер рекомендовалось «нещадное сечение ослушников при сходе»¹⁾. Содержание наказа свидетельствует о том, что время, когда рядовые родовичи трепетали перед тайшами и беспрекословно подчинялись их распоряжениям, с начала 19-го века стало постепенно отходить в область прошлого: безгласная прежде бурят-монгольская масса начала подавать свой голос, несмотря на то, что нойонство почти всегда встречало себе деятельную поддержку со стороны русской администрации.

Аналогичные явления происходили и в других районах тогдашней Бурятии. В приговоре от 5/VI 1823 года бурят-монголы Селенгинского ведомства указывали на то, что с половины 18-го века «по неизвестным обстоятельствам» в их обществе «стало упасть прежнее спокойствие и *возродиться ненависть и неудовольствие к одному другому*»²⁾. В этой, хотя и недостаточно четкой, формулировке нашел себе выражение тот факт, что различные социальные группы в Селенгинском ведомстве от прежнего сравнительно-мирного сосуществования стали переходить на положение конфликтов и борьбы...

Результатом ревизии Сперанского было, как известно, издание в 1822 году «устава об управлении инородцев». Этот устав, закрепивший в законодательном порядке привилегии нойонства, имел большое значение для дальнейшего развития социальных отношений Бурятии.

(Окончание следует).

1) „Сборник материалов по истории Бурятии“. Изд. Архив. Управления БМАССР, стр. 19,—указ Иркут. губ. правительства 1807 года.

2) Рязановский, проф. Обычное право монгольских племен. Чита 21, стр. 33.

П. БАРАННИКОВ.

Первые побеги.

Коммуна „Шэнэ-Аджил“*)

Улус Хохорск, Боханского аймака, БМАССР.

Улус Хохорск расположен в 70-ти километрах от Сибирской магистрали, в бассейне р. Ангары. В дореволюционное время улус Хохорск ничем не отличался от других бурятских улусов. 25 лет тому назад буряты улуса Хохорск вели полукочевой образ жизни. Осенью перекочевывали из летников в зимники, а весной из зимников в летники. До революции бедняки и средняки жили в полной экономической и политической зависимости от баев и торговцев. Баи имели мельницы, лавки, машины, хлебные запасы, вклады в банках ссуды и нанимали изрядное количество батраков и батрачек. Услужливые шаманы (богослужители) проповеживали законы религии в самых разнообразных формах и видах.

Из наиболее распространенных видов религиозных обрядов можно назвать следующие: общественное моление с жертвоприношением (тайлаган) и индивидуальное моление (заал).

Форма общественного моления применялась на началах родового признака, в гористых местностях. Общественная форма обрядов строилась на началах жертвоприношения. Жертвоприношение повторялось ежегодно за время летнего периода 18 раз. На жертвоприношения затрачивалось не мало средств: забивали лошадей, баранов и приготавливали выпивку (тарасун) из молочных и хлебных продуктов. Каждый раз жертвоприношение обходилось не менее 1 лошади, 2-х баранов и 3—4 бочек выпивки (тарасуна).

Форма индивидуального моления заключалась в проповеди и предсказаниях услужливого шамана. Шаман, приглашался хозяином отслужить моление по случаю болезни члена семьи или по случаю искания будущего счастья в семье.

Тут также затрачивалось не мало скота и напитков на жертвоприношение. Вознаграждение шамана обходилось минимум 10 рублей, максимум 30 р., в зависимости от характера и объема службы...

Малые и старые, женщины и мужчины предавались беспросветному пьянству.

Зараза, драки, убийства и закабаления были неизменными спутниками этих молений.

Так протекала жизнь улуса до революции, да и в первые годы революции.

Перелом в политической и экономической жизни улуса начался в 1920 году во время гражданской войны. В этом году в улусе Хохорск была создана первая улусная ячейка на бурятской территории по инициативе лучшей части батрачества, беднячества и среднячества.

Гражданская война затянулась в Сибири надолго. Бандиты оперировали до 1924-25 г. В 1920 г. улусные коммунисты организовали боевой отряд по ликвидации бандитизма под руководством батрака т. Дергалева (русский).

Тов. Дергалева сумел организовать военное дело среди бурят и научить каждого революционера бурята обращаться с винтовкой. Не мало каждый из них прошел с отрядом по дебрям дремучей тайги Сибири. Часть в неравных боях сложила головы.

*) Новая жизнь.

Кончилась гражданская война, стали расформировываться отряды, бойцы рассосались по своим хозяйствам. Хозяйство каждого за эти годы поразорилось порядком. Несмотря на это, неустанные бойцы взялись за общественное дело. Безграмотные и малограмотные коммунисты начали закладывать фундамент общественной жизни и начали его с культурного очага—школы. Не было средств—устроили субботник и отремонтировали здание разваливающейся старой школы.

Население улуса по инициативе партийной ячейки заготовило 1500 штук бревен натурой, а летом посредством субботника заложило каменный фундамент под здание школы 1-й ступени.

Вся эта работа оценивалась в 800 р.

На начало дело Хохорцы получили дотацию от Бурнаркомпроса в сумме 12000 р. Работа закончена в 1927-28 г. Этой школе присвоили имя «10-летия Октябрьской революции».

В 1926 г. население улуса Хохорска организованным субботником выстроило здание булсовета. Стоимость этого здания оценивалась в 250 р.

Была развернута большая работа по линии потребкооперации. Кооперирование населения достигло 200% в числу кооперированных в 1924-25 г. Построено новое здание потребобщества со всеми надворным постройками.

Начато дело хохорцы продолжали дальше. У каждого бойца была мечта взяться за дело производственного кооперирования жителей улуса.

В начале 1926 г. собрались все обсудить свое положение и решили перестроить свое разрозненное мелкое индивидуальное хозяйство в одно крупное коллективное хозяйство—коммуну, которая на организационном собрании, была названа «Шэнэ-Аджил».

Тяжела была жизнь и работа коммунар вначале. Коллективная жизнь и работа для всех были новостью, не было опыта, не знали с чего начать, где взять средства. Улусные кулаки и подкулачники устраивали против коммуны разные барьеры, а шаманы прелсказывали ей гибель и разлад. Напрасными оказались их затеи. Коммунары упорно и неустанно разоблачали грязные дела кулаков, подкулачников и шаманов, и своими примерами и дружной жизнью завоевали доверие окружающего населения.

Начали с того, что весь ненужный хлам сбывли из хозяйства. Деревянные сохи сменили на плуги. Кредитное т-во помогло ссудой и кредитом. Коммуна завела селяку, сенокосилку, конограбли, быка производителя семментальской породы и пару свиней английской породы.

Так начало строиться будущее культурное хозяйство коммуны. В начале организации коммуна имела под посевом 251 гектар, а теперь 302 гект. С прошлого года приывается искусственное травосеяние и выращивание корнеплодов. В коммуне применяются майские пары, работает трактор «Фордзон».

В коммуне сейчас объединено 50 дворов с 208 едоками. По сообщению участкового агронома сравнительные данные показывают следующее: с одного гектара пшеницы единоличный хозяин в 1928 году получал хороший урожай 9—10 центнеров, а коммуна получила 14—15 центнеров.

В этом году коммуна имеет 160 тонн (или 10.000 пудов) разной культуры товарного хлеба.

По исчислениям основных плановых заготовителей единоличные хозяева реализуют через плановых заготовителей 1½ центнера товарных излишков с гектара, а коммуна реализовала 5—6 центнеров с гектара.

Вот такова разница в эффективности крупного коллективного хозяйства по сравнению с мелким разрозненным.

В 1927 г. коммуна купила мельницу с годовым помолотом 2000 тонн зерна. Тщательно отремонтировав, истратив дополнительно 4000 р., пустили ее в ход. Коммуна имеет кожзавод с выпуском 750 шт. кож, кирпичный завод с выпуском 30 тысяч кирпичей, кумысолечебницу с обслуживанием 60 человек на два сезона за летнее время.

В коммуне производится постепенная реорганизация животноводческой отрасли хозяйства. Крупного рогатого скота у коммуны в настоящее время 198 голов, молодяка 80 голов; из них улучшенной местной породы 15 голов. Овец и коз 548 гол.,

мериносных метисов 15 гол., из них чистокровных мериносов 3 производителя. Коммуна в настоящее время имеет 60 свиней английской и иоркширской породы, кроме того, 40 простых. Содержатся они в образцовой свинарне, построенной при паровой мельнице. В этой же свинарне производятся опыты улучшенной породы крестьянских свиней.

Происходит постройка теплых хлебов для содержания крупного и мелкого скота.

В коммуне насчитывается 120 голов лошадей; из них 50 голов гулевых 2 племенных производителя Орловской породы. Лошади являются тяговой силой и продуктом питания для коммуны.

В пятилетнем плане коммуна намечает оборудование крупного конного завода с ежегодным производством 100 товарных единиц.

Творческая, новая жизнь. Партийное ядро теперь рассосалось не только в гуще коммунарков, но упорно работает на всех фронтах социалистического строительства в молодой Бурятской республике и не мало показало примеров развертывания колхозного строительства в Боханском районе. Все бойцы заняты теперь культурным творчеством.

Отошла для них в прошлое героика гражданской войны. В кладовой коммуны свалены запыленные старые забытые винтовки свидетели боевого прошлого. Может быть, кто-нибудь вспоминает о них на досуге. Да и некогда вспоминать-то о них при теперешней бурной жизни коммуны.

Коммуна теперь занята стройкой. Убогие юрты, темные и тесные хаты сменяются домами. Рабочие коммунисты год от года преодолевают эту трудность. В коммуне уже установлена зарплата по разрядам работы. Выделены дни отдыха. 20 рабочим в нынешнем году даны месячные отпуска с кумысным лечением. Произведена коренная революция в быту женщин коммунарков. Одно то, что в коммуне имеются ясли и детплощадка говорит о многом. Кроме того, женщины в коммуне освобождены от тяжелых бытовых условий, в которых они находились ранее. Они освобождены от своей однообразной и тяжелой работы: от выделки кож, от домашнего примитивного ткацкого станка, тарасунокурения и т. д. За эти три года усилиями грамотных членов коммуны почти на все 100% ликвидирована неграмотность среди коммунарков. При хуторе коммуны имеется хорошо оборудованная читальня, клуб и в ней вечерний ликбез.

Культурно-бытовая работа проводится не только в среде коммунарков, но и вне среди окружающего ее населения. Вот характерные моменты из внешней культурной работы коммуны. Летом устроили две культурные «Полянки» в противовес религиозным шаманским праздникам. «Полянки» привлекали много окрестных крестьян малых и старых, и предполагавшиеся шаманами тайлаганы (жертвоприношения) позорно проваливались.

В день пятилетней годовщины Бурятской республики в районном центре улуса Бохан (где предполагалось устройство национального спортивного праздника „Сур-Харбан“ и куда съезжается масса крестьян из окрестных улусов) молодежь устроила культпоход. Снарядили трактор, жеребцов, взяли экспонаты культурных трав и развернули весьма интересную показательную агитацию за коллективизацию, за культурное ведение хозяйства.

Такие культурные очаги коммуны, как случной пункт, опытное поле, свинарня, кирпичный и кожевенный заводы, паровая мельница, кумысолечебница, имеют сейчас колоссальное показательное значение для индивидуальных хозяйств окружающего бурятского населения.

Поэтому не удивительно, что слава о коммуне „Шэнэ-Аджил“ разнеслась теперь далеко за пределы Боханского аймака, за 90—120 км. из Эхирит-Булагатского аймака, из Иркутского округа, крестьяне приезжают в коммуны „Шэнэ-Аджил“ ознакомиться с постановкой дела, поучиться, «как создать коммуны». Пример коммуны „Шэнэ-Аджил“ не только помог росту коммун в улусе Хохорске, но и по всему Боханскому аймаку. Сейчас насчитывается 30 с лишним коммун, не считая простейших форм колхозов, работающих при непосредственном участии руководителей коммуны «Шэнэ-Аджил» т. т. Гергенова, Баранникова В., Нарисова и Хартаева.

Эти работники во всякой работе, и в строительстве колхозов, в частности, учитывают бытовые, национальные и классовые особенности каждой отдельно взятой местности. Опыт работы коммуны „Шэнэ-Аджил“ в этом отношении чрезвычайно характерен.

Теперь в улусе Хохорске созданы 3 коммуны; благодаря помощи коммуны «Шэнэ-Аджил» они организационно оформились, прежде всего, людьми, а потом опытом работы. Попытка кулаков войти в молодые коммуны, мешать, разладить дело коллективизации не удалась. Все эти коммуны организовались в кустовое объединение, и все предприятия коммуны „Шэнэ-Аджил“ перешли в ведение кустового объединения. Кустовое объединение сейчас насчитывает 100 дворов, а улус 200 дворов. Таким образом, улус Хохорск коллективизирован на 50%. Коммуна надеется выполнить с успехом весеннюю кампанию и дать увеличение посевной площади на 25% и поднятие урожайности на 35—40%.

Созданием кустового объединения Хохорские коммуны заложили фундамент крупного коллективного хозяйства—сельско-хозяйственной социалистической промышленности.

В Ученом Комитете.

12 апреля 1929 года в Ученом Комитете состоялось широкое совещание при участии руководителей партийных и советских учреждений, работников печати и ряда специалистов. На совещании присутствовало до 40 человек. Рассмотрено 2 крупного значения вопроса: 1) о путях организации научно-исследовательских работ и 2) о постановке опыта латинизации алфавита.

Проблема организации научно-исследовательских работ в наших условиях самым тесным образом связывается с проблемой реорганизации Ученого Комитета в Институт культуры. Вокруг этого последнего вопроса и сосредоточились по преимуществу прения. Совещание дало ряд ценных мнений и указаний по проекту реорганизации, но в основном он был совещанием одобрен.

Институт по идее проекта должен быть центром организации исследовательского изучения Буреспублики. С ближайшего года в нем проектируется развернуть следующие отделы:

1) Отдел экономики с секциями: а) по изучению производительных сил, б) сельского хозяйства, в) промышленности, торговли и путей сообщения.

2) Отдел лингвистики с секциями: а) монгольской диалектологии, б) прикладного языкознания со словарной комиссией при ней.

3) Отдел истории и этнологии с секциями: а) истории и этнологии и б) по изучению ламаизма.

4) Отдел искусствоведения с секциями: а) музыки, б) театра, в) изобразительного искусства.

Во главе Института по проекту стоит дирекция в составе директора института, его заместителя (назначаемых СНК), заведующих отделами и ученого секретаря. Для обсуждения основных вопросов деятельности института и для общей увязки его работы с заинтересованными в этом органами при дирекции периодически созываются конференции из представителей всех наркоматов и других организаций, связанных с Институтом в его работе, а также с участием руководителей отдельных учреждений института (музеи, научная библиотека и т. п.).

Приняв проект реорганизации, совещание одновременно поручило комитету разработать вопрос об организации научной библиотеки общего пользования в качестве особого учреждения при Институте.

Докладчик по второму вопросу В. Б. Бардин—давний сторонник латинизации монгольского алфавита—ознакомил присутствующих с сообра-

жениями, говорящими за необходимость стать на путь латинизации алфавита, а также ознакомил присутствующих с основами проекта нового монгольского алфавита.

Оппонентом выступил научный сотрудник Буручкама Б. Бамбаев. Он доказывал несвоевременность постановления вопроса о латинизации алфавита и предлагал, в связи с этим, отменить намечаемое Ученым Комитетом издание в дискуссионном порядке брошюры, посвященной латинизации алфавита. Вопрос вызвал горячие прения и нашел в среде присутствующих защитников как первой, так и второй точки зрения. Мнение о своевременности постановления на обсуждение этой проблемы все же собрало подавляющее большинство голосов. Совещание одобрило предпринятые Ученым Комитетом шаги в этом направлении и признало целесообразным создание общественной организации, имеющей целью углубленную проработку вопроса и популяризацию идеи латинизации алфавита. Совещание выразило пожелание, чтобы проект латинизации был в ближайшее время поставлен на обсуждение бурятского актива как в центре, так и на местах, а также подвергнут обсуждению в печати в дискуссионном порядке.

— —

В летний период 1929 года Ученым Комитетом организуются 2 научно-исследовательские экспедиции. Одна—в составе 3-х человек (под руководством Н. Н. Поппе) выезжает в Эхирит-Булагатский аймак и на о. Ольхон для изучения говора и фольклора местного бурятского населения. Срок работы—2 месяца. Другая в составе 4-х человек (под руководством зав курсами ИЗО в Иркутске И. Л. Копылова) направляется в Селенгинский район, с целью изучения дацанского и народного искусства. Центром работ экспедиции намечается Гусино-Озерский дацан. Срок работы 1½ мес. Кроме того, научный сотрудник Ученого Комитета В. Бамбаев предпринимает поездку в Закаменский район для этнографического обследования бурятского населения. В программе стоят вопросы изучения быта и религиозного культа.

— —

Академия Наук СССР известила Ученый Комитет о том, что в ее пятилетний план исследовательских работ включены работы Н. Н. Поппе по лингвистическому обследованию Тункинско, Эхирит-Булагатского (включая и о. Ольхон), Закаменского, Баргузинского и Агинского районов с кредитом по 750 руб. на каждый год.

— —

По сообщению академика В. Я. Владимирцева гуманитарное отделение Академии Наук включило в план текущего года отпуск 10 тысяч рублей на издание „Образцов народной словесности монгольских племен“. Вручком на ту же цель отпускается в текущем году 2000 рублей. Монучок известен, что также намечает в текущем году ассигновать 2000 рублей. По плану Академии Наук в первую очередь издается эпопея „Гессер-богдо хан“, — она одна составит целый том; дальше намечается издание 2-х томов образцов народной словесности бурят-монголов и одного тома, содержащего произведения халхасцев В прошлом году на издание „Образцов“ всеми 3-мя принимающими участие в издании организациями было отпущено по 1000 рублей, но первые листы корректуры „Гессер-богдо“ были присланы в Ученый Комитет только в начале 1929 года.

Академия Наук постановила параллельно заняться приготовлением и печатанием перевода „Образцов“ на русский язык.

— —

В текущем году Б. М. Ученым Комитетом намечены к изданию следующие работы: М. Н. Забанов. «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов», В. Варадин — «К вопросу о повышении бурят монгольской языковой культуры».

Первый труд является работой, законченной сотрудником Ученого Комитета М. Н. Забановым незадолго до его смерти. Она была предпринята им по заданию Учкома и представляет интерес, как первая попытка анализа богатого былинного материала бурят для установления на его основе реальных контуров их хозяйственной жизни и быта в периоды создания и развития былинного эпоса.

Вторая работа дает опыт построения монгольского письма на основе латинского алфавита.

Необходимость перевода монгольского письма на новый алфавит автор связывает с задачей создания ного-литературного языка. Брошюра выходит в дискуссионном порядке. Об издании ее ведутся переговоры с Центроиздатом

Помимо этих двух работ, сотрудниками Учкома выполнен ряд заданий Вургиз'а. Из них отметим, как наиболее крупные: школьную грамматику — бур. школ I ст., составлена Б. Вамбаевым и рассмотрена лингвистическим кабинетом БУК'а; „Аламжи Мерген“ и „Харалтур—хан“ — обе являются переработкой Х. Намсараяевым для школьного чтения одноименных произведений народного эпоса, „Доисторический мальчик“ поэма П. Дамбинова — сюжет заимствован из западно-европейской литературы.

Подготовлен к печати отчет первой экспедиции по изучению дацанского искусства.

Горная промышленность за I кв.

1928-1929 года.

Золотопромышленность. Условия для работ на золотых приисках в первом квартале весьма неблагоприятны в силу климатических особенностей края.

Как общее правило, земля отходит под снег в конце октября-начале ноября. В связи с этим работы на приисках в первом квартале значительно

сокращаются, а на некоторых прекращаются вовсе, за отсутствием воды.

Прекращаются также дренажные и гидравлические работы.

Сопоставление основных показателей I квартала 28-29 года, с соответствующим кварталом 27-28 года и предыдущим кварталом (IV кв.) дает следующую картину:

	I квартал 27-28 года	IV квартал 27-28 года	I квартал 28-29 года	I кв. 28-29 г. в процент.	
				к I кв. 27-28 г.	к IV кв. 27-28 г.
Число работающих приисков.	18	52	22	122,2	0,42
Отработано человеко-дней.	21947	35087	18133	82,8	51,7
Промыто песков куб. метр . .	17132	69822	11172	63,4	16,0
Промыто песков на 1 поденц .	0,813	1,990	0,616	75,7	30,9

Если принять добычу золота в I квартале 28-29 г. за 100, то добыча соответствующего квартала—27-28г. составит —114,9 и предыдущего квартала—431,0.

Приведенная таблица ведет далеко не к благоприятным выводам для I кв 28-29 г.

Понижение основных показателей I кв. 28-29 г по сравнению с IV кв. заключается, как указано выше, в частичном прекращении работ. Понижение производительности труда выражающееся в уменьшении количества песков, промытых на 1 человеко-день, — является следствием сокращения механической добычи. В IV квартале работала 1 драга и 2 гидравлические установки. В I кв. 28-29 года (точно также, как и в I кв. 27-28 года) работала 1 драга и только в продолжении одного месяца.

Если сокращение добычи в I кв. 28-29 года по сравнению IV кв. объясняется, главным образом, наступлением морозов, выпадением снегов и т. п., то по сравнению с соответствующим кварталом прошлого года, находящимся в совершенно одинаковых условиях, объяснение понижению добычи может быть дано только за счет падения производительности труда в I кв. 28 29 г

Из числа работающих 22 приисков находится в аренде у Союззолота 13 и у частных лиц—9.

Работы велись, главным образом, старательские—на 18 приисках; хозяйственным способом работало всего 4 прииска, из них 3 частных и 1 Союззолото.

Добыча полезных ископаемых. В арендном пользовании госпредприятий и частных лиц находятся следующие месторождения полезных ископаемых: 1) Селенгинский район—мирабилит, 2) Аларский район: а) два месторождения огнеупорной глины, б) охра, 2) Агинский район—вольфрамит, 4) Эхирит-Булагатский район: а) кварц, кварцит, полевой шпат, б) гуджир, 5) Тункинский район: а) асбест, б) графит.

Из всех предприятий работало только одно, со следующими результатами:

	1 кв. 27-28 года (в тоннах)	1 кв. 28-29 года (в тоннах)
к в а р ц . . .	163,805	457,127
к в а р ц и т .	—	—
полевой шпат	81,902	110,840

Остальные предприятия добычных работ не вели.

Поиски и разведки. В 1 кв. 28-29 года выдано 9 свидетельств на поиски и разведки, из них на слюду 7 и 2 на золото. Эта цифра относится только к вновь выданным без ранее выданных свидетельств, действие которых распространяется и на 1 квартал 1928-29 года.

В числе наиболее крупных разведочных работ на золото следует отметить: 1) разведки Союз-золото в Агинском районе, которые охватывают почти весь Агинский район-целиком. 2) Открытие золотоносной площади в Баргузинском районе на увале по реке Чине с весьма высоким содержанием золота.

Наиболее интенсивно ведутся разведки на слюду, что объясняется и высокими ценами и усиленным спросом на слюду со стороны экспортных организаций, а равно сравнительной легкостью поисков на слюду, по сравнению с другими полезными ископаемыми, и возможностью вести поисковые работы без каких либо специальных знаний, больших затрат и проч.

Среди других заявленных месторождений слюды необходимо отметить два, имеющие большое промышленное значение: 1) по кл. Аукал впад. в реч. Холодную (прииск Кичеры), впадающей в Байкал и 2) по кл. Гремячи.

Из последнего месторождения доставлены образцы слюды весьма высокого качества.

5 лет работы Бурят-Монгольского Научного Об-ва имени Д. Банзарова.

Прошло 5 лет со времени возникновения Бурят-Монгольского Научного Общества имени Д. Банзарова. Общество организовалось в мае 1924 года. Его организация определялась необходимостью развертывания работы по изучению Бурятии при использовании результатов этого изучения для нужд социалистического строительства. Бурят-Монгольское Научное Общество имени Д. Банзарова поставило своей задачей: «Всестороннее научное изучение бурят-монголов и стран как ими занимаемых, так и связанных с ними в географическом и культурно-хозяйственном отношении» (устав об-ва). При чем собрание научных материалов и разработка их должны содействовать разрешению и освещению экономических, социальных, политических и культурных вопросов жизни, строительству Бурят-Монгольской АССР в связи с общими задачами социалистического строительства СССР. Работа общества протекала по линии трех секций: физико-географической, экономической и историко-этнологической. Недавно выдвинут вопрос об организации секции школьного краеведения, но она еще не оформилась.

Научное Общество имеет аймачные отделения: Аларское, Хоринское, Тункинское и краевед-

ческие кружки: Боханский, Бильчирский (Боханского района), Верхне-Талецкий, Сутайский (на Тугнуе), Мухоршибирский.

На первое января 1929 года в Бурят-Монгольском Научном Обществе имени Д. Банзарова состояло: почетных членов 6 ч., действительных членов—315 ч. и членов-соревнователей 36 чел. По национальному составу: бурят-монгол—125 ч., русских 182 ч., других национальностей 8 ч. К сожалению, не все члены общества активно участвуют в его работе.

5 лет - очень короткий срок для развертывания научно-краеведческой работы особенно при недостатке средств и культурных сил. Однако, Бурят-Монгольское Научное Общество за время своего существования, выполнило ряд ценных работ по изучению природы, хозяйственной и культурной жизни, истории и этнографии края. Часть работ выполнялась совместно с другими учреждениями. Деятельность общества выражалась в организации небольших экспедиций-обследований, докладах на заседаниях, издании печатных материалов, работе научной библиотеки. Общество ведет разнообразную переписку научного характера, обменивается изданиями с различными научными организациями СССР. С 1925 года издается орган Бурят-Монгольского Научного Общества имени Д. Банзарова «Бурятиеведение». С 1928 года он становится совместным органом Научного Общества и Бурят-Монгольского Научного Комитета. Всего вышло 5 книжек журнала (№ I—IX). В «Бурятиеведении» опубликован ряд работ по естествознанию, экономике, археологии, истории, этнографии, культурному строительству республики, а также ряд программ и инструкций по различным вопросам краеведческого изучения. Часть работ вышла отдельными оттисками—брошюрами, книжками, кроме того, Обществом изданы отдельные книги. М. Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа», И. И. Серебrenникова «Буряты, их хозяйственный быт и землепользование», сборник «Декабристы в Бурятии».

В своей работе Общество встречало активную поддержку со стороны органов власти БМАССР и парторганизации.

Было, конечно, в работе Бурят-Монгольского Научного Общества и ряд дефектов. Недостаточна была поставлена работа по вовлечению широких масс пролетариата крестьянства, служащих в краеведческую работу, популяризация научно-краеведческих вопросов. Проект организации популярных лекций в рабочих клубах, например, не мог осуществиться. Плохо налажена связь Общества с деревней, улусом, с низовыми краеведческими ячейками. Испытывается недостаток средств. Не было возможности наладить регулярный выпуск журнала «Бурятиеведение».

В будущем Бурят-Монгольское Научное Общество имени Д. Банзарова надеется изжить эти недостатки. Развивающийся хозяйственный и культурный подъем Бурятии ставит задачи более широкого развертывания краеведческого изучения. При чем эта работа принимает плановый характер. Госпланом составляется пятилетний план научно-исследовательских работ в Бурятии. Научное Общество примет посильное участие в реализации этого плана. В работе по изучению республики

должны участвовать не только квалифицированные научные работники, но и широкие массы трудящихся под руководством краеведческих организаций.

Ф. К.

Первые попытки организации сплава леса по Байкалу.

Для пробного сплава по Байкалу Бурлесом заготовлено в Кико-Туркинской даче 25500 бревен, из них около 14500 бревен по р. Кике и около 11000 по р. Турке. На молевой с-лав до Байкала артели уже запряжены. На устройство плавающих запаней в устьях р. р. Кика, Турка потребные материалы частью уже посланы и частью,

как троссы, высылаются на-днях по установке перевозов через р. Селенгу. Также высылаются и троссы для увязки плотов при буксировке по Байкалу. С Госпароходом ведутся переговоры о порядке и цене буксировки плотов. Предполагается сделать пробы сплава бревен однорядными и многорядными плотами и затем увязанными специальными стокками в «пучки» по способу Ларсена. Ввиду громоздкости приспособлений для устройства плотов по системе Альберта и отказа Госпарохода от буксировки 10000 бревенных плотов, плоты по системе Альберта в этом году сплавлять не предполагается. Буксировать плоты предполагается в бухту Клкэвку в 8 км. от ст. Мысовой.

Медовый.

А. Натольский и И. Хороший „Пушное дело в Якутии“. Г. Якутск, 1928 г. изд. к-ва „Ленинец“. Цена 2 руб.

Несмотря на первостепенное значение охоты в бюджете значительной части населения северной полосы С. С. С. Р., несмотря на то, что основной продукт этого промысла—пушнина, является одним из важнейших предметов заграничного экспорта, в котором в настоящее время особенно заинтересовано государство, до сих пор этой отрасли народного хозяйства внимание уделяется далеко не в достаточной степени. Если не считать журнальных и газетных статей, более крупные, более серьезные работы по вопросам охотничьего хозяйства можно перечислить по пальцам. Сравнительно с другими местностями РСФСР. Якутия в этом отношении находится, пожалуй, в лучших условиях: вопросам промысловой охоты этой республики уделяли серьезное внимание Доппельмайр, Константинов, Тимофеев—Терешкин. Тем не менее книга Н. Натольского и И. Хорошего является далеко не лишней, давая новый и более свежий материал. Удачна мысль авторов начать книгу с краткою, но достаточно обстоятельного экономического очерка, что дает возможность читателю ясно представить себе удельный вес охотничьего промысла в общем хозяйственном обиходе республики.

Весьма выпукло выявлены крупные недочеты, которые имеются в настоящее время в состоянии запасов промысловых животных и в способах их использования охотником и заготовителем. Несколько слабее, слишком схематична та глава, где намечаются мероприятия по оздоровлению охотничьего хозяйства, но с целесообразностью этих мероприятий можно в общем согласиться.

В описании отдельных промысловых животных специалист-зоолог найдет ошибки, но останавливаться на них едва ли стоит, принимая во внимание, что центр тяжести работы—в другом.

В общем авторы дают большой фактический и цифровой материал и не только из области охоты, но и по другим отраслям хозяйства Якутии. Говоря об охоте не отдельно, а в связи со всеми другими ресурсами республики, Натольский и Хороший тем самым, рельефнее выявляют крупное народно-хозяйственное значение охоты, и сам собой напрашивается вывод о необходимости обратить на нее сугубое внимание, как на промысел ежегодно дающий высокоценных экспортных продуктов на 4.000.000 руб., что составляет больше половины стоимости всего импорта потребляющей Якутии.

Издана книга хорошо, если не считать рисунков. Последние настолько неудовлетворительны, что, нам кажется, работа несколько не потеряла бы, если бы большинства их совершенно не было

К. Забелин.

В. А. Обручев. Селенгинская Даурия. Орографический и геологический очерк. Издание Троицкосавского отдела Государственного Географического общества, 1928 г.

Указанный орографический и геологический очерк охватывает частью бывшие территории Прибайкалья и Забайкалья или в данное время южную часть центральной территории Бурят-Монгольской АССР и Читинский район Забайкальской губернии. В геологическом отношении вышеуказанная территория более или менее полное освещение в общих штрихах получила в девяностых годах прошлого столетия в период постройки Сибирской железнодорожной магистрали. Автор очерка, в то время принимавший широкое участие в геологических изысканиях, собрал богатый материал, составил целый ряд геологических описаний и карт, являющихся и до последние дни единственным материалом по изучению геологии Селенгинской Даурии, занимающей, по мнению автора, в отношении разнообразия изверженных пород одно из первых мест на земном шаре.

Орографический и геологический очерк Селенгинской Даурии представляет по существу сводку прежних работ автора частью пополненных краткими сведениями небольших работ последнего столетия разного рода случайных геологов.

Излагаемый в очерках материал по преимуществу, хотя и преследует главным образом научное значение, но и в этом направлении, без всякого переложения и обработки, он является существенно ценным и полезным в практическом отношении. Как пример, можно привести в отделе описания после третичных отложений—перечисление районов, где сыпучие пески уже имеют значительное развитие и где они при неосмотрительной вырубке леса могут получить еще большее распространение, превращая целые районы в пустыню.

К сожалению, сам автор оговаривает, что размер очерка заставил его и этот материал сократить и выбросить или свести до минимума целые отделы. Так, в практическом отношении наиболее интересный и существенно важный для ВМАССР отдел описания полезных ископаемых является самым до минимума. Обзор литературы хотя и занимает в очерке 56 страниц, но, по словам автора, также является неполным.

Приходится весьма сожалеть, что очерки охватывают только часть территории БМАССР, тем более, что последняя в появлении очерков в печати принимала непосредственное участие.

П. Бутырин.

Бездорожье Сибири. Итоги работ первого дорожного съезда Сибирского края Ред. П. Е. Агеева и И. Г. Прокофьева, г. Новосибирск, изд. Сиб. Краев. Упр. местного транспорта (Н-ПС ПУМТ.) 1929 г., 80 стр. 52 тир. 1000, Беспл.

11-15 февраля 1929г. в г. Новосибирске происходил первый дорожный съезд Сибирского края с участием представителей всех дорожных организаций Сибири (дорожных участков Сибкраймеса, отделов местного хозяйства, переселенческих управлений и т. д.), а также входившего в систему Сибкраймеса Бур. Монг. управ. местного транспорта. Освещению работ съезда (докладов и резолюций) и посвящена рецензируемая брошюра. По одному из докладов «Состояние дорожного и автомобильного хозяйства сибирского края и перспективы его развития» брошюра дает и протокольное изображение прений, в которых, судя по опубликованным сообщениям, выступало 21 участник съезда. Доклад этот был центральной от правой вехой в работах съезда и ему вместе с прениями и резолюцией уделено более половины книжки—27 страниц. И это понятно. Дорожное хозяйство, как в Сибири, так и по всему Союзу до последнего времени переживало полосу упадка, разнобоя и организационной немощи. В то время, как другие отрасли народного хозяйства давно уже вышли на широкий путь реконструктивного строительства или, в крайних случаях, близко подошли к довоенной меже,—грунтовые и шоссейные дороги, играющие в условиях неозримых пространств Советского Союза и весьма слабого покрытия его железнодорожной сетью, огромную распределяющую роль, до сих пор в большей своей массе разбиты и разрушены. В отношении госдорог положение все-же лучше: они в значительной части уже или восстановлены в основном или находятся в процессе интенсивно развертывающихся строительных и ремонтных работ. Дороги же местного значения сплошь и рядом продолжают оставаться в непроезжем состоянии, сокращая и удорожая товароборот с деревней и отрывая на целые месяцы от рынков сбыта и распределения отдаленные сырьевые и потребляющие районы. По данным приводимым на стр. 8 и 9 книжки, километровый расход на дороги госуд. и местного значения (по разрядам) за последнее пятилетие составил в рублях:

на дор. госнач. краев. и окружн. район. сельск.				
1061,25	169,65	16,49	1,25	

Эти цифры станут еще более наглядными и выразительными, когда учесть, по тем же данным (стр. 7) что в Сибкрае госдорог насчитывается 5421 км., краев. и окружн. 13.720 км., район. 36343 км. и сельских 31754 км. (последних очевидно, больше). При чем большинство местных дорог, в особенности, двух последних категорий только с большой натяжкой могут быть названы дорогами, ибо в них нет тех основных элементов,

из которых слагается грунтовый путь; ни канав ни ясно выраженного направления, не говоря уже о профилированном технически правильно построенном полотне. Но даже такими „дорогами“ Сибирский край (как и Вурреспублика) обеспечены в крайне малой степени: их меньше (относительно), чем в индустриальных странах Запада и САСШ железных дорог, не говоря уже о шоссейных. На стр. 7 приведена таблица сравнительной плотности дорожной сети (железной, шоссейной и грунтовой) на 1000 жит. и 100 кв. кил. территории для Франции, Германии, Англии и Сибири. Таблица эта, к сожалению, или благодаря недосмотру составителей или в процессе набора и печати, построена так, что пользоваться ею можно только весьма осторожно. Так, в этой таблице указывается, что в Сибири на 1000 жителей приходится 0,002 км. грунтовых дорог, а двумя страницами впереди (стр. 5) приведены уже совершенно другие цифры сравнительной плотности грунтовых дорог для Сибири, совершенно несоизмеримые с первыми, но очевидно, более или менее достоверные—12 км (100 тыс. км. протяжения при 8 мил. жит. М. П.).

Таким образом, грунтовых дорог в Сибкрае на 1000 жит. приходится меньше, чем, например, во Франции железных дорог (последних в ней 14 км.); что же касается шоссейных дорог в обоих странах, то и сравнивать их нельзя: во Франции на 1000 жит. шоссейных дорог 148 км. в Сибири же их в 11.400 раз меньше—13 метров (106 км. 8 мил. x 1000 М. П.) (в таблице указаны опять таки несуразные цифры—0,002 мет (?))

Ко всему этому дорожное хозяйство в Сибири, как и по всему союзу до последнего закона было раздроблено: строительство госдорог было сосредоточено в органах НКПС (Сибкраймесе и его участках); местные же дороги по существу оставались беспризорными: ими занимались ОМХ и переселенческ. управл., военвевды и т. п., но все это носило спорадический неплановый характер и болезненно отражалось на экономике страны.

В этих условиях состоянии дорожного хозяйства, накануне коренной реорганизации его и автотранспорта, который был еще более беспризорным, и собрался первый дорожный съезд Сибкрая; вот почему главное внимание съезда и было сосредоточено на отмеченном выше организационно руководящем докладе. Докладчик (быв. начальник Сибкраймеса П. Е. Агеев), помимо обрисовки состояния дорожного хозяйства в Сибири, остановился на произведенных уже работах в крае и ближайших задачах, стоящих перед органами, ведущими дорожным строительством. В докладе приведен интересный фактический и руководящий материал, который, в особенности для непосвященного читателя, даст очень многое для познания дорожного хозяйства Сибкрая. К сожалению, местами доклад и заключительное слово изложены в странной и недопустимой форме (в особенности см. стр. 27), а некоторые из цифр, приведенные в книжке внушают к себе большое сомнение. Отчасти об этом было уже упомянуто, можно привести еще пару примеров: на 7 стр. в 29 строке сверху указано, что дорог местного значения в Сибири учтено 84.742 км. (кроме них гос. 5421 км. и переселен. 10.021 км., всего 100184 км.), а на этой же странице, на 14 строками ниже при раз-

бивке местных дорог на разряды даны уже другие цифры, чем приведенные ранее, в общей сумме дающие уже только 81.817 км; чему же верить?

Далее — докладчик приводит на стр. 5 след. данные сравнительной стоимости гужевых перевозок за тонну-километр (в копейках): „по обыкновенной грунтовой дороге 200, по санному пути 30 и по шоссе или хорошей гравийной дороге 30-45“. Цифры эти также вызывают сомнение, в особенности первая, а также соотношение между колесной и санной перевозкой (1:7) Проф. Г. Д. Дубелир („Дорожное дело“ стр 6) дает для этой категории дорог („неустроенная грунтовая дорога“) значительно меньшие показатели стоимости гужевых колесных перевозок: $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ к. пудо-верста, т. е. в среднем 2 к. (131 коп. тонно-кил.); для санного пути $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ коп., т. е. только в три раза меньше—40 коп. т. к., если же взять улучшенную грунтовую дорогу, то соотношение между колесным и санным путем определится 1:2. Эти данные носят не только теоретический характер, но и подтверждаются практикой в БМАССР и на Якутском тракте. Экономика грунтовых дорог находится еще в зачаточном состоянии и ей необходимо уделить особое внимание, как правильно отметил в своих резолюциях и первый дорожный съезд Сибкрая.

Более подробно докладчик остановился на техническом состоянии дорог, вложенных уже средствах на их ремонт и строительство, отметил те качества, недостаток и слабую квалификацию технического персонала, затруднительные условия для использования автотранспорта (имеется новых 70 машин, а их не знают „где использовать из-за отсутствия исправных дорог“ см. стр. 9), необходимость привлечь к делу дорожного строительства трудовые крестьянские массы и заинтересованные общественные и хозяйственные организации. Особое внимание должно быть уделено научно-исследовательским работам, в частности техническим и экономическим изысканиям, которые и должны быть положены в основу планомерного дорожного строительства и являться неприменным предварительным условием их развертывания. Докладчик обратил внимание на необходимость обеспечения квалифицированной технической и рабочей силой, ежегодного увеличения средств, отпускаемых на дорожное строительство, создания краевого дорожного фонда, целесообразного использования дорожного механического парка (кстати сказать, имеющегося лишь на госдорогах), усилению его, нормализации работ, развития гаражного строительства и тому подобное. Все эти вопросы, довольно подробно освещенные в докладе и прениях, получили отражение и в резолюциях съезда.

Этот доклад представляет наибольшую ценность для первоначального знакомства с дорожным хозяйством Сибири, почему мы так подробно остановились на нем. Остальные доклады были посвящены отдельным циклам вопросов, так или иначе затронутым в основном докладе.

Доклад инженера Д. Д. Лаппо. „Практические мероприятия по привлечению бесплатного труда населения к дорожным работам“ ставит вопрос об условиях целесообразного использования труда населения, привлекаемого к дорожным работам, согласно последнего декрета ЦИК СССР от 28 но-

ября 1928 г. Без средств населения никакие напряжения госуд. и местного бюджетов к изжитию бездорожья страны не помогут. Максимально на что может рассчитывать Сибкрай бросить на дело дорожного строительства в течение ближайшего пятилетия 25 мил. руб.; трудоспособное же население при 3-х дневной работе даст уже 73,5 мил.руб. лей; пятилетний же план Сибкраймеса рассчитывает на помощь населения в размере всего лишь 11,5 мил. руб., но для рационального использования этих средств необходима предварительная подготовка со стороны РИК'ов, популяризация через „Автодор“ и другие организации, а также непосредственно, работ среди населения, подбор дорожных штабов, разработка подробных планов, обеспеченность инструментами, правильный технический надзор и т. п.

Доклады Н. Т. Евсеева „О рационализации и нормировании“ и инж. Э. Г. Аппинга „Механизация дорожно-строительных работ“ и резолюция по ним выдвигает создание на местах особых ячеек по рационализации из рабочих и технадзора при экономкомиссиях для повышения качества технического использования работ, проверки трудовых норм и устранения бесхозяйственности с организацией бюро нормирования при Сибкраймесе; упрощение отчетности, систему премирования, исследование норм производительности труда и рабочих машин, разработку стандартных типов искусственных сооружений, необходимость применения машинных работ с частичной постройкой упрощенных мехснарядов на месте и т. п.

Доклад А. А. Бережного „Обеспечение безрельсовых дорог (сибири) техперсоналом и мероприятия по поднятию квалификации“ с резолюцией по докладу предусматривают реорганизацию временных дорожных курсов при Сибкраймесе с образованием аналогичных курсов в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске, создание курсов для подготовки работников низшей квалификации (дор. десятников), расширение учебной программы сибирских строительных техникумов, открытие отделения местного транспорта при Сибир. технолог. Институте открытие дорожного уклона в некоторых школах 2 й ступени (?), изучение техработниками моторного дела и т. п.

Доклады инж. Э. Г. Аппинга „Обследовательская работа в дорожном деле“ и В. В. Метелкина „Экономическое исследование шоссежных и грунтовых дорог“, освещающие значение и методы научно-исследовательских работ в дорожном деле, получили одобрение в резолюциях съезда, обращающей внимание на необходимость создания при Сибдоротделе исследовательской станции, опытных участков дорог, изучение вопросов мерзлоты, выбоунов, пучин, наледей и способов борьбы с ними, развертывание работ по экономическим исследованиям районов и грузонапряженности дорожной сети, в первую очередь, под'ездных путей, гсс. краев. и окружн. дорог с организацией и непосредственного учета над движением грузовых потоков и т. п.

Помимо докладов в брошюре помещены предисловие П. Е. Агеева и его заключительное слово с работах съезда.

Таково в основном содержание книжки, посвященной бездорожью Сибири. Несмотря на отдель-

ные отмеченные дефекты и недочеты—выпуск ее все же нужно приветствовать, тем более, что литература о дорожном хозяйстве Сибири крайне бедна и насчитывает только несколько, ныне в значительной степени устаревших изданий.

В брошюре помещены 5 фотографий, из которых наглядно рисуют современное состояние сибир-

ских дорог. Большим дефектом является отсутствие под фотографиями указания места снимка; голая подпись „мост“, „полотно дорог“ и тому подобное—недостаточна.

М. П—с.

Ответредактор *А. Данилов.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

планово-политико-экономический и краеведческий орган
Госплана ТССР

„Труд и Хозяйство Т. Р.“

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ОТДЕЛЫ:

Политика и экономика.

Краеведение.

Корреспонденция с мест.

Экономическая и краеведческая
хроника.

Критика и библиография.

В журнале принимают участие:

Лйхенвальд, Агишев, Аюпов, Аеров, Ахметшин М., Акшаев, Арбатов С. Я., Артемьев Я. Н. (кр.), Абызов Г. Ш., Асанов Т. Ф., Атнагулов, Афанасьев Аг., Афанасьев Ан., Алентов П. А., Бергер А. Б., Бебешин И. А., Багаутдинов, Бейбулатов О. В., Борисов М. И., Бурдянский И. М. (инж.), Буриашев С., Васильев-Семенов, Вольфович, Васильев А. М. (проф.), Вейслин Н.-Б. (доцент), Винер В. В. (проф.), Воробьев Н. И., Вишневатский В. А. (инж.), Ганеев Г., Горин В. М., Григорьев А. Н. (проф.), Гаранин П. В., Губайдуллин, Гордягин А. Я. (проф.), Дыхно М. А. (проф.), Дульский П. М., Егеров В. В. (инж.), Ермолаев В. М., Исмаев К., Исхаков В., Измайлов Ш., Ильин С., Колосов А. М., Казарновский, Коновалов А. С., Касимов, Колосовский, Казяков И. М., Коржец А. В., Копыков С. Н., Кутенин И. М. (инж.), Корбут М. К. (доцент), Мухамедьяров, Москвин И. П. (инженер), Мосолов (проф.), Муслимов, Новицкий Л., Ноинский (проф.), Нуруллин, Пора-Леонович Б. Н., Победоносцев И. Ф. (доцент), Петров Н. В., Пеньковский Б. М., Преображенский Е. А., Паперный, Попов В. А., Разумов, Рагс, Рубинштейн Л., Рахматуллин, Сакс И. И., Саттаров К., Сагидуллин, Сафин М. Э., Сингалевич С. П. (проф.), Ситнов В. В. (инж.), Сорокин И. А. (кр.), Сызганов А. А., Сайфи Ф. Х. (доцент), Судейкин Г. С. (проф.), Тарханов О., Труфанов А. А. (инж.), Трусфус М. А. (инж.), Талеев Т., Тагиров Г. Ш., Трухин П. А., Тюрин И. В. (проф.), Украинцев В., Файруллина И., Филиппов (инж.), Фирсов Н. Н. (проф.), Финн, Федотов А., Фридлянд Л. О., Хасанов М. А., Худояров, Ходжаев, Хузяханов, Царевский Д. В., Чернявский, Шараф Г. Ш., Штуцер И. И., Шлыков Д. Н., Юницкий А. А. (проф.), Юрусов А., Яковлев И., Новиков Н. И. (Н. Иванович), Ольшаиовский С. М., Ризванов, Сомаев.

Ответственный редактор ГОРИН В. М.

Подписка принимается во всех магазинах Татиздата и Госиздата, как Гор. Казани, так и в кантонах Т. Р., в контрагентстве печати и в редакции журнала.

Подписная цена (без приложений) с доставкой и пересылкой:

На год—9 руб., на 6 мес.—5 руб.

Цена отдельного № 1 рубль.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Казань, Кремль, Госплан.

Телефон редакции 93.

Здесь же принимается подписка на объявления в журнале по расценке—
стр. текста—25 руб., ½ стр.—13 руб.